

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

11 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 11 (614) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Мария Гёпперт-Майер* (1906–1972), физик, лауреат Нобелевской премии.

Мария Гёпперт родилась в городе Катовице (Польша), который в то время входил в состав Германии, и была единственным ребенком в семье профессора педиатрии Фридриха Гёпперта и его жены, учительницы языков и литературы Марии Гёпперт. В 1910 году семья переехала в Геттинген, где ее отец был назначен профессором педиатрии в университете. С ранних лет Мария была окружена студентами и преподавателями университета, в круг близких знакомых семьи входили такие великие ученые, как Энрико Ферми, Вернер Гейзенберг, Поль Дирак и Вольфганг Паули. Мария сдала вступительный экзамен в Геттингенский университет, где слушала лекции Макса Борна, Джеймса Франка и Адольфа Виндауса. После защиты докторской Мария вышла замуж за американца Джозефа Майера и вскоре вслед за супругом переехала в США.

В течение нескольких следующих лет Гёпперт-Майер бесплатно преподавала в Университете Джонса Хопкинса в Балтиморе, в университете Колумбии и в университете Чикаго. Получить оплачиваемую работу было невозможно, с одной стороны, из-за Великой депрессии, а с другой стороны, из-за того, что она работала в тех же университетах, где ее муж был профессором, и могла быть обвинена в использовании родственных связей. В 1940 году она совместно со своим мужем опубликовала книгу «Статистическая механика».

В 1946 году после образования Аргоннской национальной лаборатории Гёпперт-Майер предложили работу на полставки в качестве старшего научного сотрудника в отделе теоретической физики. Именно в то время она разработала оболочечную модель ядра, за которую получила впоследствии Нобелевскую премию по физике.

Модель Гёпперт-Майер объясняла существование магических чисел в физике ядра — тот факт, что элементы

с атомными весами 2, 8, 20, 28, 50, 82, и 126 были чрезвычайно стабильными. Суть объяснения состоит в спин-орбитальном взаимодействии нуклонов, в результате чего в ядре образуются оболочки с возможным количеством нуклонов 2, 6, 10 и т. д. При заполнении очередной оболочки получается чрезвычайно стабильная конфигурация ядра.

Примерно в то же время независимо от нее немецкий физик Ханс Йенсен построил такую же теорию оболочечной модели ядра. В 1955 году они совместно написали книгу «Элементарная теория оболочечной модели ядра». После награждения Нобелевской премией в 1963 году Гёпперт-Майер сказала: «Сделать работу было вдвое интереснее, чем получить приз за нее».

В 1960 году Марии Гёпперт-Майер предложили университетскую должность с полной занятостью в Калифорнии. К тому времени состояние ее здоровья заметно ухудшилось — случился тяжелый инсульт. Следовало сбавить обороты, но Гёпперт-Майер не остановилась. «Если любишь науку, — сказала она, — хочешь только одного — продолжать работать».

После смерти Гёпперт-Майер Американское физическое общество учредило награду в ее честь, присуждаемую молодым женщинам-физикам в начале их научной карьеры. Любая женщина со степенью кандидата наук может получить деньги, а также возможность выступить с лекциями по теме своих исследований в четырех ведущих научных учреждениях. Чикагский университет также ежегодно присуждает премию имени Гёпперт-Майер достигшей научных успехов молодой женщине-ученому или инженеру. Калифорнийский университет в Сан-Диего проводит ежегодный симпозиум имени Гёпперт-Майер, собирающий женщин-исследователей для обсуждения современной науки.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Белоусова Е. А., Неверович М. С.

Особенности производства эксгумации в уголовном процессе..... 137

Булгина Е. Н.

Каскадная модель административной ответственности юридических лиц при автоматической фиксации правонарушений..... 140

Булгина Е. Н.

Соотношение фактического и регистрационного владения транспортным средством при привлечении юридических лиц к административной ответственности 142

Вареница К. А.

Цифровая валюта как имущество в уголовном праве Российской Федерации: новые законодательные подходы 144

Вершинина А. Д.

Роль Совета Безопасности ООН в разрешении международных конфликтов на современном этапе: правовой аспект 146

Галандарова С. А.

Ответственность за неуплату алиментов в КНР: система административных и уголовно-правовых мер..... 148

Желтова Е. А.

Проблемы квалификации необходимой обороны 151

Кадыров С. И.

Участие и роль суда общей юрисдикции в примирении субъектов конфликтующих правоотношений..... 156

Капитонова Я. И.

Соотношение публично-правовой и частноправовой ответственности в деятельности органов управления хозяйственных обществ 159

Капитонова Я. И.

Ответственность единоличного исполнительного органа при одобрении крупных сделок и сделок с заинтересованностью: стандарты осмотрительности и судебная практика..... 162

Кирмизов М. С., Эргашева М. Ш.

Смарт-контракты в России: проблемы теории и практики 165

Кудря М. Г.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании: историко-правовой анализ..... 168

Лоза Ю. В., Тарасова А. В.

Проблемы прекращения уголовного дела или уголовного преследования 170

Мислимзаде Д. А.

Проблемы муниципальной собственности как объекта управления: сущность, состав и правовой режим..... 173

Михайлов Д. И.

Типичные следственные версии на первоначальном этапе расследования изнасилования, совершенного в отношении несовершеннолетнего 176

Никитина Д. А.

Цифровая трансформация транспортной отрасли России: тенденции, барьеры и стратегические приоритеты 177

Овчинникова Е. А.

Оценка цифровых доказательств в российском уголовном процессе 182

Потиха В. А.

Морской протест: утратил ли он юридическую силу в качестве доказательства в эпоху электронного документооборота..... 183

Репин О. И.

Особенности договора продажи недвижимости 185

Рыбалкин В. С. Барьеры мобильности: исследование удовлетворенности работой общественного транспорта у людей, использующих инвалидные коляски 187	Фахрутдинов А. А. Дробление закупок как нарушение публичного порядка в сфере государственных (муниципальных) закупок... 197
Сафина Ю. К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с участием в специальной военной операции 190	Хадай К. Ю. Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации 199
Сафина Ю. К. Тенденции развития права социального обеспечения на современном этапе..... 191	Чикова В. О. Административно-правовая основа изъятия земельных участков..... 201
Сидорова А. М. Проблемы правового регулирования имущественных отношений супругов 193	Швец Д. Е. Роль органов прокуратуры Российской Федерации в увековечивании памяти о Великой Отечественной войне..... 203
Тыщенко М. С. Роль цифрового пространства (социальные сети, закрытые чаты) в рекрутинге и обучении несовершеннолетних противоправным действиям 196	Янушкевич Э. В. Актуальные проблемы компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов..... 206

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности производства эксгумации в уголовном процессе

Белоусова Екатерина Андреевна, студент;

Неверович Мария Сергеевна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Данная статья посвящена комплексному анализу процессуальных и тактических особенностей производства эксгумации в рамках уголовного судопроизводства. Актуальность темы обусловлена возрастающей ролью судебно-медицинских экспертиз при расследовании преступлений против жизни и здоровья, где эксгумация выступает необходимым следственным действием для извлечения трупа из места захоронения. В работе подробно рассматриваются правовые основания и процессуальный порядок эксгумации, регламентированные Уголовно-процессуальным кодексом РФ, включая необходимость получения судебного решения и согласия близких родственников. Особое внимание уделяется анализу проблемных аспектов: соблюдению этических норм, взаимодействию с органами местной власти и специалистами в области судебной медицины, а также тактике проведения осмотра трупа после его извлечения. Детально описывается процесс исследования эксгумированного трупа: необходимость тщательного описания гроба и его содержимого, правила изъятия образцов (грунта, насекомых, костных останков для ДНК-анализа), а также методика определения давности захоронения с учетом энтомофауны и проросших растений.

Ключевые слова: эксгумированный труп, эксгумация, извлечение трупа, следственные действия, уголовный процесс, место захоронения.

Features of exhumation in criminal proceedings

The article provides a comprehensive analysis of the procedural and tactical aspects of exhumation in criminal proceedings. The relevance of this topic stems from the increasing role of forensic examinations in the investigation of crimes against life and health, where exhumation is a necessary investigative action for the recovery of a body from a burial site. The paper examines in detail the legal grounds and procedural procedures for exhumation, as regulated by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, including the need to obtain a court decision and the consent of close relatives. Particular attention is paid to the analysis of problematic aspects: compliance with ethical standards, interaction with local authorities and forensic specialists, and tactics for examining a body after its recovery. The process of examining an exhumed body is described in detail: the need for a thorough description of the coffin and its contents, the rules for collecting samples (soil, insects, and skeletal remains for DNA analysis), and a method for determining the age of a burial, taking into account the entomofauna and sprouting plants.

Keywords: exhumed corpse, exhumation, body extraction, investigative actions, criminal proceedings, burial site.

Принятие решения о производстве того или иного следственного действия обусловлено заложенным в нём потенциалом, возможностью решать стоящие перед следствием задачи быстро, эффективно, с максимальной отдачей в оптимально сжатые сроки и с наибольшим эффектом, получая нужную для расследования и раскрытия преступления информацию.

Эксгумация является следственным действием, под которым понимается извлечение трупа из земли для судебно-медицинского исследования.

Обращаясь к российскому законодательству, следует говорить о том, что эксгумация трупа нашла отражение в ч. 3–5 ст. 178 УПК РФ и предусматривает ее проведение лишь при наличии возбужденного уголовного дела [1]. УПК РФ регулирует случаи эксгумации ранее погребенного, похороненного трупа, то есть извлечение трупа из места захоронения, вне зависимости от того, произведено ли захоронение трупа в соответствии с официально установленными правилами или без соблюдения этих правил, в том числе и с целью сокрытия следов пре-

ступления. При этом местами захоронения могут быть не только могилы в земле, но и другие места погребения или усыпальницы: склепы гробницы, стены и ниши колумбариев, служащие местами хранения урн с прахом кремированных трупов, вода (ст. 3 Федерального закона № 8-ФЗ от 12 января 1996 г. «О погребении и похоронном деле») [2].

Тактика производства эксгумации определяется следователем и заключается в:

- продуманных действиях следователя по проведению данного следственного действия, соблюдении тишины, не причиняя ущерба не только раскапываемой могиле, но и соседним;
- заранее определенном круге лиц, участвующих в производстве эксгумации;
- обеспечении всеми необходимыми средствами, инструментами и приспособлениями, средствами доставки их до места назначения;
- создании соответствующих условий по обеспечению успешного проведения осмотра трупа, предъявления его для опознания и судебно-медицинской экспертизы трупа после производства эксгумации;
- проведении эксгумации только в строго определенных местах — «местах захоронения»;
- обеспечении повторного захоронения трупа [3].

Если эксгумация производится для установления возможного отравления как истинной причины смерти, то производится забор почвы для судебно-токсикологического исследования, что должно быть отражено в протоколе эксгумации. В соответствии с УПК РФ при проведении эксгумации составляется протокол эксгумации. В протокольной части указываются глубина, на которой обнаружена крышка гроба, и глубина могилы в целом. В обязательном порядке описываются:

- дно могилы (наличие или отсутствие в ней жидкости);
- сам гроб (материал, из которого изготовлен гроб, украшения на нем, состояния целостности и изменений). После описания гроба осуществляют вскрытие его крышки, затем производится опознание трупа его близкими родственниками и знакомыми.

По окончании опознания гроб закрывается, направляется в Бюро судебно-медицинской экспертизы (далее — БСМЭ) для проведения исследования. Если родственники или близкие, знакомые лица, труп которого эксгумируется, отсутствуют, то следователь уточняет у администрации кладбища, кто по документам захоронен на этом месте, после чего труп направляется в БСМЭ. На этом этапе эксгумация как следственное действие прекращается.

В случае, если эксгумации подвергаются трупы лиц, тайно захороненных, то в протоколе эксгумации в обязательном порядке отражаются сведения, послужившие основанием для принятия решения о производстве данного следственного действия. Сам процесс производства эксгумации не отличается от процесса проведения

эксгумации захороненного трупа. Однако при этом имеются некоторые особенности. Так, обязательным является отражение в протоколе позы трупа, так как зачастую она может свидетельствовать об обстоятельствах смерти. При проведении судебно-медицинского исследования эксгумированных трупов необходимо соблюдать те же правила, что и при первоначальном исследовании [5, с. 125].

После чего эксперт составляет план проведения исследования, определяет основные моменты, на которые необходимо обратить пристальное внимание. Исследование должно быть предельно тщательным настолько, чтобы в случае возникновения новых вопросов, на них можно было бы ответить из уже полученной информации. Несмотря на то, что гроб, в котором было захоронено лицо, труп которого подвергается эксгумации, описывается сотрудником следствия, назначившим эксгумацию и производящим ее, судебно-медицинский эксперт, со своей стороны, должен самым тщательным образом исследовать гроб, произвести соответствующие исследования эксгумированного трупа

В некоторых случаях эксперт оказывает следователю помощь в подробном описании гроба, материала, из которого он изготовлен, украшения на гробе, цвета и характера окраски или обивки текстильной ткани. При вскрытии гроба в морге судебно-медицинский эксперт фиксирует положение трупа и делает подробное описание его в гробу, обращая внимание на наличие плесени, ее локализацию, насекомых, их личинок, куколок и т. п. После извлечения трупа из гроба начинается детальное исследование его, включая одежду [4, с. 18].

Одним из ключевых вопросов производства эксгумации является установление времени наступления смерти. С этой целью судебно-медицинский эксперт обязательно должен отобрать насекомых, которых он обнаружил, для установления, на каком этапе цикла своего развития они находятся. Если возможная причина смерти — от утопления, эксперту необходимо будет изъять трубчатую кость с находящимся в ней планктоном и пр.

По общему правилу эксгумация производится после возбуждения уголовного дела, за исключением случая, когда она должна обеспечить до возбуждения уголовного дела проведение осмотра трупа. Так как, согласно ч. 4 ст. 178 УПК РФ, при необходимости осмотр трупа может быть произведен до возбуждения уголовного дела.

После того, как необходимость производства эксгумации «налицо» следователь выносит постановление об её производстве и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. В случае если они возражают против эксгумации, разрешение на её проведение следователь получает через суд.

Уведомлению также подлежит и администрация места захоронения, для которой постановление следователя обязательно. Кроме этого, следователю необходимо получить на производство эксгумации письменное разрешение санитарно-эпидемиологического надзора, при-

званного следить за соблюдением правил захоронения трупов и эксплуатации кладбищ с тем, чтобы исключить возникновения и распространения заразных болезней.

К особенностям тактики производства эксгумации следует отнести следующие положения:

Во-первых, в силу характера места захоронения всё должно быть продумано заранее до мелочей, происходить тихо, без излишнего шума и по возможности быстро, не причиняя не вызванного обстоятельствами раскопок ущерба не только раскапываемой могиле, но и соседним.

Во-вторых, должен быть определённый круг лиц, участвующих в производстве эксгумации. Кроме следователя, понятых, судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия — врача, при необходимости могут привлекаться другие специалисты, например, при раскопках старых военных и ранее неизвестных захоронений — археолог при использовании археологических методик раскопок, энтомолог при необходимости определения давности захоронения и т. д. Обычно в производстве эксгумации так же участвуют представители санитарно-эпидемиологического надзора и администрации места захоронения, близкие родственники или родственники покойного, технические работники места захоронения. По просьбе близких родственников или родственников покойного, если к этому нет объективных препятствий, то возможно также присутствие служителя религиозного культа — священника, муллы и т. п. особенно в том случае, когда эксгумация будет проводиться на вероисповедальном кладбище. В случае же предъявления для опознания должны быть приглашены лица, которым следует предъявлять труп.

В-третьих, требуется обеспеченность необходимыми для извлечения трупа из места захоронения приспособленными для этого средствами, инструментами и приспособлениями (лопатами, ломом, верёвками и т. п.), а также средствами их доставки до места назначения.

В-четвёртых, следователь должен создать соответствующие условия по обеспечению успешного проведения осмотра трупа, предъявления его для опознания и судебно-медицинской экспертизы трупа после производства эксгумации.

Для осмотра трупа и (или) предъявления его для опознания недалеко от места извлечения трупа из земли должно быть подготовлено место, позволяющие свободно со всех сторон всем участвующим лицам осматривать труп и производить с ним необходимые действия с использованием необходимого арсенала технико-криминалистических средств для этих целей [7, с. 36].

Для обеспечения успешного проведения судебно-медицинской экспертизы трупа обычно при производстве эксгумации изымают большое количество образцов для сравнительного исследования. Например, при версии об отравлении планируется провести судебно-химическое исследование. Согласно п. 73.8. «Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях

Российской Федерации», утвержденного приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. N 346н3, при исследовании эксгумированного трупа на судебно-химическую экспертизу направляют землю, взятую по 500,0 г из шести мест (над и под гробом, возле боковых его поверхностей, в головном и ножном концах), а также кусочки одежды, обивки, подстилки, нижней доски гроба (около 500,0 куб. см), различные украшения и предметы, найденные возле трупа.

В-пятых, эксгумация проводится только в строго определённых местах — «местах захоронения», согласно ч. 3 ст. 178 УПК РФ. Как следует из анализа положений ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 12.01.1996 N 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» места захоронения являются одним из видов мест погребения, отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших.

В-шестых, большое значение имеет время производства эксгумации. Не рекомендуется её проводить в религиозные праздники (особенно на вероисповедальном кладбище), в дни рождения или поминовения покойного, чтобы этим не вызвать конфликтов, связанных как с религиозными чувствами, так и с личными, чувствами скорби о потере близкого человека. Не рекомендуется её производство также в выходные и праздничные дни, когда на кладбище большое скопление народа с тем, чтобы никто не стоял рядом, не мешал и не отвлекал [6, с. 48].

Время производства эксгумации характеризуется временем года, частью суток и часами. От этих временных факторов зависит состояние земли (сухая, сырая, промёрзшая и т. д.), которая может, как существенно увеличить время извлечения трупа, так и уменьшить его, как потребовать дополнительных инструментов и приспособления, так и нет. Поэтому следует правильно выбирать время производства эксгумации, чтобы не прилагать дополнительных усилий, средств и времени.

После производства эксгумации необходимо провести повторное захоронение и восстановить по возможности первоначальное состояние могилы (места захоронения).

Подводя итог исследованию особенностей производства эксгумации в уголовном процессе, можно сделать ряд принципиально важных обобщений [10, с. 205].

Эксгумация представляет собой уникальное и исключительное следственное действие, которое, несмотря на свою процедурную сложность, зачастую становится критически важным инструментом для установления истины по уголовным делам, в особенности по фактам убийств, отравлений или иных преступлений, связанных с причинением смерти. Ее правовая природа двойственна: с одной стороны, это действие, направленное на получение новых доказательств, а с другой — процедура, глубоко вторгающаяся в сферу общественной нравственности и межлич-

ностных отношений, связанных с памятью об умершем [8, с.778].

Ключевой особенностью является строгая нормативная регламентация оснований и порядка извлечения трупа из места захоронения. Законодатель устанавливает обязательные условия, что служит важной процессуальной гарантией от произвольного вмешательства. Участие понятых и специалистов (судебно-медицинского эксперта) обеспечивает достоверность результатов и соблюдение этических норм. Особое внимание в правоприменительной практике уделяется балансу между публичным интересом в раскрытии преступления и правами близких родственников умершего.

С процессуальной точки зрения, результаты эксгумации и последующего исследования трупа являются са-

мостоятельными доказательствами, которые подлежат тщательной оценке в совокупности с иными материалами уголовного дела [9, с.57].

Таким образом, эксгумация в уголовном процессе — это не просто техническое извлечение останков, но и сложный, многоступенчатый институт, требующий от следователя безупречного знания процессуального закона, высокой степени тактической и этической культуры. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на детализацию оснований для принудительной эксгумации и усиление гарантий прав лиц, чьи родственные и нравственные чувства могут быть затронуты проведением этого исключительного следственного действия.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря.
2. Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996.
3. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. — 2001. — 5 июня.
4. Гутникова, О. И. Уголовно-процессуальные аспекты эксгумации трупа / О. И. Гутникова // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: сборник научных трудов / под ред. М. М. Горшкова, А. Б. Соколова, А. Р. Сысенко. — Омск: Образование информ, 2022. — Вып. 1. — С. 39–42
5. Данильян, А. С. Тактические особенности производства эксгумации / А. С. Данильян // Юристъ-Правоведъ. — 2021. — № 2 (97). — С. 124–128.
6. Кудрявцев, В. Л. Производство эксгумации: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Международная ассоциация содействия правосудию. — С. 255–258
7. Нугаева, Э. Д. О целесообразности эксгумации и возможностях судебно-медицинской экспертизы эксгумированного трупа / Э. Д. Нугаева, К. В. Сезонов, Т. В. Сезонова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2025. — № 1 (102). — С. 264–272
8. Рыжаков, А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. П. Рыжаков. — Москва: Гарантсервис-университет, 2014. — 1289 с.
9. Шаракшанова, И. Н. Особенности возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего // Вестник магистратуры. 2022. № 11–4 (134). — С. 56–57.
10. Эксархопуло, А. А. Криминалистика: учебник / А. А. Эксархопуло. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. — 904 с.

Каскадная модель административной ответственности юридических лиц при автоматической фиксации правонарушений

Булгина Елена Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются особенности административной ответственности юридических лиц в сфере организации дорожного движения в условиях автоматической фиксации правонарушений. Рассматривается проблема формирования каскадной модели административной ответственности, возникающей вследствие последовательного применения административного штрафа, ответственности за его неуплату и мер принудительного исполнения. Обосновывается необходимость оценки совокупного санкционного воздействия с позиции принципов вины и соразмерности.

Ключевые слова: административная ответственность, юридические лица, КоАП РФ, автоматическая фиксация правонарушений, административный штраф, принцип соразмерности.

Введение

Современное развитие административного законодательства Российской Федерации характеризуется усилением публично-правового регулирования в социально значимых сферах. Одной из таких сфер является организация дорожного движения, где обеспечение безопасности граждан и поддержание установленного порядка требует эффективных механизмов государственного контроля.

В последние годы важным инструментом выявления административных правонарушений стали автоматизированные комплексы фото- и видеофиксации. Их использование позволяет существенно повысить выявляемость правонарушений, а также минимизировать влияние субъективного фактора при фиксации нарушений правил дорожного движения.

Вместе с тем внедрение автоматических средств фиксации повлекло существенную трансформацию механизма административной ответственности. В частности, в ряде случаев постановления о привлечении к административной ответственности выносятся без составления протокола и без непосредственного взаимодействия с предполагаемым правонарушителем.

Особое значение данная проблема приобретает применительно к юридическим лицам, эксплуатирующим транспортные средства либо осуществляющим деятельность, связанную с их использованием.

Юридические лица выступают самостоятельными субъектами административной ответственности. Особенностью правового регулирования является специфическая конструкция их вины.

Согласно ч. 2 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях юридическое лицо признается виновным, если будет установлено, что у него имелась возможность соблюдения установленных правил, однако оно не приняло всех необходимых мер для их соблюдения.

Таким образом, вина юридического лица носит организационный характер и выражается прежде всего в недостатках управления, отсутствии должного контроля за деятельностью работников или неэффективности внутренних механизмов предупреждения правонарушений.

В сфере дорожного движения юридические лица могут привлекаться к административной ответственности за различные правонарушения, включая нарушения правил эксплуатации транспортных средств, размещения автомобилей или требований регионального законодательства о благоустройстве.

Автоматическая фиксация представляет собой особый механизм выявления правонарушений, при котором фиксация осуществляется техническими средствами без участия должностного лица.

В таких случаях постановление о привлечении к административной ответственности выносится на основании данных государственного регистрационного учета транспортных средств.

Данная конструкция предполагает использование презумпции принадлежности транспортного средства зарегистрированному владельцу. Однако такая презумпция является опровержимой.

Лицо, привлекаемое к ответственности, вправе представить доказательства того, что транспортное средство находилось во владении другого лица.

Практика применения законодательства показывает, что административная ответственность юридических лиц может приобретать последовательный характер.

Первоначально юридическое лицо привлекается к административной ответственности за совершение правонарушения и ему назначается административный штраф.

В случае несвоевременной уплаты штрафа возникает новый состав административного правонарушения — неуплата административного штрафа в установленный срок.

В дальнейшем возможно применение мер принудительного исполнения, включая взыскание штрафа судебными приставами.

Таким образом формируется последовательная система санкционного воздействия.

Данная конструкция может быть охарактеризована как каскадная модель административной ответственности, при которой первоначальное правонарушение порождает последующее усиление санкционного воздействия.

Одной из ключевых проблем каскадной модели ответственности является вопрос соразмерности.

Формально каждое последующее взыскание основано на самостоятельном составе административного правонарушения. Однако совокупный финансовый эффект может значительно превышать санкцию за первоначальное нарушение.

Особенно это актуально для организаций, эксплуатирующих значительное количество транспортных средств.

В подобных ситуациях возникает необходимость оценки санкционного воздействия не изолированно, а с учетом совокупности применяемых мер.

Анализ правового регулирования и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о формировании новой модели административной ответственности юридических лиц в сфере организации дорожного движения.

Использование автоматических средств фиксации правонарушений способствует повышению эффективности административного контроля, однако одновременно усиливает формализацию процедуры привлечения к ответственности.

В этих условиях особое значение приобретает обеспечение баланса публичных и частных интересов, а также соблюдение принципов вины и соразмерности.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
2. Бахрах Д. Н. Административное право России. — М.: Норма, 2021.
3. Россинский Б. В. Административная ответственность. — М.: Норма, 2022.
4. Старилов Ю. Н. Административное право. — М.: Норма, 2023.

Соотношение фактического и регистрационного владения транспортным средством при привлечении юридических лиц к административной ответственности

Булгина Елена Николаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется проблема определения субъекта административной ответственности при автоматической фиксации правонарушений в сфере организации дорожного движения. Особое внимание уделяется соотношению фактического и регистрационного владения транспортным средством. Рассматриваются особенности привлечения к ответственности юридических лиц, включая автодилерские организации, а также анализируется судебная практика по данной категории дел.

Ключевые слова: административная ответственность, юридические лица, транспортное средство, регистрация, автоматическая фиксация правонарушений, судебная практика.

Современное развитие административного законодательства Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий в сферу государственного управления. Одним из наиболее ярких проявлений данной тенденции является широкое использование автоматических комплексов фото- и видеофиксации правонарушений в сфере дорожного движения.

Применение технических средств фиксации позволяет значительно повысить эффективность выявления правонарушений и обеспечить массовость административного контроля. Вместе с тем использование подобных технологий приводит к возникновению новых правовых проблем, связанных с определением субъекта административной ответственности.

Одной из наиболее значимых проблем является расхождение между фактическим владением транспортным средством и сведениями, содержащимися в государственном регистрационном учете. Данная проблема приобретает особую актуальность применительно к юридическим лицам, осуществляющим эксплуатацию транспортных средств или деятельность, связанную с их оборотом.

Государственная регистрация транспортных средств выполняет прежде всего учетную функцию и направлена на обеспечение государственного контроля в сфере дорожного движения. Регистрация позволяет идентифицировать транспортное средство и установить сведения о его владельце, что имеет важное значение для реализации административного законодательства.

Вместе с тем государственная регистрация транспортных средств не является юридическим фактом, по-

рождающим право собственности. Согласно положениям гражданского законодательства право собственности на вещь возникает с момента ее передачи приобретателю, если иное не предусмотрено законом или договором.

В соответствии со статьями 223 и 224 Гражданского кодекса Российской Федерации передача вещи предполагает фактическое вручение имущества приобретателю либо передачу иным способом, позволяющим новому владельцу осуществлять контроль над вещью.

Таким образом момент возникновения права собственности на транспортное средство может не совпадать с моментом его государственной регистрации. Регистрация носит учетный характер и направлена на обеспечение государственного контроля, однако не влияет на гражданско-правовой режим собственности.

Проблема расхождения фактического и регистрационного владения

В правоприменительной практике достаточно часто возникают ситуации, при которых транспортное средство фактически передано новому владельцу, однако регистрационные данные еще не изменены.

Такая ситуация может быть обусловлена различными обстоятельствами, включая необходимость соблюдения установленного законом срока регистрации транспортного средства или организационные особенности деятельности хозяйствующих субъектов.

В условиях автоматической фиксации правонарушений органы публичной власти ориентируются на сведения регистрационного учета транспортных средств. Это означает, что постановление о привлечении к адми-

нистративной ответственности выносятся в отношении лица, указанного в регистрационных данных.

Однако подобный формальный подход не всегда отражает реальное распределение контроля над транспортным средством. В результате административная ответственность может быть возложена на лицо, которое фактически не осуществляло владение и не имело возможности предотвратить совершение правонарушения.

Особенно ярко указанная проблема проявляется применительно к автодилерским организациям, осуществляющим деятельность по продаже транспортных средств.

В процессе предпринимательской деятельности дилеры реализуют автомобили покупателям на основании договоров купли-продажи. После заключения договора и передачи автомобиля покупателю фактическое владение транспортным средством переходит к новому владельцу.

Вместе с тем государственная регистрация транспортного средства осуществляется новым собственником. Законодательство предусматривает определенный срок для выполнения данной обязанности.

В период между фактической передачей транспортного средства и его регистрацией может возникнуть ситуация, при которой правонарушение фиксируется автоматической системой. При этом постановление о привлечении к административной ответственности выносится в отношении дилерской организации, поскольку именно она указана в регистрационных данных.

Подобная ситуация формирует правовой конфликт между фактическим распределением владения и формальными регистрационными сведениями.

Судебная практика по данной категории дел демонстрирует тенденцию к учету фактических обстоятельств владения транспортным средством.

При рассмотрении дел суды нередко исходят из необходимости установления реального контроля над транспортным средством. Если юридическое лицо представляет доказательства передачи автомобиля другому лицу, суд может прийти к выводу об отсутствии состава административного правонарушения.

К числу таких доказательств могут относиться договор купли-продажи транспортного средства, акт приема-передачи автомобиля и иные документы, подтверждающие фактическую передачу транспортного средства.

Таким образом, судебная практика свидетельствует о том, что регистрационный статус собственника не обладает абсолютным значением при определении субъекта административной ответственности.

Одним из фундаментальных принципов административного права является принцип вины. В соответствии с данным принципом лицо подлежит административной ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина.

Применительно к юридическим лицам вина выражается в отсутствии должного контроля и недостатках организации деятельности. Однако в случае, когда юридическое лицо утратило фактический контроль над транспортным средством, возможность предотвращения правонарушения объективно отсутствует.

Следовательно, привлечение к административной ответственности лица, не обладавшего фактическим контролем над транспортным средством, может противоречить принципу вины.

Проблема соотношения фактического и регистрационного владения транспортным средством имеет существенное значение для правоприменительной практики.

Формальный подход, основанный исключительно на данных регистрационного учета, не всегда отражает реальное распределение контроля над транспортным средством и может привести к нарушению принципа вины.

В этой связи представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства и развитие судебной практики, ориентированной на установление фактических обстоятельств владения транспортным средством.

Особое значение имеет обеспечение баланса публичных и частных интересов при привлечении юридических лиц к административной ответственности.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
3. Бахрах Д. Н. Административное право России. — М.: Норма, 2021.
4. Россинский Б. В. Административная ответственность. — М.: Норма, 2022.
5. Стариков Ю. Н. Административное право. — М.: Норма, 2023.
6. Чаннов С. Е. Доказывание по делам об административных правонарушениях. — М.: Норма, 2021.
7. Липинский Д. А. Теория юридической ответственности. — М.: Норма, 2022.

Цифровая валюта как имущество в уголовном праве Российской Федерации: новые законодательные подходы

Вареница Кирилл Алексеевич, студент

Научный руководитель: Пропостин Андрей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В работе автор исследует законодательные изменения, которые закрепляют цифровую валюту имуществом для целей уголовного законодательства. Автор рассматривает ряд, связанных с этим проблем, предлагает их решение.

Ключевые слова: цифровая валюта, имущество, уголовное законодательство, конфискация имущества, арест.

Развитие цифровых технологий привело к появлению новых объектов имущественных прав, среди которых особое место занимает цифровая валюта. Распространение криптовалют и других децентрализованных цифровых активов обусловило необходимость их правового регулирования, в том числе в сфере уголовного права. Длительное время в российской правовой системе отсутствовало однозначное определение правовой природы цифровой валюты, что вызывало сложности при квалификации преступлений и применении мер уголовно-правового воздействия.

В основном данная проблема проявлялась при расследовании преступлений против собственности, а также при применении института конфискации имущества. Отсутствие прямого указания на правовой статус цифровой валюты в уголовном законодательстве затрудняло ее изъятие, арест и обращение в доход государства.

Существенным шагом в развитии правового регулирования стало принятие Федерального закона от 20.02.2026 N 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который предусматривает внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ). Указанные изменения закрепляют признание цифровой валюты имуществом для целей уголовного законодательства и устанавливают процессуальные особенности ее изъятия и ареста.

Так, понятие имущества имеет фундаментальное значение для уголовного права, прежде всего при квалификации преступлений против собственности. В уголовно-правовой доктрине сложилось отличное от гражданского законодательства понятие имущества, определяющее имущество через три необходимых признака: материальная выраженность, экономическая ценность и чужой характер.

В современной правовой доктрине отмечается, что развитие цифровых технологий привело к появлению новых форм имущественных ценностей, которые не обладают традиционной материальной формой. К таким объектам относятся электронные денежные средства, цифровые финансовые активы и криптовалюты.

Отсутствие материальной формы у таких объектов долгое время вызывало дискуссии относительно возмож-

ности признания их предметом преступлений против собственности. Однако, как отмечает Архипов А. В., правоприменительная практика фактически опередила законодателя в признании безналичных средств предметом хищения [1, с. 102]. Так, судебная практика постепенно сформулировала подход, согласно которому безналичные денежные средства и иные нематериальные активы могут рассматриваться как имущество, поскольку обладают экономической ценностью и способны участвовать в имущественном обороте. Однако практику признания криптовалюты предметом хищения нельзя считать в полной мере устоявшейся [4, с. 23]

Цифровая валюта является одним из наиболее сложных объектов для правовой квалификации. Так, существует легальное определение, закрепленное в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА). В соответствии с п. 3 ст. 1 Закона о ЦФА цифровой валютой признается «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам». Вводя в оборот термин «цифровая валюта», законодатель, прежде всего, понимает под ним криптовалюту [5, с. 39]. То есть, цифровая валюта представляет собой совокупность цифровых данных, существующих в распределенной информационной системе (блокчейн) и подтверждающих право владения определенным цифровым активом. При этом такие активы могут использоваться как средство обмена и обладают реальной рыночной стоимостью.

До недавнего времени российское уголовное законодательство не содержало прямого указания на статус ци-

фровой валюты. Это приводило к ряду правоприменительных проблем.

Во-первых, возникали сложности при квалификации преступлений, связанных с незаконным завладением криптовалюты. Такие деяния в основном квалифицировались по ст. 159 УК РФ. Однако отсутствие четкого правового статуса цифровой валюты осложняло применение норм уголовного закона.

Во-вторых, возникали трудности при применении института конфискации имущества. Конфискация имущества относится к иным мерам уголовно-правового характера и применяется в отношении имущества, полученного в результате совершения преступления, либо использованного для его совершения (специальная конфискация [3, с. 13]). Однако, без признания цифровой валюты имуществом ее конфискация становилась юридически проблематичной, так как действующее законодательство распространяет конфискацию не на любое имущество, а исключительно на прямо указанное в законе [2, с. 347].

С целью устранения указанных проблем законодатель внес изменения в статью 104.1 УК РФ, регулиющую конфискацию имущества. В примечании к данной статье отмечено, что цифровая валюта признается имуществом для целей применения уголовного законодательства. Формулировка, данная в примечании «Для целей настоящей статьи и других статей» закрепляет цифровую валюту имуществом, что исключает какие-либо дискуссии о признании цифровой валюты имуществом в уголовно-правовой науке.

Из этого следует, что законодатель фактически закрепил подход, согласно которому цифровая валюта обладает признаками имущественной ценности и может рассматриваться как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

Помимо изменений в УК РФ, закон предусматривает внесение дополнений в УПК РФ. Упомянутым выше ФЗ были введены положения, устанавливающие особенности ареста цифровой валюты (ст. 115 УПК РФ), а также изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий (ст. 164.2 УПК РФ). Необходимость введения таких изменений обусловлена технической спецификой цифровых активов.

В отличие от традиционных объектов имущества, цифровая валюта существует исключительно в электронном виде и хранится в распределенных информационных системах. Доступ к ней осуществляется посредством специальных криптографических ключей, которые могут храниться на электронных устройствах или в программных кошельках.

В связи с этим закон предусматривает особый порядок изъятия цифровой валюты, а именно изъятие ма-

териальных носителей, содержащих криптографические ключи, перевод цифровой валюты (при наличии технической возможности) на специальный адрес (адрес-идентификатор) хранения.

Кроме того, закон предусматривает возможность привлечения специалистов, обладающих специальными техническими знаниями в области информационных технологий. Это обусловлено тем, что проведение следственных действий, связанных с цифровыми активами, требует специальных навыков и технической подготовки.

Введение таких процессуальных механизмов позволяет обеспечить сохранность цифровых активов и предотвратить их утрату или несанкционированный перевод.

Однако, несмотря на значимость принятых законодательных изменений, мы полагаем, что в правоприменительной практике могут возникать определенные сложности.

Одной из таких проблем является идентификация владельца цифровой валюты. Технология блокчейн предполагает использование псевдонимных адресов, что затрудняет установление личности фактического владельца цифровых активов.

Другой проблемой является оценка стоимости цифровой валюты. Курс криптовалют подвержен значительным колебаниям, что может осложнять определение размера ущерба при совершении преступлений.

Кроме того, возникают вопросы, связанные с международным характером оборота криптовалют. Цифровые активы могут храниться на зарубежных платформах или использоваться в трансграничных операциях, что требует международного сотрудничества правоохранительных органов.

Признание цифровой валюты имуществом в уголовном праве РФ является важным этапом развития правового регулирования цифровой экономики. Внесенные изменения позволяют устранить существовавшую правовую неопределенность и обеспечить эффективное применение уголовно-правовых механизмов в отношении цифровых активов.

Вместе с тем дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на совершенствование механизмов идентификации владельцев цифровых активов, а также на развитие международного сотрудничества в сфере противодействия преступлениям, связанным с использованием цифровых валют.

Таким образом, новые законодательные подходы формируют основу для дальнейшего развития уголовного законодательства в условиях цифровой экономики и способствуют повышению эффективности борьбы с преступлениями в сфере цифровых финансовых технологий.

Литература:

1. Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования: монография / А. В. Архипов; под ред. Л. М. Прокуменова. — Москва: Юрлитинформ, 2022. — 311 с.

2. Григоренко, И. И. Некоторые вопросы применения уголовно-правовых норм, регламентирующих институт конфискации имущества / И. И. Григоренко // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 25 октября 2018 года / Ответственный за выпуск Д. Г. Зыбин. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. — с. 347–350.
3. Куликов, А. В. Проблема эффективности института конфискации имущества / А. В. Куликов, Ю. А. Хибнерс // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 1(63). — с. 13–17.
4. Ушаков Р. М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. Москва: Юстицинформ, 2023. — 160 с.
5. Яковлев, О. К. Анализ легального определения цифровой валюты / О. К. Яковлев // Евразийская адвокатура. — 2021. — № 1(50). — с. 39–43.

Роль Совета Безопасности ООН в разрешении международных конфликтов на современном этапе: правовой аспект

Вершинина Алина Денисовна, студент

Научный руководитель: Томилова Инга Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк)

В статье анализируется правовой статус и роль Совета Безопасности ООН в урегулировании международных конфликтов на современном этапе. Рассматриваются основные полномочия Совета, закрепленные в Уставе ООН, включая право квалифицировать угрозы миру и безопасности, вводить санкционные меры в отношении государств, нарушающих международное право, включая применение силы. Особое внимание уделяется проблеме реализации этих полномочий в условиях геополитического соперничества. На основе анализа статистики применения права вето выявляется зависимость решений Совета Безопасности от интересов его постоянных членов — России и США. Исследуются такие проблемы, как избирательность в применении принудительных мер и действия государств в обход ООН. Делается вывод о двойственном характере роли Совета Безопасности.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, Устав ООН, международное право, международные отношения, международные конфликты, право вето, санкции.

Создание Организации Объединенных Наций (ООН) в 1945 году стало закономерным следствием разрушительных итогов Второй мировой войны и обозначило начало нового этапа в развитии международных отношений, базирующегося на воли государств решать международные конфликты на основе консенсуса и поиска разумных компромиссов, как необходимого условия построения справедливого и равноправного миропорядка. Устав ООН, подписанный 26.06.1954 г. представителями 50 государств, закрепил ключевую задачу — предотвратить новые глобальные конфликты. Центральным элементом новой системы международного правопорядка стал Совет Безопасности (Совбез) — главный орган политического руководства ООН, получивший исключительные полномочия в вопросах мира и войны. Пять держав-победительниц — СССР, США, Великобритания, Франция и Китай — получили в нем особый статус постоянных членов и право вето — привилегированное полномочие одностороннего блокирования решений. Предполагалось, что единогласие и согласованность в принятии оперативных решений по наиболее важным для мирового сообщества политическим вопросам станет гарантией

стабильности современной системы международных отношений. Спустя 80 лет после создания ООН становится очевидным, что заложенный в Устав механизм сталкивается с серьезными вызовами.

Устав ООН, являющийся правовой основой деятельности Совета Безопасности, наделяет этот орган исключительными полномочиями в сфере поддержания международного мира и безопасности, в частности, правом квалифицировать ситуацию как угрозу миру или акт агрессии. В его компетенцию входит призыв к диалогу между конфликтующими сторонами и выработка рекомендаций по процедурам урегулирования кризисных ситуаций. В случаях особой сложности Совбез уполномочен вводить принудительные ограничительные меры в отношении государств-правонарушителей — санкции, а также давать разрешение на использование военной силы для восстановления международного мира и безопасности [4]. Необходимо подчеркнуть, что постоянные члены Совбеза являются одновременно и легитимными ядерными державами, что налагает на них серьезную ответственность за сохранение мира и поддержания международной безопасности.

Статья 33 Устава обязывает государства, вовлеченные в конфликт, способный угрожать международному миру, добиваться его разрешения мирными средствами — путем использования согласительных и судебных процедур. К ним относятся переговоры, консультации, добрые услуги, посредничество, обследование, примирительные процедуры, арбитраж и судебное разбирательство, а также обращение к региональным структурам. Если Совет Безопасности считает, что ситуация угрожает стабильности, он вправе потребовать от сторон задействовать эти механизмы [6]. Когда политические методы исчерпаны, а конфликт не получил разрешения, вступает в силу статья 41, дающая Совету право вводить ограничительные меры, не связанные с применением вооруженных сил. Это могут быть экономические санкции — ограничения на торговлю сырьевыми товарами, финансовые ограничения, эмбарго на поставки оружия, разрыв дипломатических отношений, приостановка транспортного сообщения или средств связи. Решения Совета Безопасности в этом случае обязательны для исполнения всеми государствами-членами ООН [6]. Статья 42 Устава ООН вводит крайнюю меру: если меры, предусмотренные статьей 41, оказались недостаточны и не привели к желаемому результату, Совбез вправе санкционировать применение силы. Речь идет о действиях воздушными, морскими или сухопутными силами — от блокады до полномасштабных операций — с целью поддержания или восстановления мира [6]. Санкции Совета Безопасности не должны носить карательного характера, а должны осуществляться в рамках всеобъемлющей стратегии, включающей обеспечение мирных переходных процессов, предупреждение антиконституционных преобразований, сдерживание терроризма, защиту прав и свобод человека, то есть в целях поддержания мира.

Формально Совет Безопасности обладает полным набором политических инструментов — от рекомендаций до применения военной силы, но эффективность их реализации зависит не только от их правового закрепления в Уставе, но и от политической воли постоянных членов Совета, наделенных правом использования вето. Право вето, закрепленное в статье 27 Устава ООН, с правовой точки зрения представляет собой исключение из основополагающего принципа ООН — суверенного равенства государств, при этом данное право является «фундаментальной основой» деятельности Совета Безопасности, без которой создатели ООН считали невозможным эффективное функционирование Организации [1, с. 109].

Анализ практики применения права вето показывает его прямую зависимость от геополитической ситуации в мире. В период холодной войны наиболее активно это право использовал СССР, впоследствии — США, особенно при голосовании по резолюциям, касающимся Ближнего Востока [3]. После 1991 года Россия, как правопреемник Союза ССР в отношении членства в международных организациях и их органах, сохранила за собой

место постоянного члена и с 2011 года неоднократно блокировала проекты резолюций по сирийскому конфликту [2]. В 2014 году российское вето остановило резолюцию, осуждавшую референдум в Крыму. США, в свою очередь, применяют вето в отношении резолюций по палестино-израильскому урегулированию. Так, в 2023 году Вашингтон заблокировал проект резолюции, призывавший к немедленному прекращению огня в секторе Газа, несмотря на острую гуманитарную ситуацию и давление международного сообщества [5]. Статистика подтверждает эту тенденцию — за всю историю ООН право вето применялось более 290 раз. На долю СССР и России приходится около 129 случаев, США — более 80, тогда как Франция, Великобритания и Китай прибегали к вето значительно реже [3]. Эти данные свидетельствуют о том, что эффективность Совета Безопасности напрямую зависит от позиции двух ключевых держав — России и США. В ситуациях, когда одна из них выступает стороной конфликта, принятие решений блокируется. Несогласие отдельных государств со сложившейся ситуацией, заставляет их искать выходы из нее: требовать расширения состава Совбеза как за счет постоянных, так и непостоянных, избираемых на двухгодичный срок, членов; выборочного применения права вето как в контексте его носителей, так и по существу обсуждаемых вопросов или его полной отмены. Данные преобразования предполагают изменение Устава ООН согласно процедуре, изложенной в статье 108: «Поправки к настоящему Уставу вступают в силу для всех Членов Организации Объединенных Наций после того, как они будут приняты двумя третями голосов членов Генеральной Ассамблеи и ратифицированы в соответствии с их конституционными процедурами двумя третями Членов Организации Объединенных Наций, включая всех постоянных членов Совета Безопасности» [6]. Таким образом, трансформация Совбеза невозможна без согласия его постоянных членов, не заинтересованных в отказе от права вето. Позиции других государств-членов ООН по вопросу реформы Организации, ее целей, задач, путей и средств проведения, также не отличаются единством подходов.

Правовое — неединственная проблема в работе Совета Безопасности. Другой серьезный недостаток, отмечаемый в научной литературе, заключается в избирательном применении принудительных мер. К. А. Феофанов подчеркивает, что в постбиполярную эпоху международные отношения характеризуются конкурентным взаимодействием нескольких крупных стран, что отражается на деятельности Совбеза. По его мнению, в современном мире сформировались многоуровневые союзнические отношения с противоположной направленностью — с одной стороны США и другие страны коллективного Запада, с другой — Россия, Китай, Индия и государства глобального Юга [7, с. 6]. Это противостояние приводит к тому, что реакция Совета Безопасности на конфликты зависит не столько от тяжести нарушений, сколько от того, какие страны стоят за сторонами конфликта.

Разнородность интересов государств, использование вето и двойные стандарты приводят к тому, что государства все чаще предпочитают действовать в обход Совета Безопасности. Так, Президент США Д. Трамп, инициировал формирование «Совета мира» по урегулированию палестинской проблемы с перспективой расширения круга обсуждаемых международных вопросов и пригласил присоединиться к нему глав ряда государств, включая Россию. По мнению экспертов, данная структура на сегодняшний день не может рассматриваться как альтернатива Совбезу ООН, так как порядок принятия и исполнения решений в ее рамках не регламентирован, как и в целом не отработана ее концепция.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить двойственность роли Совета Безопасности ООН в совре-

менном мире. Юридически он обладает исключительными полномочиями по поддержанию мира, что делает его органом с уникальной легитимностью в системе международного права, но на практике реализация этих полномочий блокируется правом вето, которое постоянные члены зачастую используют для защиты собственных интересов. Избирательность в применении мер подрывает доверие к ООН и толкает государства к действиям в обход Совета. Пока сохраняется разрыв между правовыми нормами и политической практикой, эффективность Совета Безопасности будет оставаться низкой, а его роль — скорее декларативной, чем реальной. Формула общего мира заработает только при условии признания его многополярности и уважения прав и политических интересов друг друга.

Литература:

1. Орлов, А. А. Право вето постоянных членов Совета Безопасности как фундаментальная основа Организации Объединенных Наций / А. А. Орлов. — Текст: непосредственный // Обозреватель. — 2020. — № 5 (364). — С. 103–115.
2. Почти 100 стран поддержали призыв к ограничению вето в Совбезе ООН. — Текст: электронный // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4586459> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Право вето в Совбезе ООН: ограничения на использование? — Текст: электронный // Zakon.ru: [сайт]. — URL: <https://zakon.ru/comment/654338> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Совет Безопасности. — Текст: электронный // Организация Объединенных Наций: [сайт]. — URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru> (дата обращения: 25.02.2026).
5. США наложили вето на проект резолюции СБ ООН о прекращении огня в секторе Газа. — Текст: электронный // Евроньюс: [сайт]. — URL: <https://ru.euronews.com/2023/12/09/unsc-gaza-veto> (дата обращения: 25.02.2026).
6. Устав Организации Объединенных Наций. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/ (дата обращения: 23.02.2026).
7. Феофанов, К. А. Проблемы реформирования Совета Безопасности ООН / К. А. Феофанов. — Текст: непосредственный // Обозреватель. — 2024. — № 4 (405). — С. 5–19.

Ответственность за неуплату алиментов в КНР: система административных и уголовно-правовых мер

Галандарова Сугра Али кызы, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ мер ответственности за неуплату алиментов в Китайской Народной Республике. Исследуется нормативная база, включая Закон КНР «О браке» и Уголовный кодекс КНР, подробно рассматривается система административных и ограничительных мер, а также уголовно-правовые санкции по статье 261 УК КНР. Особое внимание уделяется роли системы социального кредита как уникального механизма обеспечения исполнения алиментных обязательств. Проведен сравнительный анализ с мерами ответственности в Российской Федерации, выявлены специфические черты китайского подхода, сочетающего правовые и социально-репутационные механизмы воздействия на должников.

Ключевые слова: алименты, Китай, КНР, неуплата, ответственность, уголовная ответственность, административные меры, социальный кредит, Закон «О браке», Уголовный кодекс КНР.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ростом числа разводов в Китае, старением населения и повы-

шенным вниманием государства к защите социально уязвимых групп — несовершеннолетних детей и престарелых родителей. Неуплата алиментов представляет собой серьезную угрозу социальной стабильности и благополучию

семьи. Уникальность китайского подхода к решению этой проблемы заключается в сочетании традиционных правовых механизмов с современными технологиями контроля и системой социального доверия.

Проблема исследования заключается в наличии противоречия между строгостью законодательного регулирования алиментных обязательств и сохраняющейся практикой их нарушения. Это обуславливает необходимость оценки реальной эффективности существующих мер ответственности.

Целью статьи является комплексный анализ системы мер ответственности за неуплату алиментов в КНР, выявление ее особенностей, преимуществ и недостатков.

Задачи исследования:

1. Исследовать нормативную базу, регулиующую алиментные обязательства и ответственность за их неисполнение.
2. Классифицировать и проанализировать административные и гражданско-правовые меры воздействия на должников.
3. Раскрыть состав и практику применения уголовно-правовых норм.
4. Рассмотреть влияние системы социального кредита на обеспечение исполнения алиментных обязательств.
5. Провести сравнительную характеристику с мерами ответственности в Российской Федерации.

Нормативно-правовая база, регулирующая алиментные обязательства в КНР.

Основу правового регулирования алиментных обязательств в Китае составляют несколько ключевых законодательных актов:

Закон КНР «О браке» (婚姻法) является центральным источником. Статья 21 устанавливает обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей, а также обязанность трудоспособных совершеннолетних детей содержать своих нетрудоспособных родителей. В случае невыполнения этих обязанностей, заинтересованная сторона имеет право требовать выплаты алиментов через суд. [2]

Закон КНР «О защите прав и интересов пожилых людей» (老年人权益保障法) развивает и усиливает конституционную обязанность детей по содержанию родителей. Статья 19 прямо запрещает пренебрежение и оставление пожилых людей, а статья 75 предусматривает, что в случае отказа детей от алиментных обязательств, пожилые люди могут обращаться в суд для принудительного взыскания. [2]

Процедурные аспекты взыскания регулируются Гражданско-процессуальным кодексом КНР, который устанавливает порядок подачи иска, обеспечения исполнения и принудительного выполнения судебных решений.

Уголовно-правовая санкция за наиболее злостные формы уклонения предусмотрена Уголовным кодексом КНР, а именно статьей 261. [1]

Административные и гражданско-правовые меры воздействия.

До привлечения к уголовной ответственности в Китае применяется разветвленная система досудебных и административных мер.

Принудительное исполнение судебных решений осуществляется народными судами, которые наделены широкими полномочиями. Суды могут налагать арест на имущество и банковские счета должника, удерживать часть его заработной платы или иного дохода.

Особенностью китайской системы является широкое применение «мягких санкций» — ограничительных мер, существенно усложняющих жизнь должнику:

- Запрет на выезд за границу.
- Ограничение на покупку билетов на скоростные поезда, самолеты, а также места в спальнях вагонов категории «мягкий спальный» (软卧).
- Ограничения в потреблении: запрет на размещение в звездочных отелях, посещение дорогих ресторанов, клубов, курортов.

— Ограничения в финансовой сфере: затруднения с получением кредитов, ипотеки, оформлением кредитных карт.

Важным инструментом является публикация «черных списков» недобросовестных должников. Информация о них размещается в специальной публичной базе данных Верховного Народного Суда КНР, что наносит значительный репутационный ущерб. [5]

Уголовно-правовая ответственность по УК КНР

Крайней мерой ответственности является уголовное преследование по статье 261 УК КНР «Оставление в беспомощном состоянии». [1]

— Непосредственный объект преступления — семейные отношения и права нетрудоспособных членов семьи (как детей, так и родителей) на получение содержания.

— Объективная сторона выражается в злостном уклонении от обязанности по содержанию, возложенной законом или судебным решением. Ключевым оценочным понятием является «возмутительный характер» (情节恶劣) уклонения. Под этим понимается длительность неуплаты, значительность суммы задолженности, уклонение несмотря на наличие возможности платить, а также причинение серьезного вреда физическому или психическому здоровью взыскателя. [4]

— Субъект преступления — лицо, обязанное по закону содержать потерпевшего (родитель, совершеннолетний ребенок).

— Субъективная сторона — прямой умысел.

— Санкция по статье 261 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, кратковременного заключения либо контроля.

Важно отметить, что уголовная ответственность наступает, как правило, лишь после исчерпания гражданско-правовых и административных механизмов взыскания.

Система социального кредита как уникальный механизм воздействия.

Система социального кредита (社会信用体系) интегрирована в механизм борьбы с неплательщиками али-

ментов. Факт включения в «черный список» должников автоматически ведет к снижению индивидуального социального рейтинга.

Последствия низкого рейтинга носят комплексный характер:

— Трудоустройство: затруднения при приеме на работу в государственные органы и крупные компании.

— Социальные услуги: ограничение доступа к некоторым государственным льготам.

— Повседневная жизнь: проблемы с арендой жилья, получением более высокой скорости интернета.

Это превращает неуплату алиментов из частной правовой проблемы в фактор, определяющий социальный статус и возможности человека в обществе, что ока-

зывает мощное превентивное психологическое воздействие.

Сравнительная характеристика с ответственностью в Российской Федерации

Проведение сравнительного анализа выявляет как сходства, так и существенные различия между правовыми системами КНР и РФ.

Сходства:

— Наличие двухуровневой системы ответственности: административной (в РФ — ст. 5.35.1 КоАП РФ) [7] и уголовной (в РФ — ст. 157 УК РФ). [6]

— Использование схожих ограничительных мер: запрет на выезд за границу, лишение специального права (в РФ — права управления транспортными средствами).

Ключевые различия

Критерий	Китай (КНР)	Россия (РФ)
Уголовно-правовая норма	Одна статья 261 УК КНР, охватывающая неуплату алиментов и на детей, и на родителей. [1]	Две отдельные части в ст. 157 УК РФ: неуплата алиментов на детей (ч. 1) и на родителей (ч. 2). [6]
Квалифицирующий признак	«Возмутительный характер» (情节恶劣) уклонения [4]	«Злостность» уклонения
Максимальное наказание	До 5 лет лишения свободы [1]	До 1 года лишения свободы. [6]
Социальный кредит	Интегрированная система, напрямую влияющая на репутацию и возможности должника	Отсутствует прямой аналог
Фокус на публичности	Активная публикация «черных списков» должников. [5]	Информация о должниках не является столь же публичной и систематизированной

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Китай создал комплексную, многоуровневую и технологически продвинутую систему ответственности за неуплату алиментов. Она характеризуется последовательным применением мер: от гражданско-правового взыскания и административных ограничений до уголовного преследования в наиболее серьезных случаях.

Уникальной чертой является глубокое вплетение правовых механизмов в социальную ткань через систему социального кредита, что делает последствия неуплаты алиментов ощутимыми практически во всех сферах жизни

должника. Такой подход демонстрирует высокую эффективность, хотя и raises вопросы о соотношении эффективности и степени вмешательства государства в частную жизнь.

Опыт КНР представляет значительный интерес для других правовых систем, включая Российскую Федерацию, особенно в части развития системы ограничительных мер и использования цифровых платформ для обеспечения исполнения судебных решений. Перспективы дальнейшего развития китайской системы связаны с усилением роли big data и искусственного интеллекта в прогнозировании и пресечении правонарушений в семейно-правовой сфере.

Литература:

1. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (перевод с китайского). — М., 2020.
2. Закон КНР «О браке» (перевод с китайского) // СПС «Гарант».
3. Китайское гражданское право: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. Л. В. Туманова. — М., 2019.
4. Чжан Вэй. Ответственность за неуплату алиментов в Китае: теория и практика // Журнал китайского права. — 2021. — № 4.
5. Официальный сайт Верховного Народного Суда КНР: <http://www.court.gov.cn> (на кит. яз.).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Проблемы квалификации необходимой обороны

Желтова Елена Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Сердюк Александр Александрович, кандидат юридических наук, преподаватель
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуются теоретические и практические проблемы квалификации необходимой обороны в уголовном праве Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена сохраняющейся неопределенностью критериев правомерности оборонительных действий, что порождает многочисленные следственные и судебные ошибки, необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности за защиту своей жизни, здоровья и законных интересов. Пределы необходимой обороны являются одной из наиболее дискуссионных категорий уголовного права, поскольку определение момента, когда защита перестает быть необходимой и превращается в превышение, требует учета множества факторов объективного и субъективного характера. В работе систематизированы доктринальные подходы к пониманию сущности и пределов необходимой обороны, проанализированы условия правомерности причинения вреда при защите от общественно опасных посягательств, выявлены основные проблемы правоприменительной практики. Теоретическая значимость статьи заключается в развитии научных представлений о критериях разграничения правомерной обороны и превышения ее пределов. Практическая значимость состоит в обобщении судебной практики и формулировании рекомендаций по единообразному применению законодательства о необходимой обороне. По результатам исследования разработана классификация проблем квалификации необходимой обороны, обоснован тезис о необходимости учета субъективного восприятия угрозы обороняющимся, систематизированы правовые позиции высших судебных инстанций.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, условия правомерности, квалификация преступлений, соразмерность защиты, субъективное восприятие угрозы.

Problems of qualification of necessary defense

Zheltova Elena Alekseevna, master's student

Scientific advisor: Serdyuk Alexander Alexandrovich, phd in law, lecturer
Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State University

The article examines the theoretical and practical problems of qualification of necessary defense in the criminal law of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the continuing uncertainty of the criteria for the legality of defensive actions, which leads to numerous investigative and judicial errors, unjustified criminal prosecution of citizens for protecting their lives, health and legitimate interests. The limits of necessary defense are one of the most controversial categories of criminal law, since determining the moment when protection ceases to be necessary and turns into excess requires taking into account many objective and subjective factors. The paper systematizes doctrinal approaches to understanding the essence and limits of necessary defense, analyzes the conditions for the legality of harm in protecting against socially dangerous attacks, and identifies the main problems of law enforcement practice. The theoretical significance of the article lies in the development of scientific ideas about the criteria for distinguishing legitimate defense and exceeding its limits. The practical significance lies in the generalization of judicial practice and the formulation of recommendations for the uniform application of legislation on necessary defense. Based on the results of the research, a classification of the problems of qualification of necessary defense has been developed, the thesis of the need to take into account the subjective perception of the threat to the defenders has been substantiated, and the legal positions of the highest judicial authorities have been systematized.

Keywords: necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, conditions of legality, qualification of crimes, proportionality of protection, subjective perception of threat.

Введение

Институт необходимой обороны занимает особое место в системе уголовного права, поскольку он легитимирует причинение вреда при защите от общественно опасных посягательств и выступает гарантией реализации конституционного права граждан на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. Необходимая оборона является естественным и неотчуждаемым правом каждого человека, призна-

ваемым и гарантируемым государством. Однако институт необходимой обороны продолжает порождать многочисленные споры в теории и сложности в правоприменительной практике. Проблемы толкования понятия «необходимая оборона» обусловлены оценочным характером многих критериев, используемых законодателем, и отсутствием единообразных подходов к их применению.

Для правильной квалификации действий обороняющегося необходимо понимание условий правомерности необходимой обороны, к которым относятся: наличие

общественно опасного посягательства, его наличность и действительность, а также соразмерность защиты характеру и опасности посягательства. Для квалификации по ст. 108 и 114 УК РФ необходимо установить умышленный характер действий виновного, а при правомерной обороне умысел на причинение вреда отсутствует в силу его направленности на защиту. Суды нередко подходят к оценке действий оборонявшихся с позиции «хладнокровного наблюдателя», игнорируя психоэмоциональное состояние лица, подвергнувшегося нападению.

Целью статьи является анализ проблем квалификации необходимой обороны в уголовном праве Российской Федерации, выявление спорных вопросов и формулирование рекомендаций по их разрешению.

Для достижения поставленной цели решаются задачи:

- 1) раскрыть понятие, условия правомерности и пределы необходимой обороны;
- 2) проанализировать критерии отграничения правомерной обороны от превышения ее пределов;
- 3) исследовать проблемы квалификации, возникающие в судебной практике;
- 4) сформулировать рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики.

Проблематика квалификации необходимой обороны представлена в литературе несколькими направлениями.

Первое направление — теоретико-правовые исследования сущности и условий правомерности необходимой обороны. Н. С. Исмаилов [2] анализирует проблемы толкования понятия «необходимая оборона». О. С. Казакова [3] исследует правовую регламентацию необходимой обороны. А. М. Руднев [9] рассматривает условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне.

Второе направление — исследования пределов необходимой обороны и критериев их превышения. А. Г. Галстян [1] и И. И. Лекомцева [5] анализируют проблемы правоприменительной практики, связанные с пределами обороны. И. А. Мацухов [6] исследует форму вины при превышении пределов. А. А. Носаева [7] и А. Носова [8] рассматривают вопросы квалификации и отграничения правомерной обороны от превышения.

Третье направление — исследования правоприменительной практики. А. И. Кокин [4] и З. Э. Салбиева [10] анализируют проблемы применения и разграничения необходимой обороны на практике.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили научные публикации по проблемам необходимой обороны в уголовном праве за период 2022–2025 годов, нормы Уголовного кодекса РФ (ст. 37, 108, 114), постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», а также материалы судебной практики — кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 ян-

варя 2026 г. по делу № 9-УД25–19-К1 и апелляционное постановление Приморского краевого суда от 16 сентября 2025 г. по делу № 22–3665/2025.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Диалектический метод позволил рассмотреть институт необходимой обороны в развитии, выявить противоречия его правового регулирования. Формально-юридический метод применен для анализа содержания правовых норм. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления различных подходов к квалификации. Метод анализа судебной практики позволил выявить правовые позиции судов по данной категории споров. Метод правового моделирования применен при разработке рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с ч. 1 ст. 37 Уголовного кодекса РФ, не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Часть 2 ст. 37 УК РФ предусматривает, что защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой его применения, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

Н. С. Исмаилов подчеркивает, что законодательное определение необходимой обороны базируется на совокупности условий, относящихся к посягательству и защите [2, с. 73]. К условиям правомерности необходимой обороны, относящимся к посягательству, традиционно относят: общественную опасность посягательства, его наличность и действительность. О. С. Казакова отмечает, что общественно опасным признается деяние, причиняющее вред охраняемым уголовным законом интересам или создающее реальную угрозу причинения такого вреда [3, с. 85].

А. М. Руднев обращает внимание на то, что посягательство должно быть наличным, то есть уже начавшимся (или с очевидностью могущим начаться немедленно) и еще не окончившимся [9, с. 126]. Действительность посягательства означает, что оно существует объективно, в реальной действительности. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 разъясняется, что состояние необходимой обороны может быть вызвано и такими действиями посягающего, которые объективно создают угрозу причинения вреда охраняемым законом интересам.

К условиям правомерности, относящимся к защите, относятся: направленность защиты на охрану законных интересов, причинение вреда именно посягающему лицу, своевременность защиты и соразмерность защиты характеру и опасности посягательства. А. И. Кокин подчеркивает, что несоблюдение хотя бы одного из этих условий исключает признание действий обороняющегося правомерными [4, с. 102].

Особую сложность представляет определение пределов необходимой обороны. И. И. Лекомцева отмечает, что превышением пределов необходимой обороны признаются лишь умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства [5, с. 327]. Основным является слово «явно», означающее, что несоразмерность защиты должна быть очевидной, не вызывающей сомнений. Как указывает А. Г. Галстян, в условиях внезапно возникшей опасности, особенно когда посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни, требовать от обороняющегося точного расчета соразмерности средств защиты и нападения было бы неоправданно [1, с. 88].

Наиболее сложным в теории и практике является вопрос о критериях отграничения правомерной обороны от превышения ее пределов. А. Носова подчеркивает, что особые сложности возникают при оценке ситуаций, связанных с покушением на жизнь, где момент перехода от необходимой обороны к превышению особенно трудноуловим [8, с. 185].

Важнейшее значение для понимания этого вопроса имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19. В п. 2 постановления разъясняется, что общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать: причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни; применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.). Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Пункт 10 указанного постановления содержит разъяснение: при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу. В таких ситуациях понятие превышения пределов необходимой обороны вообще не применяется — любой вред, причиненный посягающему, признается правомерным.

И. А. Мацухов отмечает, что для правильной квалификации действий обороняющегося необходимо также учитывать субъективную сторону. Превышение пределов необходимой обороны предполагает умышленную форму вины — лицо осознает, что причиняет вред, явно не соответствующий характеру и опасности посягательства, желает или сознательно допускает причинение такого вреда [6, с. 12]. При правомерной обороне такой умысел отсутствует, т. к. действия направлены на защиту.

Принципиальное значение для понимания подходов к квалификации необходимой обороны имеет кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 января 2026 г. по делу № 9-УД25–19-К1, которым были отменены приговор мирового судьи, апелляционное постановление и постановление кассационного суда общей юрисдикции в отношении ФИО1, а уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Как следует из материалов дела, 16 марта 2021 г. между Н. и ФИО1 на почве личных неприязненных отношений возникла ссора, в ходе которой ФИО1 увидел, что Н. достал из кармана своей куртки нож и, держа его в руке, направился в сторону ФИО1, выражаясь в его адрес грубой нецензурной бранью. ФИО1, исходя из сложившейся обстановки, стал отступать назад. Находясь на расстоянии менее двух метров лицом к Н., ФИО1 достал из кармана своей куртки травматический пистолет, снаряженный одним патроном, и произвел выстрел в сторону Н., попав последнему в левый глаз, причинив тяжкий вред здоровью.

Мировой судья, признавая ФИО1 виновным по ч. 1 ст. 114 УК РФ, установил, что у ФИО1 имелись основания для защиты от насилия со стороны Н., которое носило активный характер и содержало в себе непосредственную угрозу жизни и здоровью ФИО1. Однако, по мнению суда первой инстанции, выбранный ФИО1 способ защиты, связанный с применением травматического пистолета и причинением тяжкого вреда здоровью, явно не соответствовал характеру и степени опасности посягательства. Суд указал, что ФИО1 имел реальную возможность покинуть место конфликта.

Верховный Суд РФ, отменяя судебные решения, указал на существенные нарушения уголовного закона. Судебная коллегия отметила, что, установив факт нападения со стороны Н. с применением ножа, содержащего непосредственную угрозу жизни и здоровью ФИО1, суд первой инстанции не учел положения ч. 1 ст. 37 УК РФ и разъяснения, содержащиеся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г., согласно которым при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

Исходя из установленных судом фактических обстоятельств, Верховный Суд РФ пришел к выводу, что ФИО1, обороняясь от нападавшего на него Н., находился в состоянии необходимой обороны, в связи с чем в его действиях отсутствует состав преступления.

Данное решение имеет значение для правоприменительной практики:

- подтверждает, что при наличии посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, понятие превышения пределов необходимой обороны не применяется;
- акцентирует внимание на том, что оценка действий обороняющегося должна производиться с учетом объективной обстановки, в которой он находился, а не с позиции «хладнокровного наблюдателя»;
- указывает на недопустимость требования к обороняющемуся покинуть место конфликта при наличии непосредственной угрозы жизни.

Иной подход к оценке ситуации, связанной с причинением вреда в ходе конфликта, демонстрирует апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22–3665/2025 от 15 сентября 2025 г. по делу № 1–42/2025, которым приговор Партизанского районного суда в отношении ФИО3 оставлен без изменения.

ФИО3 был осужден по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ за нанесение побоев, причинивших физическую боль, лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия. Преступление совершено 21 ноября 2024 г. на территории исправительной колонии, где ФИО3 отбывал наказание.

В апелляционной жалобе осужденный настаивал на том, что действовал в состоянии необходимой обороны, защищаясь от нападения потерпевшего. Потерпевший являлся инициатором конфликта, по его указанию один из осужденных удерживал ФИО3, пока потерпевший наносил ему удары. ФИО3 ссылался на то, что в отношении потерпевшего вынесен обвинительный приговор за причинение побоев ему.

Суд апелляционной инстанции отметил, что объективных данных, свидетельствующих о том, что потерпевший применял насилие, представляющее реальную угрозу для жизни или здоровья ФИО3, не установлено. Из показаний потерпевшего и свидетелей следовало, что имел место обоюдный конфликт, в ходе которого ФИО3 и потерпевший нанесли удары друг другу. Сам потерпевший не отрицал, что был инициатором конфликта и также ударил ФИО3.

Приморский крайевой суд указал, что действия ФИО3 были совершены из чувства личной неприязни к потерпевшему, поэтому они не являются необходимой обороной или превышением ее пределов. Сложившаяся обстановка, учитывая обстоятельства дела, поведение и действия осужденного и потерпевшего до совершения преступления, обоюдность конфликта, не давала ФИО3 оснований полагать, что в момент нанесения им ударов с его стороны происходит общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Суд отметил, что сам по себе факт признания противоправности поведения потерпевшего смягчающим наказанием обстоятельством, а также наличие обвинительного приговора в отношении потерпевшего, не являются

безусловным основанием для применения положений ст. 37 УК РФ.

Основным фактором для признания необходимой обороны является наличие реальной угрозы жизни обороняющегося. При установлении такого обстоятельства действует правило ч. 1 ст. 37 УК РФ, допускающее причинение любого вреда посягающему. В отсутствие такой угрозы необходимо оценивать соразмерность защиты характеру посягательства и иные обстоятельства.

Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет выделить следующие основные проблемы квалификации необходимой обороны:

1. Проблема оценки субъективного восприятия угрозы. З. Э. Салбиева отмечает, что суды нередко подходят к оценке действий оборонявшихся с позиции «хладнокровного наблюдателя», игнорируя психоэмоциональное состояние лица, подвергшегося нападению [10, с. 37]. В условиях внезапно возникшей опасности человек не всегда способен адекватно оценить степень угрозы и выбрать соразмерные средства защиты. Как справедливо указывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, состояние необходимой обороны может быть вызвано и такими действиями посягающего, которые в сложившейся обстановке воспринимаются обороняющимся как реальная угроза.

2. Проблема оценки возможности избежать посягательства. В деле ФИО1 суд первой инстанции указал на наличие у оборонявшегося возможности покинуть место конфликта. Верховный Суд РФ при отмене приговора не согласился с таким подходом, т. к. при наличии непосредственной угрозы жизни требование от обороняющегося спастись бегством противоречит сущности права на необходимую оборону.

3. Проблема ограничения необходимой обороны от обоюдного конфликта. Дело ФИО3 демонстрирует сложность разграничения ситуаций, когда имеет место обоюдный конфликт, и ситуаций, когда один из участников является посягающим, а другой — обороняющимся. А. А. Носаева подчеркивает, что для правильной квалификации необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела: кто был инициатором конфликта, каковы были действия сторон на каждом этапе, имело ли место насилие со стороны потерпевшего и какова была его интенсивность [7, с. 84].

4. Проблема оценки своевременности оборонительных действий. А. Носова отмечает, что особые сложности возникают при оценке ситуаций, связанных с покушением на жизнь, где момент перехода от необходимой обороны к превышению особенно трудноуловим [8, с. 186]. Необходимо определить момент окончания посягательства: после этого оборонительные действия могут быть квалифицированы как месть или самоуправство.

5. Проблема оценки действий при защите от посягательства группы лиц. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что при защите от посягательства группы лиц обороняющийся вправе применить такие меры защиты, которые позволят ему противостоять нападению, независимо от того, что отдельные члены группы

не применяют насилия. Однако на практике оценка таких ситуаций вызывает сложности.

Проблемы квалификации необходимой обороны и пути их решения приведены в таблице 1.

Таблица 1. Проблемы квалификации необходимой обороны и пути их решения

Проблема	Сущность	Проявления в судебной практике	Пути решения
Оценка субъективного восприятия угрозы	Игнорирование психоэмоционального состояния обороняющегося, оценка ex post с позиции «хладнокровного наблюдателя»	Требование от обороняющегося точного расчета соразмерности средств защиты в условиях внезапного нападения	Учет обстановки и времени нападения, возраста, пола, физического состояния обороняющегося; применение принципа in dubio pro reo
Оценка возможности избежать посягательства	Требование к обороняющемуся покинуть место конфликта как условие признания действий правомерными	В деле ФИО1 суд первой инстанции указал на наличие возможности покинуть место конфликта	Разъяснение, что при наличии непосредственной угрозы жизни право на оборону не зависит от возможности бегства
Отграничение от обоюдного конфликта	Сложность определения, кто является посягающим, а кто — обороняющимся в ситуации взаимного причинения вреда	Дело ФИО3: обоюдные удары, признание обоих участников виновными	Тщательный анализ инициативы, динамики конфликта, соотношения сил и средств
Оценка своевременности защиты	Определение момента окончания посягательства, после которого оборонительные действия становятся неправомерными	Квалификация действий как мести или самоуправства при запоздалой защите	Учет характера посягательства; при длящемся посягательстве — сохранение права на оборону
Защита от посягательства группы лиц	Оценка действий при нападении нескольких лиц, где не все применяют насилие	Различные подходы к оценке опасности нападения группы	Разъяснение, что оборонящийся вправе применять меры защиты, позволяющие противостоять группе в целом

Проблемы квалификации необходимой обороны обусловлены как оценочным характером законодательных критериев, так и недостаточно последовательным применением разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Основным направлением совершенствования правоприменительной практики является учет субъективного восприятия угрозы обороняющимся, объективной обстановки и динамики посягательства, а также недопустимость требований к обороняющемуся о точном расчете соразмерности средств защиты в условиях внезапного нападения.

Таким образом, институт необходимой обороны является основой правовой системы, обеспечивает реализацию права граждан на самозащиту, продолжает порождать сложности в правоприменительной практике. Выработка единообразных подходов к его применению, основанных на разъяснениях высшей судебной инстанции и учете конкретных обстоятельств дела, является необходимым условием обеспечения справедливости и законности при рассмотрении данной категории уголовных дел.

Выводы

Институт необходимой обороны, закрепленный в ст. 37 УК РФ, является гарантией реализации конституционного права граждан на защиту своих прав и свобод.

Его правильное применение требует четкого понимания условий правомерности, относящихся к посягательству (общественная опасность, наличность, действительность) и к защите (направленность на охрану законных интересов, причинение вреда посягающему, своевременность, соразмерность). Принципиальное значение для квалификации имеет разграничение ситуаций, подпадающих под действие ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ. При защите от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему. Понятие превышения пределов необходимой обороны в таких случаях не применяется.

Основными проблемами квалификации необходимой обороны являются: игнорирование субъективного восприятия угрозы обороняющимся и оценка его действий с позиции «хладнокровного наблюдателя»; требование к обороняющемуся покинуть место конфликта при наличии непосредственной угрозы жизни; сложность отграничения необходимой обороны от обоюдного конфликта; определение момента окончания посягательства; оценка действий при защите от нападения группы лиц.

Пути решения выявленных проблем связаны с последовательным применением разъяснений: учет обстановки

и времени нападения, возраста, пола, физического состояния обороняющегося; признание права на оборону независимо от возможности избежать посягательства при наличии угрозы жизни; анализ инициативы и динамики конфликта; учет характера посягательства при определении момента его окончания; разъяснение особенностей защиты от нападения группы лиц. Перспективы совер-

шения законодательства и правоприменительной практики связаны с дальнейшей конкретизацией критериев необходимой обороны, возможно, путем внесения дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ, а также с повышением квалификации судей и следователей в части применения института необходимой обороны.

Литература:

1. Галстян А. Г. Пределы необходимой обороны: проблемы правоприменительной практики // Лучшие научные исследования студентов и учащихся: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 86–89.
2. Исмаилов Н. С. Проблемы толкования понятия «необходимая оборона» // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2024. С. 71–75.
3. Казакова О. С. Правовая регламентация необходимой обороны в уголовном праве России // Молодой ученый. 2022. № 40 (435). С. 84–86.
4. Кокин А. И. Необходимая оборона. Превышение пределов необходимой обороны // Молодая наука Заполярья: материалы научно-практической конференции студентов и магистрантов Социально-гуманитарного института и Юридического факультета МАГУ. Мурманск, 2022. С. 100–103.
5. Лекомцева И. И. Проблема установления пределов необходимой обороны в российском уголовном праве // Гавриил Романович Державин — юрист, государственный деятель: сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию со дня рождения Гавриила Романовича Державина. Ижевск, 2023. С. 325–331.
6. Мацухов И. А. Необходимая оборона и ее значение в уголовном праве: форма вины при превышении пределов необходимой обороны // Студенческий вестник. 2025. № 45–6 (378). С. 10–13.
7. Носаева А. А. Институт необходимой обороны и вопросы квалификации при превышении пределов необходимой обороны // Нормативно-правовые аспекты формирования информационного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 82–85.
8. Носова А. О критериях отграничения необходимой обороны от превышения пределов необходимой обороны при покушении на жизнь // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок. Курск, 2023. С. 183–187.
9. Руднев А. М. Условия правомерности причинения вреда при осуществлении необходимой обороны // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов. Воронеж-Симферополь, 2024. С. 124–128.
10. Салбиева З. Э. Проблемы применения и разграничения необходимой обороны на практике // Молодежный научный форум: электронный сборник статей по материалам CCLVII студенческой международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 34–39.

Участие и роль суда общей юрисдикции в примирении субъектов конфликтующих правоотношений

Кадыров Султан Ильшатович, студент магистратуры
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В современной системе правосудия Российской Федерации появляется устойчивая тенденция увеличения значимости и расширения возможностей внесудебного и примирительного урегулирования споров. Однако суд общей юрисдикции также сохраняет статус центрального элемента механизма защиты от нарушения прав и свобод,

где примирительная процедура является особенной процессуальной формой. В судебной системе Российской Федерации остается актуальной необходимость разгрузки судебной системы, повышение эффективности правосудия и реализация принципа диспозитивности, закрепленного в статье 39 Гражданского процессуального ко-

декса Российской Федерации (далее ГПК РФ) [2, с. 15]. Целью данной работы является анализ процессуальной роли суда общей юрисдикции в содействии примирению конфликтующих сторон, а также выявление проблем правоприменения в данной юридической сфере.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод [1, с. 2]. При этом право на судебную защиту не предполагает исключение права на самостоятельное урегулирование конфликтной ситуации. Суд общей юрисдикции в таких условиях гражданского процесса выступает не только как орган разрешения, но и как субъект, примиряющий стороны конфликтной ситуации. Данное положение прямо коррелирует с задачей гражданского судопроизводства, указанной в статье 2 ГПК РФ, где указана необходимость укрепления законности и правопорядка, предупреждений и содействия уважительному отношению к закону [2, с. 5].

Главными формами примирения в суде общей юрисдикции являются заключение мирового соглашения и применению процедуры медиации. Институт мирового соглашения уже давно интегрирован в российское процессуальное право, но его значение меняется в ответ на современные требования к оперативности и качеству судебных процессов. В соответствии со статьей 173 ГПК РФ, суд должен информировать участников дела о их праве на заключение мирового соглашения и активно поддерживать их в реализации этого права [2, с. 45]. В данном контексте эта норма возлагает на суд активную обязанность, выходящую за рамки пассивного арбитража, приводя судью к созданию условий для диалога, а не статичному фиксации волеизъявления сторон.

В процедуре примирения суд может выступать исходя из нескольких функций, к которым относятся:

– информационно-разъяснительная функция, так как исходя из статьи 150 ГПК РФ судья обязан выявлять мнения сторон относительно заключения мирового соглашения [2, с. 38] (практика показывает, что многие граждане не до конца понимают и не всегда знают преимуществ примирения до момента разъяснения судьей последствий продолжения судебного сора, включая судебные и временные затраты);

– контрольная функция, так как суд общей юрисдикции не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы третьих лиц, что соответствует части 2 статьи 173 ГПК РФ [2, с. 46].

Такие функции, соответствующие статьям Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, создают гарант законности во время ведения соответствующих судебных дел, что предотвращает использование процедуры примирения для легализации незаконных действий, событий или схем.

Особого внимания заслуживает взаимодействие суда общей практики с процедурой медиации. С вступлением в силу Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» законо-

дательство предоставило судам возможность направлять стороны на медиацию [3, с. 1]. Однако суд не вправе заставить стороны участвовать в медиации; его функции ограничиваются информированием и предоставлением времени для проведения данной процедуры. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50, суд обязан разъяснять сторонам преимущества медиации, особенно в тех случаях, где важно сохранить долгосрочные отношения, как, например, в семейных, трудовых и соседских спорах [4, с. 5].

Частота судебной практики позволяет выявить как суды реально способствуют примирению сторон. Имеется возможность рассмотреть реальный пример из судов общей юрисдикции, связанный с урегулированием конфликтной ситуации сторон. В одном из районных судов г. Москвы рассматривалось дело о взыскании задолженности по договору займа и процентов за использование чужих денежных средств. Во время предварительного заседания судья, ссылаясь на статью 150 ГПК РФ, спросил стороны о возможности мирного урегулирования спора. Ответчик признал наличие долга, но сослался на временные финансовые трудности. Судья объяснил сторонам их право заключить мировое соглашение и предложил вариант с рассрочкой платежей, что было выгодно обеим сторонам: истец получал уверенность в возврате средств, а ответчик избегал принудительных мер и дополнительных расходов [5, с. 12]. В итоге стороны заключили мировое соглашение, которое было одобрено судом. Этот пример демонстрирует активное участие суда в поиске возможностей для примирения даже в ситуациях, где позиции сторон казались непримиримыми.

Более комплексным становится процесс, связанный с сильно тесными семейными отношениями, в которых также часто возникают сложные для разрешения без третьей стороны споры, где эмоциональная составляющая часто препятствует рациональному решению. В процессе раздела имущества между супругами и определения места жительства детей суд общей юрисдикции применил всесторонний подход. Судья не только объяснил правовые последствия раздела имущества по закону, но и предложил сторонам рассмотреть возможность медиации на этапе подготовки дела. Учитывая положения Семейного кодекса РФ и интересы несовершеннолетних, суд временно приостановил рассмотрение дела для проведения медиации. Благодаря этой процедуре стороны смогли достичь соглашения о порядке общения с детьми, что часто бывает сложно в рамках традиционного судебного разбирательства. Суд утвердил достигнутое соглашение в виде мирового соглашения. Как отмечают исследователи, в семейных конфликтах роль суда выходит за пределы правового регулирования, затрагивая социально-психологические аспекты конфликтной ситуации [6, с. 23].

Хотя полномочия суда в вопросах примирения закреплены на законодательном уровне, их практическая реализация сталкивается с большим рядом трудностей. Одной из основных проблем является формальный подход неко-

торых судей к обязанности способствовать примирению сторон. Из-за высокой загруженности и быстрой скорости рассмотрения комплексных и часто уникальных дел судьи зачастую ограничиваются лишь формальной записью в протоколе («Разъяснено право на мировое соглашение»), не углубляясь в изучение интересов участников процесса. Это подтверждается статистикой, которая показывает, что процент дел, завершившихся примирением, остается относительно низким по сравнению с делами, рассмотренными по существу [7, с. 8]. Дополнительно возникает вопрос контроля законности мировых соглашений, что также усложняет большее вовлечение судей в «человеческую» суть вопроса. Суд обязан удостовериться, что соглашение не ущемляет права третьих лиц, но в условиях ограниченных сроков рассмотрения дел полноценная проверка зачастую затруднена.

Ключевым моментом является процессуальная экономия. Достижение согласия между сторонами помогает сократить время на рассмотрение дела, что соответствует принципу разумного срока судопроизводства, как указано в статье 6.1 ГПК РФ [2, с. 12]. Тем не менее, суд должен находить баланс между стремлением к примирению и недопустимостью затягивания процесса, а также учетом вероятности того, что при заключении мирового соглашения имеется возможность нарушения прав одной из сторон конфликта. Также если суд проявляет чрезмерную активность в навязывании примирения, это может нарушать принцип независимости и беспристрастности судьи. Поэтому суд должен оставаться «нейтральным помощником», а не принуждать стороны к примирению. Как отмечает М. К. Треушников: «Суд не должен заменять собой волю сторон, его задача является создание условия для её реализации» [8, с. 45].

Особое внимание следует уделять последствиям утверждения мирового соглашения. В соответствии со статьей 173 ГПК РФ, если мировое соглашение утверждено, повторное обращение в суд по тому же спору между теми же сторонами невозможно [2, с. 46]. Это придает мировому соглашению статус судебного решения и обязывает судью учитывать все условия и факторы рассматриваемого дела с самого начала процесса. Суд общей юрисдикции, утверждая соглашение, придает ему властный характер. Если должник не исполняет условия соглашения добровольно, взыскатель может получить исполнительный лист и обратиться к судебным приставам. Таким образом, роль суда продолжается и на этапе исполнения, так как судья должен разъяснить механизм принудительного исполнения условий соглашения при его утверждении.

В условиях цифровизации судебной системы роль суда в примирительных процессах приобретает новые аспекты. Внедрение видеоконференций и электронных сервисов для подачи документов облегчает взаимодействие между участниками и судом. Однако некоторые специалисты отмечают, что дистанционное участие может уменьшать эффективность примирительных процедур, поскольку личное общение часто помогает снизить уровень конфликта и сильнее проникнуться личными проблемами

участников дела [9, с. 15]. Сами конфликтующие также могут хуже идти на контакт по отношению друг к другу во время процесса, происходящего в цифровом пространстве. Судье важно учитывать этот аспект при выборе формата предварительных заседаний, где наиболее вероятно достижение мирового соглашения.

Правовые источники демонстрируют, что законодатель постепенно расширяет полномочия суда в этой области. Например, возможность утверждения мирового соглашения на этапе апелляции (статья 326 ГПК РФ) позволяет завершить конфликт даже после решения суда первой инстанции [2, с. 78].

Апелляционный суд также обязан рассматривать возможность примирения сторон, что способствует окончательному разрешению спора и уменьшению числа отмененных решений. Таким образом, суд общей юрисдикции выполняет многогранную функцию в примирении участников конфликтных правоотношений, сочетая в себе элементы организатора, контролера и гаранта законности. Эффективность судебного участия зависит не только от качества законодательного регулирования, но и от профессиональной культуры судей и их эмпатии, которая также не должна препятствовать законности и объективности судебных решений. Необходимо развивать навыки судей в области переговоров и медиации, сохраняя при этом принципы процессуального равноправия.

Исходя из проведенного исследования, можно сказать, что участие суда в процессе примирения является обязанностью, установленной Гражданским процессуальным кодексом РФ, а не находится на усмотрении судьи. Также суд использует такие инструменты, как разъяснение последствий, предоставление времени для переговоров и контроль законности достигнутых соглашений. Практика показывает, что активное участие суда в примирении способствует улучшению исполнения судебных решений и снижению социальной напряженности. Дальнейшее развитие института примирения в судах общей юрисдикции должно идти в направлении интеграции медиативных технологий в процессуальную структуру с сохранением судебных гарантий защиты прав граждан. Перспективы развития заключаются в более детальном регламентировании процедуры утверждения мировых соглашений в сложных категориях дел, таких как корпоративные споры или споры с участием публично-правовых образований, где суд играет важную роль в проверке баланса интересов, но при этом также сохранить эффективность делопроизводства в отношении скорости при одновременном повышении вовлеченности некоторых судей, что является наиболее трудной задачей. Также важным остается вопрос стимулирования сторон к примирению через механизмы распределения судебных расходов. Это уже частично реализовано в законодательстве, но требует более последовательного применения на практике [10, с. 30]. Суд общей юрисдикции продолжает быть ключевым институтом, обеспечивающим равновесие между частными интересами сторон и публичным интересом в соблюдении законности и правопорядка.

Литература:

1. Борисова Е. А. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе: учеб. пособие. — М.: Проспект, 2019. — 256 с.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Гражданское процессуальное право России: учебник / под ред. М. С. Шакарян. — М.: Проспект, 2017. — 544 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2020. — № 4.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 6.
6. Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 18-КГ16–58 по делу о проверке законности мирового соглашения // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 1.
8. Решетникова И. В. Доказательственное право России: учеб. пособие. — М.: Норма, 2018. — 304 с.
9. Треушников М. К. Гражданский процесс: учебник. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2020. — 880 с.
10. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162.
11. Ярков В. В. Информатизация гражданского судопроизводства в России: проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. — 2021. — № 3. — С. 10–25.
12. Judicial Statistics of the Russian Federation for 2022 [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 03.03.2026).

Соотношение публично-правовой и частноправовой ответственности в деятельности органов управления хозяйственных обществ

Капитонова Яна Игоревна, студент

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье анализируется соотношение публичноправовой и частноправовой ответственности в деятельности органов управления хозяйственных обществ, выявляются нормативные основания и ключевые доктринальные подходы к их разграничению.

Доказано, что публичноправовые санкции, налагаемые на хозяйственные общества, всё чаще трансформируются во внутренние гражданскоправовые требования к руководителям, что формирует «двухконтурную» модель ответственности. Обосновывается, что гражданскоправовая ответственность по статье 53.1 ГК РФ и специальным корпоративным нормам выполняет компенсаторную и превентивную функции, дополняя публичноправовые меры, ориентированные на защиту публичных интересов.

Кроме того, в исследовании отмечаются проблемы правоприменения, связанные с неопределённостью критериев нормального хозяйственного риска, стандартов доказывания вины руководителя и пределами кумуляции различных видов ответственности. В заключении автором предлагаются направления совершенствования отечественного законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: *публичноправовая ответственность, частноправовая ответственность, органы управления хозяйственных обществ, гражданскоправовая ответственность руководителей, статья 53.1 ГК РФ, корпоративное управление, публичные санкции, убытки, регрессный иск.*

Введение

Ответственность органов управления хозяйственных обществ всё чаще проявляется в виде сочетания гражданскоправовых требований и публичноправовых санкций,

что обуславливает необходимость уточнения границ и механизмов их соотношения на практике.

На сегодняшний день публичноправовые санкции, накладываемые на юридические лица, нередко становятся основанием регрессных требований к непосредственным

руководителям, формируя двойственную модель юридической ответственности.

Цель статьи заключается в анализе нормативной основы и доктринальных подходов к разграничению публичноправовой и частноправовой ответственности органов управления хозяйственных обществ, а также в обозначении ключевых проблем правоприменения и предложения оптимальных способов их разрешения.

1. Нормативные и доктринальные основы ответственности органов управления хозяйственных обществ

В исследованных работах, посвящённых гражданско-правовой ответственности членов органов управления хозяйственных обществ, наблюдается явный акцент на том, что данный вид ответственности имеет смешанную природу, сочетая элементы корпоративного, обязательственного и деликтного регулирования.

Ответственность членов органов управления корпораций нормативно сконструирована вокруг статьи 53.1 ГК РФ [1], которая задаёт общий стандарт добросовестного и разумного поведения лиц, действующих от имени юридического лица. Кроме того, отдельные положения также можно найти в специальных нормах корпоративного законодательства (статья 71 Закона об АО [2], статья 44 Закона об ООО [3]), которые устанавливают обязанность действовать добросовестно и разумно и возмещать убытки, причинённые обществу виновными действиями/бездействием представителями органов управления хозяйственного общества.

Существенное развитие данные положения получили в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — Постановление ВАС РФ № 62) [4], где детализированы признаки «недобросовестности» и «неразумности» в действиях единоличного исполнительного органа, а также предложены ориентиры для квалификации управленческих ошибок как оснований для возложения на директора обязанности по возмещению убытков.

Несмотря на то, что названный акт высшей судебной инстанции существенно прояснил содержание критериев поведения руководителя и придал большую определённую механизм реализации ответственности при причинении юридическому лицу убытков, говорить о полном устранении проблем в данном институте пока преждевременно. На практике попрежнему возникают сложности с разграничением нормального предпринимательского риска и неправомерного управления, с оценкой степени осведомлённости и осмотрительности руководителя, а также с единообразием подходов судов к доказыванию вины и причинной связи. В результате, несмотря на серьёзный модернизирующий эффект Постановления ВАС РФ № 62, институт ответственности органов управ-

ления хозяйственным обществом остаётся зоной повышенной доктринальной и правоприменительной дискуссии [5, с. 174].

Исследователи отмечают, что гражданскоправовая ответственность руководителей реализуется через иски общества (и/или его участников) о взыскании убытков, а также через регрессные требования о возмещении сумм публичноправовых санкций, уплаченных юридическим лицом. При этом судебная оценка поведения руководителя строится вокруг критериев добросовестности, разумности и нормального хозяйственного риска [6].

Публичноправовая ответственность хозяйственных обществ проявляется прежде всего в административных и налоговых санкциях, применяемых за нарушение обязательных требований. В доктрине публичноправовой ответственности подчёркивается её властный характер, императивный метод регулирования и ориентация на защиту публичных интересов. Для настоящего исследования важно, что такие санкции, будучи формально направленными на юридическое лицо, фактически опосредованно затрагивают его органы управления через механизмы внутренней гражданскоправовой ответственности.

В отдельных доктринальных исследованиях, посвящённых деликтной и гражданскоправовой ответственности публичноправовых субъектов, сформулирован важный для корпоративного контекста тезис: с помощью частноправовых средств обеспечивается баланс между частными имущественными интересами потерпевших и публичными интересами правонарушителя. Эта идея легко переносится на связь публичноправовой ответственности корпорации и частноправовой ответственности её органов управления: публичноправовая санкция защищает публичный интерес, а гражданскоправовое взыскание убытков перераспределяет имущественные последствия внутри корпорации [7].

2. Взаимодействие публичноправовой и частноправовой ответственности органов управления хозяйственных обществ

Современная практика и доктрина позволяют говорить о двойственной модели ответственности. Во внешнем контуре государственные органы привлекают хозяйственное общество к публичноправовой ответственности (административные и налоговые штрафы, иные взыскания), реализуя публичный интерес и обеспечивая законность. Во внутреннем контуре общество (либо его участники) предъявляет к органам управления гражданскоправовые требования о возмещении убытков, включающих уплаченные штрафы и сопутствующие расходы, если установлено нарушение стандарта добросовестности и разумности.

В публикациях о гражданскоправовой ответственности органов управления корпоративных организаций акцентируется внимание на том, что подобная кумуляция видов ответственности не нарушает запрета двойного на-

казания, поскольку речь идёт о разных субъектах и разных правовых режимах. Публичноправовая ответственность возлагается на общество как участника публичных правоотношений, тогда как гражданскоправовая ответственность возникает во внутренних частноправовых отношениях между обществом и его руководителями.

При этом «перекладывание» публичноправовых штрафов на руководителя не может быть автоматическим. Здесь необходимо подчеркнуть, что ответственность должна ограничиваться ситуациями, когда руководитель выходил за пределы разумного предпринимательского риска, действовал недобросовестно или явно неразумно. Для этого суды учитывают наличие у руководителя информации, организацию системы внутреннего контроля и комплаенса, а также предпринятые меры по предотвращению или минимизации последствий нарушения.

3. Актуальные проблемы правоприменения

Ключевой проблемой остаётся неопределённость критериев, отделяющих нормальный хозяйственный риск от неправомерного поведения органов управления. На сегодняшний день наличествует явный отсылочный характер формулы «разумности и добросовестности», что приводит к фрагментарности судебной практики и снижает предсказуемость ответственности руководителей. Для деликтной ответственности публичноправовых субъектов характерна сложность по части доказывания причинной связи и незаконности действий, что по аналогии актуально и для корпоративных споров о возмещении убытков вследствие публичноправовых санкций [8, с. 103].

Не менее значимой практической проблемой является риск чрезмерной кумуляции ответственности, когда одно и то же поведение руководителя становится основанием для публичноправовой ответственности общества, гражданскоправовой ответственности самого руководителя и, при определённых условиях, основанием наступления уголовной ответственности. Решение видится в более чётком разграничении оснований и пределов гражданскоправовой ответственности, включая закрепление ориентиров по оценке разумного предпринимательского риска и обстоятельств, исключающих взыскание с руководителя публичных штрафов.

Заключение

Подводя итог настоящей статьи, видится логичным и обоснованным заключить следующее: целесообразно рассматривать ответственность органов управления хозяйственных обществ не как механическую сумму публичноправовых и частноправовых санкций, а как единую

многоуровневую систему обеспечения управленческой лояльности к праву.

Такая система должна быть выстроена таким образом, чтобы ключевой акцент смещался с карательного начала на стимулирование устойчивых практик надлежащего управления, встраивая стандарты добросовестности и разумности в саму корпоративную культуру, а не только в юридические конструкции исковой защиты. Иначе говоря, ответственность должна восприниматься руководителем не как внешний риск, который нужно минимизировать формальными мерами, а как внутренний элемент профессиональной идентичности руководителя.

Перспективным кажется переосмысление роли публичного регулирования в сфере корпоративного управления: публичноправовые санкции, применяемые к хозяйственным обществам, могут и должны становиться не только «триггером» для последующих регрессных исков к представителям органа управления, но и источником формализации лучших управленческих практик. В данном контексте необходимо осуществить переход от эпизодического реагирования на нарушения к модели «обучающего права», когда результаты правоприменения (в том числе негативные) институционализируются в виде типовых корпоративных стандартов, чеклистов комплаенса, внутренних кодексов поведения органов управления. Такая трансформация позволила бы превратить связку «штраф — регресс» в более сложный и продуктивный механизм, который бы выглядел следующим образом: «штраф — анализ — изменение корпоративных процедур — корректировка стандарта поведения руководителя».

Кроме того, развитие концепции соотношения публичноправовой и частноправовой ответственности применительно к органам управления хозяйственных обществ открывает пространство и для более смелых доктринальных конструкций. Можно поставить вопрос о формировании особого, «гибридного» режима ответственности управленцев в стратегически значимых компаниях, где публичный интерес присутствует скрыто и не исчерпывается традиционными административными и налоговыми требованиями. В таких случаях оправдано обсуждение дифференцированных стандартов ответственности, учитывающих не только интересы участников общества и государства, но и более широкий контекст — влияние управленческих решений на рынок, занятость, инновации, устойчивое развитие.

Подобные изменения потребуют выхода за рамки классического дихотомического деления на публичное и частное право, но именно такой выход может задать новое направление для российской корпоративноправовой доктрины.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.
5. Билан Е. М. Основания гражданско-правовой ответственности единоличного исполнительного органа хозяйственного общества // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). С. 172–177.
6. Гаврик А. В. Ответственность лиц, входящих в состав органов управления хозяйственных обществ в гражданском праве // Актуальные вопросы юридических наук: материалы XVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2022 г.). Казань: Молодой ученый. 2022. С. 13–16.
7. Медвецкий А. А. Деликтная ответственность публично-правовых образований как комплексный правовой институт // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 328–330.
8. Ястребова Е. К. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления в хозяйственных обществах // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. С. № 3. С. 99–104.

Ответственность единоличного исполнительного органа при одобрении крупных сделок и сделок с заинтересованностью: стандарты осмотрительности и судебная практика

Капитонова Яна Игоревна, студент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследуется содержание и практическое значение стандартов осмотрительности и лояльности единоличного исполнительного органа при инициировании и одобрении крупных сделок и сделок с заинтересованностью в российских хозяйственных обществах.

На основе действующего законодательства и актуальной практики Верховного Суда Российской Федерации показывается, что нарушение процедур одобрения само по себе не влечёт автоматической ответственности директора: ключевыми становятся оценка его добросовестности, разумности и поведения в условиях конфликта интересов.

Анализ позиций ВС РФ наглядно демонстрирует, в каких случаях суд отказывает во взыскании убытков, признавая действия руководителя проявлением допустимого предпринимательского риска, и в каких — возлагает на него ответственность за скрытый конфликт интересов и причинение обществу убытков.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, крупная сделка, сделка с заинтересованностью, единоличный исполнительный орган, конфликт интересов, стандарты осмотрительности и лояльности, добросовестность и разумность, должная осмотрительность, предпринимательский риск.

Введение

Ответственность единоличного исполнительного органа (далее — ЕИО) при одобрении крупных сделок и сделок с заинтересованностью стала одним из центральных вопросов корпоративных споров и применения статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1]. Законодатель детально регламентировал режим такого рода сделок, однако, важно учитывать, что реальные границы ответственности директора сегодня задаёт судебная практика и обзоры Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ).

Режим крупных сделок и сделок с заинтересованностью закреплён в ГК РФ, Законах об АО [2] и об ООО [3], а также в уставах конкретных обществ. Крупная сделка определяется через стоимостный порог и выход за пре-

делы обычной хозяйственной деятельности, а сделка с заинтересованностью — через наличие контролирующего или подконтрольного лица и конфликта интересов.

ЕИО фактически запускает и структурирует такие сделки: формирует их обоснование, организует подготовку документов, выносит вопрос на совет директоров или общее собрание, а затем подписывает договор. В сделках с заинтересованностью на него дополнительно возлагается обязанность раскрывать конфликт интересов и обеспечивать получение согласия уполномоченного органа, если оно требуется [4].

Современная практика, которая удачно аккумулирована ВС РФ в рамках Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ (далее — Обзор) [5] оценивает поведение директора через стандарты осмо-

трительности и лояльности, близкие к модели делового усмотрения. Осмотрительность означает сбор и анализ достаточной информации, оценку рыночности условий и рисков, соблюдение корпоративных процедур и разумное соотношение сделки с интересами общества.

Лояльность предполагает отсутствие скрытой личной выгоды, добросовестное раскрытие заинтересованности и недопустимость действий в интересах отдельных участников в ущерб обществу. Так, ВС РФ подчёркивает, что негативный экономический результат сам по себе не доказывает нарушение этих стандартов, если решение принималось информированной и в рамках обычного предпринимательского риска.

В одном из дел, вошедших в Обзор практики по ответственности директоров 2025 года, общество требовало взыскать с директора убытки, мотивируя иск тем, что он заключил крупную сделку без обязательного корпоративного одобрения. Сделка была исполнена, общество понесло убытки, и участники попытались возложить ответственность на руководителя исключительно из-за нарушения процедуры одобрения (п. 20 Обзора).

ВС РФ указал, что совершение крупной сделки без одобрения не является автоматическим основанием для взыскания убытков с директора: необходимо установить его недобросовестность и причинную связь между нарушением и убытками. Поскольку сделка была заключена на рыночных условиях, объективно соответствовала интересам общества и отсутствие одобрения не стало необходимой причиной убытков, в требованиях к директору было отказано. Таким образом, стандарт осмотрительности был признан соблюденным, несмотря на формальное нарушение процедурного режима.

В приводимом ВС РФ в обзоре деле, юридическое лицо заключило договор отчуждения значимого имущественного комплекса (производственного оборудования и помещений) с третьим лицом. Стоимость сделки превышала установленный законом и уставом порог крупной сделки, однако предварительного одобрения ни советом директоров, ни общим собранием участников получено не было. Сделка была исполнена в полном объёме, но спустя некоторое время общество понесло убытки, связанные, по мнению участников, с ухудшением его финансового положения и снижением производственных возможностей после отчуждения имущества. Участники общества обратились в суд с иском к директору о взыскании убытков, мотивируя свои требования тем, что он заключил крупную сделку без обязательного одобрения и тем самым нарушил требования закона и устава общества.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, указав, что уже сам факт заключения крупной сделки без одобрения является неправомерным действием директора и влечёт его ответственность за причинённые обществу убытки. Апелляционная инстанция поддержала этот подход. ВС РФ, пересматривая дело, занял иную позицию и отменил состоявшиеся судебные акты. ВС РФ указал, что:

1. Нарушение процедуры одобрения крупной сделки само по себе не образует достаточного основания для взыскания убытков с директора;

2. Необходимо установить совокупность условий: противоправность поведения (недобросовестность или неразумность директора), факт и размер убытков, а также причинную связь между нарушением и неблагоприятными последствиями для общества;

3. По материалам дела было установлено, что сделка заключалась на рыночных условиях, приобретатель не являлся аффилированным, условия соответствовали экономической ситуации и бизнесстратегии общества на момент заключения договора.

ВС РФ подчеркнул, что последующее ухудшение финансового положения не может автоматически вменяться директору, если истец не доказал, что именно отсутствие одобрения (а не объективные рыночные факторы, изменение спроса, кредитная нагрузка и т. п.) явилось необходимой предпосылкой возникновения убытков. Суд также указал, что истцы не представили доказательств, свидетельствующих о личной заинтересованности директора либо о заведомой невыгодности условий сделки. В результате действия директора были квалифицированы как осуществление делового усмотрения в условиях допустимого предпринимательского риска, а в иске о взыскании убытков было отказано.

Данное дело иллюстрирует, что стандарт осмотрительности и лояльности не сводится к формальному соблюдению процедуры одобрения: суд оценивает экономическое содержание сделки, наличие (отсутствие) конфликта интересов, разумность и информированность решения. Формальное нарушение порядка одобрения рассматривается как важный, но не единственный элемент состава ответственности; для взыскания убытков необходима доказанная связь между этим нарушением и негативным результатом.

Иное решение ВС РФ принял по делу о продаже активов подконтрольному директору обществу по заниженной цене, рассмотренному в Обзоре практики по корпоративным спорам. Руководитель не раскрыл заинтересованность, а сделка привела к значительной недополученной выгоде общества, которая была рассчитана как разница между рыночной и договорной ценой (п. 3 Обзора).

ВС РФ указал, что скрытый конфликт интересов создаёт презумпцию причинной связи между действиями директора и наступившими убытками, а также презумпцию его недобросовестности. Бремя опровержения этих презумпций возлагается на самого руководителя, и в рассматриваемом деле он не смог доказать ни объективную выгодность сделки для общества, ни отсутствие влияния его заинтересованности на условия соглашения. Убытки (разница между рыночной и договорной ценой) были взысканы с директора, а стандарт лояльности признан нарушенным.

Одна и та же сделка может одновременно являться крупной и сделкой с заинтересованностью, что требует со-

блюдения обоих процедурных режимов. ВС РФ допускает рассмотрение вопроса об одобрении единой повесткой, но подчёркивает, что несоблюдение хотя бы одного из режимов создаёт самостоятельный риск оспаривания.

Применительно к ответственности ЕИО это означает, что он обязан оценивать сделку и по стоимостным критериям, и по наличию заинтересованности, инициируя соответствующие процедуры одобрения и раскрытия информации. Корректно организованные процедуры не гарантируют освобождения от ответственности, но существенно повышают шансы признания поведения директора добросовестным и разумным.

Позиции ВС РФ показывают отход от чисто формального подхода, при котором любое нарушение порядка одобрения автоматически влекло бы ответственность директора. Так, ВС РФ фокусируется на содержательной оценке делового решения: направленности действий в интересах общества, рыночности условий, раскрытия конфликта интересов и разумности принятого риска [7].

При этом усиление презумпций недобросовестности при скрытом конфликте интересов и детальная разработка критериев поведения «разумного директора» объективно повышают требования к уровню **комплаенса** и внутреннего контроля в организациях. Для ЕИО это означает необходимость выстраивать системные процедуры выявления крупных и заинтересованных сделок, документально фиксировать раскрытие информации и деловую мотивацию, а также чётко разделять ситуации допустимого предпринимательского риска и заведомо вредных для юридического лица решений.

Подводя итог настоящей статьи, видится логичным заключить следующее:

1. Современное регулирование крупных сделок и сделок с заинтересованностью в совокупности с разъяснениями ВС РФ формируют специальный режим ответственности единоличного исполнительного органа, основанный не на формальном, а на содержательном контроле его поведения.

2. Нарушение порядка одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью само по себе не образует достаточного основания для взыскания убытков с директора; обязательными элементами ответственности остаются противоправность в форме нарушения стандартов осмотрительности и лояльности, наличие реальных убытков и причинной связи.

3. В отношении сделок с заинтересованностью судебная практика закрепляет повышенный стандарт лояльности директора: ключевое значение придаётся добросовестному раскрытию фактической аффилированности и конфликта интересов, а их сокрытие рассматривается как презумпция недобросовестности и причинной связи с наступившими неблагоприятными последствиями.

4. Обзор ВС РФ по ответственности лиц, осуществляющих управление юридическими лицами, фактически формирует элементы доктрины делового усмотрения директора, отделяя допустимый предпринимательский риск от злоупотребления полномочиями и ограничивая возможность ретроспективной «перепроверки» экономической целесообразности его решений.

5. Одновременное применение режимов крупной сделки и сделки с заинтересованностью (при совпадении соответствующих признаков) ужесточает требования к правовой и управленческой компетентности единоличного исполнительного органа, который обязан правильно квалифицировать сделку, инициировать все необходимые процедуры одобрения и надлежащим образом документировать процесс принятия решения.

6. Системная линия развития судебной практики стимулирует формирование в хозяйственных обществах внутренних комплаенс-механизмов, регламентов по выявлению и одобрению экстраординарных сделок и процедур управления конфликтом интересов, что выступает одновременно инструментом профилактики корпоративных споров и средством для защиты директора от необоснованных требований о взыскании с него убытков.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.
4. Николаева М. Новый порядок совершения крупных сделок и сделок с заинтересованностью (Часть 2) // [электронный ресурс]: URL: <https://ao-journal.ru/novyj-porjadok-sovshenija-kрупnyh-sdelok-i-sdelok-s-zainteresovannostju-chast-2> (дата запроса: 10.03.2026)
5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». 2026.
6. Официальный сайт «Право. RU»: Ответственность руководителей: 16 позиций из нового обзора ВС // [электронный ресурс]: URL: <https://pravo.ru/story/259826/> (дата запроса: 10.03.2026)
7. Ионцев М. Динамика подходов к оценке крупных сделок. Переход к распределению бремени доказывания и приоритету качественных критериев. Адвокатская газета № 4 (429). 16 февраля 2025 год.

Смарт-контракты в России: проблемы теории и практики

Кирмизов Михаил Сергеевич, аспирант;
Эргашева Малика Шавкатовна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Настоящая работа посвящена комплексному исследованию правового регулирования смарт-контрактов и цифровых прав в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией договорных отношений и необходимостью адаптации классических гражданско-правовых норм к новым технологическим реалиям.

В работе рассматривается генезис понятия смарт-контракта, анализируются основные доктринальные подходы к его определению и правовой природе. Особое внимание уделено анализу технологической основы смарт-контрактов — блокчейну, а также выявлению коллизий между принципом неизменности программного кода и фундаментальными положениями Гражданского кодекса РФ об изменении и расторжении договоров. В рамках исследования изучена формирующаяся судебная практика, касающаяся оборота цифровых активов, и выявлены основные процессуальные трудности (идентификация сторон, доказательственное значение данных блокчейна, проблема реституции). По итогам исследования сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства: предложено легальное определение смарт-контракта, обоснована необходимость закрепления механизма денежной компенсации как последствия недействительности сделки.

Ключевые слова: смарт контракты, цифровизация, технологии, блокчейн, генезис, финансы, финансовые активы.

Smart contracts in Russia: theoretical and practical issues

Kirmizov Michail Sergeevich, graduate student;
Ergasheva Malika Shavkatovna, master's student
The Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

This paper presents a comprehensive study of the legal regulation of smart contracts and digital rights in the Russian Federation. The relevance of this topic is driven by the rapid digitalization of contractual relations and the need to adapt classical civil law norms to new technological realities.

This paper examines the genesis of the concept of a smart contract and analyzes the main doctrinal approaches to its definition and legal nature. Particular attention is paid to the analysis of the technological basis of smart contracts—blockchain—and to identifying conflicts between the principle of immutability of software code and the fundamental provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the amendment and termination of contracts. The study examines emerging judicial practice concerning the circulation of digital assets and identifies key procedural difficulties (identification of parties, evidentiary value of blockchain data, and the issue of restitution). The study's findings led to specific proposals for improving legislation: a legal definition of a smart contract was proposed, the need to establish a mechanism for monetary compensation as a consequence of the invalidity of a transaction was substantiated.

Keywords: smart contracts, digitalization, technology, blockchain, genesis, finance, financial assets.

Термин «смарт-контракт» был введен Ником Сабо еще в середине 1990-х годов. Ученый предложил концепцию «встраивания» условий договора в компьютерный код, что позволило бы минимизировать роль посредников и человеческий фактор. Простейшим образом таких отношений можно считать торговые автоматы: покупатель вносит деньги, и механизм автоматически выдает товар, без участия продавца.

В современном понимании смарт-контракт — это программный код, функционирующий в среде блокчейн, который автоматически исполняет условия соглашения при наступлении заранее определенных обстоятельств. Ключевым здесь является смещение акцента с доверия к контрагенту на доверие к технологии. Несмотря на то, что российское законодательство до сих пор не содержит легального определения, в доктрине выделяют три основных признака этого явления: наличие цифрового ве-

рифицируемого события (триггера), программный алгоритм реагирования и юридически значимое действие на выходе [6].

Интересно, что первая версия законопроекта о цифровых финансовых активах (2018 г.) предлагала трактовать смарт-контракт как разновидность электронного договора. Однако позже эта норма была исключена, что демонстрирует осторожность законодателя и незавершенность процесса осмысления технологии. Тем не менее в научной среде сложилось понимание, что смарт-контракт — это не просто код, а особая форма сделки, гарантирующая мгновенный результат без участия посредников.

В российском праве отправной точкой для интеграции смарт-контрактов стало дополнение статьи 309 ГК РФ. В ней появилось указание на возможность исполнения обязательств при наступлении определенных обстоятельств без отдельного волеизъявления сторон, путем

применения информационных технологий. Это положение позволяет рассматривать автоматическое исполнение как добросовестное выполнение договоренностей. Однако фрагментарность регулирования порождает вопросы. В отличие от России, где законодатель движется осторожно, зарубежные юрисдикции (отдельные штаты США, Швейцария, Эстония) пошли по пути активного признания смарт-контрактов. Там они наделяются юридической силой, а для разрешения споров создаются специализированные инструменты. Анализ зарубежного опыта важен для России, поскольку позволяет заимствовать успешные модели, адаптируя их к отечественной правовой системе [7].

С введением в ГК РФ статьи 141.1 законодатель закрепил понятие цифровых прав. Под ними понимаются обязательственные и иные права, содержание которых определяется правилами информационной системы. Проще говоря, это права на объекты, существующие исключительно в электронной среде. Тем не менее, в доктрине справедливо отмечается, что термин «цифровые права» не совсем точен. По своей сути, это традиционные гражданские права (например, требования), просто облаченные в новую, электронную форму. Закон выделяет две основные категории таких объектов. Первая — цифровые финансовые активы (ЦФА), которые аналогичны ценным бумагам, но выпускаются с использованием блокчейна. Вторая — цифровая валюта (криптовалюта), которая признается имуществом, но запрещена к использованию как платежное средство внутри страны [8].

Основная проблема кроется в стремительном развитии технологий: новые явления возникают быстрее, чем законодатель успевает их классифицировать. Это приводит к путанице и требует выработки гибких, технологически нейтральных норм, которые позволят защищать права участников оборота независимо от конкретного вида цифрового актива. Технологической основой смарт-контрактов является блокчейн — распределенный реестр, информация в котором защищена криптографически и не может быть изменена задним числом. Именно свойство неизменности (иммутабельности) создает основную коллизию с гражданским правом, которое всегда предусматривает механизмы изменения или расторжения договора.

Заключение смарт-контракта, как и обычного, проходит стадии оферты и акцепта. Оферта может быть размещена в виде кода на веб-странице, а акцепт выражается присоединением к этому коду с использованием закрытого ключа. Проблема в том, что если в традиционном договоре стороны могут договориться об изменении условий, то в чистом смарт-контракте это технически невозможно без изначального закладывания такой функции. В доктрине сформировалось несколько взглядов на правовую природу смарт-контракта. Одни ученые видят в нем лишь форму сделки, другие — техническое средство исполнения, третьи настаивают на признании его особым объектом (*sui generis*). Российская практика склоняется

к тому, что это, прежде всего, инструмент фиксации и исполнения обязательств, связанных с цифровыми правами [2].

Сегодня блокчейн вышел за рамки криптовалют. Прогнозируется, что к 2026 году мировые инвестиции в эту технологию достигнут 18 миллиардов долларов. В медицине распределенные реестры обеспечивают сохранность данных пациентов и контроль доступа к ним. В логистике — позволяют отслеживать товар на всем пути следования, минимизируя кражи и потери.

Что касается смарт-контрактов, их прекращение может наступать по разным причинам: истечение срока действия, полное выполнение задачи, обнаружение ошибки в коде. Иногда разработчики предусматривают специальную функцию «аварийного выключателя» (*kill switch*), позволяющую остановить работу программы. Однако это противоречит идее децентрализации и снижает уровень доверия к технологии. Центральная проблема правоприменения — конфликт между неизменностью кода и гибкостью права. ГК РФ позволяет изменять или расторгать договор при существенном изменении обстоятельств (ст. 451). Смарт-контракт, лишенный такого механизма, будет исполнен даже в том случае, если это станет явно несправедливым для одной из сторон.

Особую сложность представляет оспаривание сделок. Если суд признает смарт-контракт недействительным по основаниям ст. 178 (заблуждение) или ст. 179 (обман), он должен применить реституцию. Однако технически «вернуть все назад» в блокчейне невозможно. Поэтому в доктрине активно обсуждается концепция «юридической обертки» (*legal wrapper*). Суть ее в том, что код сопровождается традиционным текстовым договором, где прописано применимое право и оговорен приоритет юридического текста над кодом в случае спора [9].

Дополнительную сложность создают оракулы — сервисы, поставляющие данные из внешнего мира (курсы валют, погоду) в блокчейн. Ошибка оракула может привести к неверному исполнению контракта, и вопрос об ответственности такого поставщика данных пока законодательно не урегулирован. Российская судебная практика по делам, связанным с цифровыми активами, только начинает складываться. Знаковым стало дело о банкротстве Ильи Царькова (2018 г.), в рамках которого суд отнес криптовалюту к «иному имуществу» (ст. 128 ГК РФ). Это решение наделило цифровые валюты имущественным статусом и открыло путь для их защиты, хотя бы по аналогии закона [3].

Позже Верховный Суд РФ подтвердил, что криптовалюта может быть предметом хищения, а Конституционный Суд указал, что отсутствие специального закона не должно ограничивать право на судебную защиту владельцев активов. Однако практика сталкивается с серьезными процессуальными трудностями: как идентифицировать сторону, известную лишь по публичному ключу? Как изъять криптовалюту, если владелец отказывается передать приватный ключ?

Эти вопросы обнажают недостаточность категории «иное имущество». Требуется детальная регламентация порядка ареста, хранения и конфискации цифровых активов, а также развитие института судебной экспертизы в сфере ИТ. Для полноценной интеграции смарт-контрактов в правовое поле необходим комплекс мер. Во-первых, следует официально закрепить в ГК РФ определение смарт-контракта как сделки, выраженной в программном коде и исполняемой автоматически. Во-вторых, важно законодательно урегулировать вопрос о последствиях недействительности таких сделок. Вместо технической реституции (которая невозможна) предлагается установить механизм денежной компенсации.

В-третьих, требуется разрешить коллизию между неизменностью кода и возможностью изменения договора. Здесь видится два пути: либо законодательно обязать включать в код функцию «аварийной остановки» по решению суда, либо, что предпочтительнее, легализовать концепцию «юридической обертки», придав приоритет текстовой версии соглашения. Наконец, необходима окончательная доработка регулирования криптовалют. Легализация их использования во внешнеэкономических расчетах (уже обсуждаемая в 2025 году) и внедрение цифрового рубля создадут ту среду, в которой смарт-контракты смогут функционировать полноценно, будучи обеспеченными законным платежным средством [10].

Будущее правового регулирования в этой сфере видится в движении от точечных изменений к системному подходу. Принятие ФЗ № 259-ФЗ о ЦФА было лишь первым шагом. Дальнейшее развитие пойдет по пути расширения перечня токенизируемых активов (недвижимость, интеллектуальная собственность) и интеграции ЦФА в традиционные инвестиционные портфели. Параллельно будет ужесточаться регулирование в сфере ПОД/ФТ (противодействие отмыванию денег). Требования к идентифи-

кации пользователей криптобирж станут жестче, а процедуры конфискации цифровых активов — прозрачнее. Основным вызовом для законодателя — найти баланс между стимулированием инноваций и защитой прав потребителей, между децентрализацией технологии и необходимостью государственного контроля [4].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что смарт-контракт — это гибридный феномен, соединивший в себе юридическую волю сторон и технологическое средство ее реализации. Основная коллизия заключается в противоречии между неизменностью кода, на которой настаивает технология, и необходимостью сохранения гибкости и возможности судебного вмешательства, на которых стоит право.

Анализ судебной практики показал, что правоприменители, признавая криптовалюту имуществом, пытаются вписать новые отношения в старые правовые рамки. Однако этот подход выявил острые процессуальные проблемы, главная из которых — невозможность принудительного исполнения решений суда в децентрализованной среде.

В связи с этим представляется необходимым реализовать следующие меры:

1. Закрепить в ГК РФ легальное определение смарт-контракта.
2. Ввести специальные нормы об оспаривании таких сделок, установив, что последствием недействительности является денежная компенсация.
3. Приравнять данные из публичных блокчейнов при соблюдении процедуры их заверения к письменным доказательствам.
4. Активно развивать инфраструктуру цифрового рубля как базы для «регулируемых» смарт-контрактов.

Только системный подход, учитывающий как технологические особенности, так и фундаментальные принципы права, позволит создать предсказуемые условия для использования смарт-контрактов в российской экономике.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.09.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.09.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.
5. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 12. — Ст. 1224.
6. Арсланов К. М. Цифровые права и смарт-контракты: проблемы теории и практики // Закон. — 2021. — № 5. — С. 67–81.
7. Богданов Е. В. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 5. — С. 32–39.
8. Василевская Л. Ю. Цифровые права: новеллы гражданского законодательства // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 25–38.

9. Ефимова Л. Г. Банковские сделки с использованием смарт-контрактов: правовые аспекты // Банковское право. — 2022. — № 1. — С. 44–50.
10. Климчук В. А. Технология блокчейн и гражданское право: проблемы взаимодействия // Государство и право. — 2020. — № 8. — С. 112–120.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании: историко-правовой анализ

Кудря Максим Григорьевич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье проводится историко-правовой анализ использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются этапы становления и развития нормативного регулирования ОРД в России, начиная с дореволюционного периода, через советский этап и до современного правового оформления. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с использованием результатов ОРД в качестве доказательств, а также эволюции законодательства, направленной на обеспечение баланса между эффективностью расследования и защитой прав участников процесса. Автор приходит к выводу, что современный этап характеризуется систематизацией нормативной базы и формированием четких правил использования результатов ОРД, что способствует совершенствованию уголовно-процессуальной практики.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, доказывание, историко-правовой анализ, доказательства, оперативные материалы, этапы развития ОРД, законодательство об ОРД.

Use of the results of operational-search activity in proving: historical and legal analysis

This article provides a historical and legal analysis of the use of operational investigative activity (OIA) results in the evidence process in criminal proceedings. It examines the stages of the formation and development of OIA regulations in Russia, beginning with the pre-revolutionary period, through the Soviet era, and to its current legal form. Particular attention is paid to the issues associated with the use of OIA results as evidence, as well as the evolution of legislation aimed at ensuring a balance between the effectiveness of investigations and the protection of the rights of trial participants. The author concludes that the current stage is characterized by the systematization of the regulatory framework and the development of clear rules for the use of OIA results, which contributes to the improvement of criminal procedural practice.

Keywords: operational investigative activity, evidence, historical and legal analysis, evidence, operational materials, stages of OIA development, OIA legislation.

Актуальность исследования истории использования результатов оперативно-розыскной деятельности обусловлена необходимостью изучения опыта правового регулирования обозначенного вопроса в уголовном процессе. Именно изучение исторического опыта позволяет выявить закономерности развития данного института и определить направления его дальнейшего совершенствования.

О решении задач уголовно-процессуального характера оперативно-розыскным путем говорится в соответствующем положении «Об охранных отделениях», которое датируется 1907 годом, притом это первое упоминание такого способа в нормативном акте.

Р. С. Рыжов отмечает соответствующие положения из указанного акта, затрагивающие использование сведений оперативно-розыскного характера в уголовном судопроизводстве:

— в случае если руководителю определенного охранного подразделения становятся известны сведения о совершенном преступлении государственного характера, он обязан уведомить об этом руководителя соответствующего управления жандармерии или его помощника, а помимо этих лиц также прокурора;

— при начале осуществления следствия или дознания на основании сведений розыскного характера, начальник органа, от которого были получены означенные сведения, должен сообщить их в полном объеме лицам, правомочным на осуществление расследования, наряду с обеспечением интересов агентуры и способов работы такого органа [9].

Последующая регламентация оперирования сведениями оперативно-розыскного характера производится уголовно-процессуальным законом, принятым в 1923 году [8].

Упоминания о проверочной деятельности негласного характера, осуществляемой в отношении анонимных сообщений, наличествовали в статье 93 означенного закона, — только лишь после таких проверок данные сообщения могли стать поводом для возбуждения дела. Основы уголовного судопроизводства СССР и республик в уже предусматривают обязанность органов, управомоченных на дознание, осуществлять соответствующие меры оперативно-розыскного свойства, ориентированные на выявление признаков противоправного действия и причастных к этому лиц [7]. Такая обязанность была сохранена в статье 118 УПК РСФСР 1960 года [10].

Изучение первоначальной стадии регламентации оперирования итогами деятельности оперативно-розыскного характера в уголовном процессе позволяет прийти к умозаключению, которое свидетельствует о том, что данная деятельность, а также соответствующие ее результаты были необходимы в первую очередь для тех задач, которые ставятся на стадии возбуждения.

Положения уголовно-процессуального закона были ориентированы на то, чтобы итоги оперативной деятельности не встречали каких-либо нормативных препятствий в части использования сведений, которые представлены этими итогами, в действиях по доказыванию.

Почва для произвола соответствующих должностных лиц создавалась вышеназванным УПК РСФСР 1923 года, поскольку он допускал возбуждение дела на основе заявлений анонимного характера после их проверки в негласном порядке — о каких-либо гарантиях прав участников речи не велось.

Весьма продолжительный период времени в нормы, регламентирующие использование итогов ОРД, не вносились никакие новеллы. Только в последнем десятилетии двадцатого столетия соответствующие изменения коснулись упоминаемых Основ — осуществилось это благодаря Закону СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 [3].

Революционным в вопросе оперирования итогами деятельности оперативно-розыскного характера в доказательственных процессах видится разработка 13 марта 1992 г. закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [5]. Означенный акт регламентировал возможность использования упомянутых итогов в деятельности, ориентированной на подготовку и реализацию действий следственного характера, а также их использования для осуществления мероприятий оперативно-розыскного свойства, направленных на превенцию, пресечение и соответствующее раскрытие преступлений; использования в виде доказательств после осуществления в отношении них проверочных действий.

Тот факт, что итоги деятельности, реализуемой оперативными подразделениями, могут использоваться в виде доказательств, свидетельствовал о несоответствии означенного закона уголовно-процессуальному закону, несмотря на тот факт, что они подвергаются проверке.

В. И. Зажицкий указывал на то, что означенное положение на практике может трактоваться неверно — бук-

вально оно может пониматься так: если в процессе доказательственной деятельности будет подтверждена достоверность соответствующей информации оперативного характера, то без исключения вся подобная информация будет выступать в виде доказательств по делу. Как раз-таки сами доказательства, а не материалы, добываемые в ходе действий оперативного характера, составляют предмет проверочной деятельности в процессе доказывания. А в процессе реализации оперативными подразделениями своих правомочий добываются соответствующие следы преступлений, но вовсе не сами доказательства [2].

На тот факт, что первоначальная редакция статьи 10 означенного закона, посвященного действиям оперативно-розыскного характера, образовывала почву для использования результатов обозначенных действий в виде доказательственной информации не посредством чего-либо, а напрямую без производства соответствующих процессуальных действий, обращал внимание также Е. А. Доля [1].

Более удачные формулировки норм, посвященных вопросам оперирования итогами деятельности оперативно-розыскного характера в доказывании, вобрал в себя новый акт, посвященный ОРД — ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» [6].

На фоне принятия означенного акта было принято также соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, которое именуется «О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [4].

Подводя итог, историко-правовой анализу использования результатов оперативно-розыскной деятельности можно сделать следующее выводы.

1. Историю развития оперативно-розыскной деятельности можно проиллюстрировать следующими этапами:

— зарождение ОРД в России (появление системы тайной полиции при Петре I; создание специальных розыскных органов; формированием агентурной сети);

— дореволюционный период (появление первых нормативные акты о негласном розыске; разработка методов сбора оперативной информации; формирование практики использования результатов ОРД);

— советский период (основные этапы развития: 1917–1930-е годы - становление советской системы ОРД; 1940–1980-е годы — формирование нормативной базы; 1980–1991-е годы — появление первых инструкций о порядке использования результатов ОРД);

— современный этап (принятие ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; формирование УПК РФ; установление четких правил использования результатов ОРД).

Современный этап развития оперативно-розыскной деятельности характеризуется: систематизацией нормативной базы; развитием теоретических основ; совершенствованием практических аспектов; формированием новых подходов к использованию результатов ОРД.

Литература:

1. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М., 2015.
2. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Теория и практика. СПб., 2006.
3. Музеев А. И., Толстая В. Е. Из истории нормативного регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20).
4. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/.
5. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13 марта 1992 № 2506-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390/ (утр. силу).
6. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.
7. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон от 25.12.1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. ст. 15.
8. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р. С. Ф. С. Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р. С. Ф. С. Р.») // Известия ВЦИК. 18.02.1923. № 37 (утр. силу).
9. Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: дис.... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (утр. силу).

Проблемы прекращения уголовного дела или уголовного преследования

Лоза Юлия Владимировна, студент;
Тарасова Александра Владиславовна, студент
Научный руководитель: Федюнин Антон Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются актуальные проблемы институтов прекращения уголовного дела и уголовного преследования в современном уголовном процессе России.

Ключевые слова: *уголовный процесс, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, судебный штраф.*

Институты прекращения уголовного дела и уголовного преследования занимают важное место в системе уголовно-процессуального права. Их существование обусловлено принципами гуманизма, справедливости, экономии процессуальных средств и направлено на преодоление тенденции к избыточному обвинительному уклону в уголовном судопроизводстве. Реализация этих институтов даёт возможность освободить от дальнейшего производства по делу лиц, чья виновность не доказана, чьи деяния утратили общественную опасность или малозначительны, а также тех, кто достиг примирения с потерпевшим или активно способствовал раскрытию преступления.

Однако, несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика сталкивается с различными проблемами. К их числу относятся:

коллизии при разграничении оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования; формальный подход к условиям применения соответствующих процессуальных процедур; недостаточность процессуальных гарантий для лиц, в отношении которых прекращается преследование по нереабилитирующим основаниям; противоречивая судебная практика, порождающая неопределенность в толковании норм уголовного и уголовно-процессуального права.

Эти проблемы приводят к необоснованному затягиванию судопроизводства, нарушению прав участников процесса, а в ряде случаев — к уклонению от уголовной ответственности либо, напротив, к несправедливому уголовному преследованию невиновных лиц. Ввиду современных тенденций гуманизации уголовной политики и повышения эффективности предварительного след-

ствия и уголовного судопроизводства в целом, научный анализ данных проблем приобретает актуальность.

Внедрение в российское уголовно-процессуальное законодательство института судебного штрафа стало значительным шагом в развитии дифференциации мер уголовно-правового воздействия и расширения восстановительного подхода к правосудию.

Однако, несмотря на предполагаемую прогрессивность, практика применения судебного штрафа с момента его введения выявила ряд системных и процедурных проблем, которые существенно ограничивают его эффективность и создают риски для принципов законности, справедливости и равенства всех перед законом. В основе института судебного штрафа лежит внутреннее противоречие: формально относясь к мерам уголовно-правового характера, фактически он завершает уголовное преследование, что приводит к расхождению между имущественной санкцией за преступление и отсутствием процессуальной фиксации вины приговором суда.

«Если учесть, что уголовное преследование прекращается вместе с прекращением уголовного дела, то под понятием «прекращение уголовного преследования» нужно понимать решение о том, что дальнейшая процессуальная деятельность по делу невозможна в силу установленных обстоятельств. При прекращении уголовного преследования само событие преступления не ставится под сомнение, а возникает уверенность у субъектов уголовного процесса в том, что лицо, в отношении которого ведется расследование, не причастно к совершению преступления» [1].

Отказ от уголовного преследования — это, по сути, волевое решение компетентного органа (следователя, прокурора или суда), которое принимается до момента установления виновности лица в порядке, предусмотренном законом. Этот термин шире и может включать в себя как акт гуманизма со стороны государства (например, освобождение от ответственности в связи с деятельным раскаянием), так и решение, принятое ввиду отсутствия достаточных доказательств вины. Однако в тексте УПК РФ этот термин часто употребляется как синоним прекращения по конкретным нереабилитирующим основаниям, подразумевая, что государство отказывается от дальнейшего уголовного преследования, но не реабилитирует лицо.

Прекрытие уголовного преследования — это конкретное процессуальное действие, формализованное решение, которое завершает процессуальную деятельность по изобличению конкретного лица. Оно может быть как реабилитирующим (например, из-за непричастности лица к преступлению — п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ[3]), так и нереабилитирующим (например, в связи с истечением сроков давности — п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Традиционно основания прекращения подразделяются на две группы. Реабилитирующие основания предполагают полное восстановление прав лица, включая возмещение вреда и устранение иных негативных последствий. К ним относятся: непричастность лица к преступлению,

отсутствие состава или события преступления, причинение вреда потерпевшим самим себе, малозначительность деяния или добровольный отказ. Нереабилитирующие основания, напротив, не влекут восстановительных процедур, хотя дело и прекращается. В их числе: истечение сроков давности, примирение сторон, деятельное раскаяние, акт амнистии, применение воспитательных мер к несовершеннолетнему или смерть фигуранта.

Количество оправдательных приговоров в судебной практике России остается чрезвычайно низким. В связи с этим, если имеются основания для прекращения уголовного дела — будь, то реабилитирующие обстоятельства или иные, то подозреваемый, либо обвиняемый обычно выражает согласие на такое прекращение, поскольку дальнейшее участие в уголовном судопроизводстве может причинить ему больше вреда чем пользы, даже с учетом того, что он не будет признан невиновным. Такие ситуации часто встречаются, например, когда дело может быть прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Нередко представители правоохранительных органов некорректно интерпретируют механизм прекращения уголовного дела или преследования, рассматривая его исключительно как способ остановки преследования при уже установленной вине лица.

Возвращаясь к упомянутой ранее форме прекращения уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа, следует подчеркнуть ее противоречивый характер. Не все специалисты в области уголовно-процессуального права положительно оценивают этот институт, направленный на смягчение положения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, указывая на многочисленные трудности в интерпретации соответствующих положений нормативно-правовых актов.

Существуют случаи, когда суды необоснованно назначают судебный штраф, примером этого может послужить апелляционное постановление № 22–5359/2018. В апелляционном представлении государственный обвинитель просил отменить постановление, указывая на существенные нарушения закона. По его мнению, суд не установил факт полного возмещения ущерба потерпевшим, что является обязательным условием для прекращения дела по ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ. Частичная компенсация морального вреда в размере 150 000 рублей документально не была подтверждена. Кроме того, прокурор и представитель потерпевших возражали против прекращения дела. Государственный обвинитель также считал, что суд незаконно оставил без рассмотрения гражданский иск потерпевшей, ошибочно применив ч. 2 ст. 306 УПК РФ.

Проверив материалы дела, апелляционная инстанция нашла постановление подлежащим отмене, отметив, что согласно ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ, прекращение дела с назначением судебного штрафа возможно лишь при условии полного возмещения вреда. Однако суд в своем решении указал лишь на частичную компенсацию. Кроме того, мнение потерпевших и прокурора, выступавших

против прекращения, не было учтено надлежащим образом. Суд также неправильно применил нормы ч. 2 ст. 306 УПК РФ, регулирующие вопросы вынесения оправдательного приговора, для оставления без рассмотрения гражданского иска. Указанные нарушения уголовно-процессуального закона являются существенными и неустраняемыми в апелляционной инстанции.

На основании изложенного, руководствуясь статьями УПК РФ, суд постановил: Постановление Динского районного суда Краснодарского края от 20 марта 2018 года отменить. Удовлетворить апелляционное представление прокурора и апелляционную жалобу представителя потерпевших. Уголовное дело в отношении П. Л. И. по ч. 3 ст. 264 УК РФ направить на новое судебное рассмотрение в тот же суд, в ином составе суда, со стадии судебного разбирательства[1].

Как видно из данного примера, суд первой инстанции неправильно истолковал нормы закона и как следствие — неправильно разрешил дело, нарушив права потерпевшего.

Другой правовой пробел можно увидеть, если проанализировать нормы УПК РФ о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с точки зрения лингвистических конструкций в контексте позиции Верховного Суда РФ. Так из УПК РФ следует, что «Суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в порядке, установленном настоящим Кодексом, в случаях, предусмотренных статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование <...>», в то время как, обзор практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации описывает прекращение уголовного дела или уголовного преследования как обязанность суда — «если в ходе судебного разбирательства суд придет к выводу о невозможности прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием либо примирением сторон, то он при отсутствии возражений подсудимого прекращает уголовное дело с назначением судебного штрафа». Ранее Верховный Суд отмечал, что судам необходимо при рассмотрении каждого уголовного дела анализировать, присутствуют ли основания для применения к лицу статьи 76.2 Уголовного Кодекса, то есть для назначения судебного штрафа[2]. То есть одна и та же ситуация может быть истолкована и как право и как обязанность, что конечно же, значительно затрудняет практику правоприменения.

Институты прекращения уголовного дела и уголовного преследования имеют особое значение в уголовном процессе, они направлены на гуманизацию и оптимизацию правосудия. Благодаря им, представляется возможность корректировать обвинительный уклон, освобождая от дальнейшего производства лиц, чья виновность не доказана, либо деяния которых утратили общественную опасность. Тем не менее, недостаточно проработанная законодательная база приводит к системным проблемам в правоприменительной практике, которые снижают эф-

фективность этих институтов и создают риски для прав участников процесса.

Множество вопросов, возникающих в связи с прекращением уголовного разбирательства и преследования, свидетельствуют о существовании явных законодательных несовершенств. С целью улучшения функционирования данных правовых механизмов, усиления защиты прав граждан, а также обеспечения соблюдения законности и справедливости, мы замечаем потребность в корректировке норм уголовно-процессуального права. Эти уточнения должны быть направлены на четкое разграничение оснований и последствий, устранение внутренних противоречий (в частности, в институте судебного штрафа) и детализацию процессуальных гарантий для всех участников процесса.

Для устранения выявленных проблем предлагается внести следующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

1. Изложить статью 25.1 УПК РФ в следующей редакции: Суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства... обязан прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, за исключением случаев наличия обстоятельств, препятствующих принятию данного решения (неподтверждение обоснованности подозрения или обвинения, отсутствие согласия лица, неполнота материалов).

Данное изменение направлено на реализацию принципа процессуальной экономии и устранение противоречия, когда одна и та же ситуация трактуется и как право, и как обязанность. При выполнении всех формальных условий у суда должна возникать корреспондирующая обязанность, что исключит субъективизм и обвинительный уклон

2. Также предлагаем внести изменения в статью 306 УПК РФ (в части судьбы гражданского иска) изложить ее в следующей редакции: При постановлении оправдательного приговора, вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям (пункты 1 и 2 части первой статьи 24, пункт 1 части первой статьи 27 УПК РФ) суд отказывает в удовлетворении гражданского иска. В остальных случаях, включая прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в том числе по статье 25.1 УПК РФ), суд оставляет гражданский иск без рассмотрения. Оставление судом гражданского иска без рассмотрения не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Предлагаемая редакция направлена на четкое разграничение процедур реализации гражданского иска, свойственных для реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела.

Литература:

1. Апелляционное постановление от 12.09.2018 № 22–5359/2018. // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/t576Q4JHWtdt/> // (дата обращения: 05.02.2026).
2. Иванова, В. В. Проблемы прекращения уголовного дела или уголовного преследования. С. 106.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 492.
4. Талалаев, К. А. «Отказ от уголовного преследования» и «прекращение уголовного преследования» / К. А. Талалаев. — Текст: непосредственный // Основы экономики, управления и права. — 2020. — № 4. — С. 46.

Проблемы муниципальной собственности как объекта управления: сущность, состав и правовой режим

Мислимзаде Джейхун Адихан оглы, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты управления муниципальной собственностью. Анализируется экономическая сущность и юридическая природа муниципального имущества, его состав и структура. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования, разграничения собственности и эффективности управления муниципальным имуществом в современных российских реалиях. Автором предлагаются пути совершенствования механизмов управления для повышения доходности и социальной эффективности использования муниципальной собственности.

Ключевые слова: муниципальная собственность, местное самоуправление, объекты управления, правовой режим, эффективность управления, разграничение собственности, казна, имущественные комплексы.

Problems of municipal property as an object of management: essence, composition and legal regime

The article examines theoretical and practical aspects of municipal property management. The economic essence and legal nature of municipal property, its composition and structure are analyzed. Special attention is paid to the problems of legal regulation, differentiation of property and efficiency of municipal property management in modern Russian realities. The author suggests ways to improve management mechanisms to increase profitability and social efficiency of using municipal property.

Keywords: municipal property, local self-government, objects of management, legal regime, management efficiency, differentiation of property, treasury, property complexes.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ключевой ролью муниципальной собственности в обеспечении жизнедеятельности населения и реализации функций местного самоуправления. Согласно Конституции РФ и Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», муниципальная собственность признается одной из основ экономической самостоятельности муниципальных образований [2]. Однако на практике управление этой собственностью сопряжено с рядом серьезных проблем: от нечеткости правового регулирования до низкой эффективности использования имущественных комплексов. Целью данной работы является комплексный анализ муниципальной собственности

как объекта управления, выявление ключевых проблем ее правового режима и состава, а также разработка рекомендаций по совершенствованию управленческих механизмов.

Основная часть

Муниципальная собственность занимает особое место в системе экономических отношений. С экономической точки зрения, она представляет собой совокупность экономических благ (средств производства, недвижимости, финансов), предназначенных для удовлетворения коллективных потребностей населения конкретной территории [5, с. 45]. В правовом аспекте, согласно ст. 215 Гражданского кодекса РФ, муниципальной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности

городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям [1]. От имени муниципального образования права собственника осуществляют органы местного самоуправления в рамках их компетенции.

Сущность муниципальной собственности двойственна. С одной стороны, она является публичной собственностью, предназначенной для общественного блага, что сближает её с государственной собственностью. С другой стороны, она обладает признаками обособленности и самостоятельности, так как муниципальные образования не входят в систему государственной власти и самостоятельно управляют своим имуществом [8, с. 112]. Важнейшей характеристикой сущности муниципальной собственности является её целевое назначение. В отличие от частной собственности, нацеленной на извлечение прибыли, муниципальная собственность призвана решать вопросы местного значения: обеспечивать социальные гарантии, развивать инфраструктуру. Доходность не является самоцелью, хотя и выступает важным условием наполнения местных бюджетов [10, с. 28].

Состав муниципального имущества не является произвольным и строго регламентируется законодательством. Согласно ст. 50 Федерального закона № 131-ФЗ, в него может входить имущество, предназначенное для решения вопросов местного значения (объекты жизнеобеспечения, дороги, транспорт), для осуществления отдельных государственных полномочий, а также для обеспечения деятельности органов местного самоуправления [2]. В структуре собственности принято выделять недвижимое имущество (земельные участки, здания школ и больниц, жилой фонд, инженерные сети) и движимое (транспорт, оборудование учреждений, ценные бумаги). Особую роль играет муниципальная казна. В соответствии со ст. 215 ГК РФ, средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закрепленное за предприятиями и учреждениями, составляют муниципальную казну [1]. Имущество казны является наиболее ликвидной частью и служит источником для покрытия расходов и исполнения обязательств.

Анализ современного состояния состава муниципальной собственности показывает тенденцию к его оптимизации. Процесс разграничения собственности между федеральным, региональным и местным уровнями идет с начала 2000-х годов, однако до сих пор не завершён полностью. Зачастую на балансе муниципалитетов находится имущество, не соответствующее их полномочиям (так называемые «непрофильные активы»), содержание которых ложится тяжелым бременем на местный бюджет [11, с. 61].

Правовой режим муниципальной собственности представляет собой совокупность норм, регулирующих порядок приобретения, использования и отчуждения муниципального имущества. Ключевой особенностью является режим целевого назначения: правомочия собственника реализуются органами местного самоуправления строго в пределах, установленных законом, и не могут осуществляться в ущерб интересам населения [3].

Муниципальное имущество может находиться в обороте, однако закон устанавливает ограничения. Имущество, закрепленное за предприятиями на праве хозяйственного ведения и за учреждениями на праве оперативного управления, обладает ограниченной оборотоспособностью. Предприятия не вправе продавать недвижимость без согласия собственника, а учреждения вообще лишены права распоряжаться имуществом, закрепленным за ними [1]. Особый правовой режим установлен для земли. Распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органами местного самоуправления, что создает правовую коллизию: муниципалитет управляет землей, формально не являясь её собственником [4].

В правовом режиме можно выделить ряд острых проблем. Прежде всего, это несовершенство реестров учета: отсутствие полной и достоверной информации об объектах, особенно о бесхозном имуществе, затрудняет управление. Не решена до конца проблема разграничения собственности на многие социально значимые объекты (например, внутрипоселковые дороги), что приводит к спорам между уровнями публичной власти [7, с. 33]. Кроме того, процедуры вовлечения в оборот имущества казны (аренда, приватизация) часто забюрократизированы и не учитывают рыночную конъюнктуру.

Управление муниципальной собственностью представляет собой сложный процесс, включающий планирование, учет, контроль и распоряжение. Анализ практики муниципальных образований России позволяет выявить серьезные проблемы экономического и организационного характера. Многие объекты используются неэффективно: арендная плата часто ниже рыночной, велико количество неиспользуемых или ветхих объектов, высоки расходы на содержание имущества социальной сферы. Существует проблема неэффективного управления долями в уставных капиталах хозяйственных обществ, которые часто не приносят дивидендов в бюджет [12, с. 95].

Во многих муниципалитетах отсутствуют утвержденные стратегии управления имуществом. Управленческие решения принимаются ситуативно, а не в рамках долгосрочной политики развития территории. Это приводит к нерациональному использованию земли, неоправданной продаже ликвидных активов для латания текущих бюджетных дыр [9, с. 77]. Добавляет сложностей и кадровая проблема: дефицит квалифицированных специалистов в сфере имущественных отношений на муниципальном уровне является общероссийской тенденцией. Это снижает качество подготовки документов и создает условия для злоупотреблений при проведении торгов и сдаче имущества в аренду. Постоянные изменения гражданского и земельного законодательства создают ситуацию правовой неопределенности. Например, передача полномочий по распоряжению землей на уровень субъектов РФ в некоторых регионах нарушила стройность системы муниципального управления [14, с. 44].

Для решения выявленных проблем необходимо совершенствование механизмов управления на основе системного подхода. Важнейшим направлением является совершенствование правовой базы. Требуется законодательное урегулирование порядка передачи имущества между уровнями публичной власти, а также упрощение процедур постановки на учет бесхозного имущества. Необходимо внести изменения в ФЗ № 131-ФЗ в части уточнения перечня имущества, которое может находиться в собственности муниципалитетов, окончательно исключив из него непрофильные активы [6, с. 112].

Не менее важно внедрение стратегического планирования. Каждое муниципальное образование должно разработать программу управления имуществом на среднесрочную перспективу, где будут определены цели (рост доходов, развитие инфраструктуры) и показатели их достижения. В рамках этой программы следует проводить оптимизацию состава имущества: приватизировать неиспользуемые объекты, передавать социальные объекты в специализированное управление, развивать государственно-частное партнерство. Актуальным остается повышение эффективности использования муниципальной казны через проведение независимой оценки объектов при сдаче в аренду и продаже, а также через внедрение автоматизированных систем учета [13, с. 20].

Управление муниципальной собственностью должно быть подчинено единой цели — созданию комфортной среды для проживания населения и обеспечению устойчивого социально-экономического развития территории. Это требует перехода от фрагментарного решения проблем к целостной системе управления, ос-

нованной на принципах прозрачности, эффективности и законности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что муниципальная собственность является сложным и многогранным объектом управления. Её сущность проявляется в единстве публично-правовой природы и хозяйственного назначения. Состав имущества в последние годы претерпевает изменения в сторону оптимизации, однако процесс разграничения собственности и формирования эффективной структуры активов далек от завершения.

Правовой режим муниципальной собственности характеризуется множеством ограничений, обусловленных ее социальным назначением, что порождает коллизии между необходимостью извлекать доход и обеспечивать население общественными благами. Основные проблемы управления лежат в плоскости экономической неэффективности использования активов, отсутствия долгосрочного планирования, недостатка квалифицированных кадров и несовершенства законодательства.

Решение этих проблем видится в совершенствовании нормативно-правовой базы, внедрении стратегического планирования, повышении качества учета и оценки имущества, а также в развитии институтов профессионального управления. Только комплексный подход к управлению муниципальной собственностью позволит превратить её из бремени по содержанию в реальный ресурс социально-экономического развития территорий.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 4. — Ст. 251.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
5. Воронин А. Г., Лапин В. А., Широков А. Н. Основы управления муниципальным хозяйством. — М.: Дело, 2021. — 420 с.
6. Игнатов В. Г., Бутов В. И. Местное самоуправление в России и его реформирование. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2022. — 350 с.
7. Кириллов А. П. Проблемы разграничения муниципальной собственности // Муниципальная власть. — 2023. — № 3. — С. 31–38.
8. Колесников А. В. Экономика и управление муниципальной собственностью: учебное пособие. — Екатеринбург: УрФУ, 2021. — 284 с.
9. Мокрый В. С. Управление муниципальным имуществом: проблемы эффективности // Вопросы местного самоуправления. — 2024. — № 2. — С. 75–82.
10. Овчинников И. И. Муниципальная собственность как экономическая основа местного самоуправления // Российское право: образование, практика, наука. — 2022. — № 5. — С. 25–33.
11. Петров А. В., Сидорова Е. Н. Состав и структура муниципальной собственности в современной России // Экономика и управление. — 2023. — № 4 (110). — С. 58–65.

12. Савельев С. А. Эффективность использования муниципального имущества: критерии и оценка // Региональная экономика: теория и практика. — 2023. — № 8. — С. 92–101.
13. Уткин Э. А., Денисов А. Ф. Государственное и муниципальное управление. — М.: Эксмо, 2022. — 512 с.
14. Филиппов Ю. В., Авдеева Т. Т. Основы развития местного хозяйства. — М.: Логос, 2021. — 276 с.

Типичные следственные версии на первоначальном этапе расследования изнасилования, совершенного в отношении несовершеннолетнего

Михайлов Данил Игоревич, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Ключевые слова: типичные следственные версии, несовершеннолетние, изнасилование.

Согласно ст. 131 УК РФ изнасилованием признается половое сношение, произведенное с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или другим лицам, либо с использованием ее беспомощного состояния [1]

Расследование преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности несовершеннолетних представляет собой сложный комплекс следственных действий, в основе которых лежит выдвижение и проверка альтернативных версий произошедшего. Первоначальный этап расследования определяется наличием первоначальных сведений, характеризующих событие преступления, личность потерпевшего и возможного преступника. Построение версий на этой стадии оказывает решающее влияние на дальнейшую тактику расследования и качество раскрытия дела.

В криминалистической литературе под следственной версией понимается логически обоснованное предположение о возможном характере события преступления, личности преступника или механизме совершения преступления, которое выдвигается следователем на основании наличных данных с целью дальнейшей проверки. Версии служат основой для планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Е. П. Ищенко на данной стадии расследования выдвигает следующие версии:

- 1) потерпевшая действительно изнасилована:
 - а) при обстоятельствах и лицом, на которое она указывает,
 - б) изнасилование имело место, но при других обстоятельствах, другим лицом или лицами, а не теми, на которых указывает потерпевшая;
- 2) изнасилования не было, произошло:
 - а) добровольное половое сношение, но «потерпевшая» (особенно это характерно для несовершеннолетних) скрывала факт половой жизни от родителей или других лиц и лишь после его огласки заявила, что ее изнасиловали,
 - б) добровольное половое сношение, но заявительница в силу разных причин инсценировала собственное изнасилование. [2, с. 323]

При первой версии предполагается, что преступление имело место в реальности, но следователю нужно определить, правильно ли несовершеннолетняя определила лицо. Следователь должен проверить показания свидетелей или видеозаписи подтверждающие, что подозреваемый находился на месте происшествия, должны быть проведена экспертиза (ДНК, следы на одежде, материалы из камер наблюдения).

При добровольном половом сношении девушка сознательно вступила в половой контакт, однако после обнаружения ситуации или угрозы раскрытия она заявляет об изнасиловании. Несовершеннолетняя может сделать это из-за страха или под давлением своих родителей и опекунов, поэтому следователю необходимо проверить:

1. Совпадение временных рамок и физической возможности для добровольного контакта.
2. Наличие доказательств добровольного согласия ею может служить переписка, свидетели, сообщения, истории событий.
3. Оценка психологического состояния подростка и мотивов к сокрытию факта.

Также одной из версий может служить сознательный оговор.

В данной версии предполагается, что несовершеннолетняя преднамеренно обвиняет кого-то в изнасиловании, так как у нее имеются на это личные мотивы. В следственной практике встречаются нередко факты оговора, поэтому выяснение, не оговаривает ли заявительница (заявитель) мнимого насильника, — важная задача следователя.

Примерами мотивов могут быть например:

— Месть или злоупотребление доверием: стремление повредить репутации или отомстить за реальные или воспринимаемые обиды.

— Личное обстоятельство: желание отвлечь внимание от собственных проблем или ситуация, в которой выгодно обвинить другого человека.

— Система ценностей: стремление к социальной справедливости в рамках личного понимания, где жертва использует обвинение как способ борьбы с насилием в обществе [3, с. 547].

Отсутствие следов на изъятых объектах является основанием для выдвижения и проверки версии о возможности оговора. Например, если из показаний потерпевшего следует, что его одежда была разорвана во время совершения насильственных действий, а вещь при тщательном ее осмотре оказывается целой либо следователю (дознавателю) удастся установить, что предъявленный предмет одежды и вовсе не был на потерпевшем в момент преступного посягательства, можно установить ложность заявления и побудить лицо к даче правдивых показаний. [4, с. 64–70].

Так же об оговоре могут свидетельствовать:

- а) подача заявления в правоохранительные органы спустя продолжительное время после произошедшего либо под давлением родственников или знакомых;
- б) незначительная вероятность изнасилования или насильственных действий сексуального характера при изложенных обстоятельствах;
- в) внутренние противоречия в показаниях заявительницы;
- г) признаки психических отклонений у заявительницы;

д) убедительность доводов подозреваемого, отрицающего такие действия;

е) положительная характеристика подозреваемого, подтверждающая малую вероятность совершения преступного посягательства.

При такой версии следователю необходимо:

1. Провести анализ мотивов и психосоциальной среды несовершеннолетней.
2. Проверить противоречия в показаниях и доказательствах.

На первоначальном этапе расследования крайне важно рассматривать все версии, не ограничиваясь только «по показаниям потерпевшей». Следователь проверяет:

- факт совершения преступления,
- личность и мотивы подозреваемого,
- возможные психологические и социальные обстоятельства, влияющие на поведение несовершеннолетнего.

Правильная постановка и проверка версий помогает избежать ошибок, ложных обвинений и защитить права всех участников процесса.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025);
2. Е. П. Ищенко / Криминалистика курс лекций. — Москва: АСТ [и др.], 2007 (макет 2008). — 323 с;
3. Е. П. Ищенко, Топорков А. А. Криминалистика: учебник. — М.: Инфра-М Контракт– М., 2010- с.547
4. Равинская А. В. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершённых против несовершеннолетних // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 64–70.

Цифровая трансформация транспортной отрасли России: тенденции, барьеры и стратегические приоритеты

Никитина Дарья Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются процессы цифровой трансформации транспортного комплекса Российской Федерации в контексте глобальных технологических трендов. Рассматриваются ключевые направления внедрения интеллектуальных транспортных систем (ИТС), искусственного интеллекта (ИИ), интернета вещей (IoT) и других сквозных технологий в соответствии с целями, установленными Распоряжением Правительства РФ № 3744. На основе системного подхода выявлены приоритетные векторы цифровизации: управление дорожным движением, оптимизация пассажирских и грузовых перевозок, развитие электронной логистики и межведомственного взаимодействия. Особое внимание уделяется анализу барьеров, сдерживающих широкое внедрение ИИ и цифровых решений в российских транспортных предприятиях, включая финансовые, инфраструктурные и кадровые ограничения. На основе данных статистики и нормативно-правовых источников обосновывается необходимость комплексного развития транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры для достижения целевых показателей цифровой трансформации к 2030 году.

Ключевые слова: транспортная отрасль, цифровая трансформация, интеллектуальные транспортные системы (ИТС), искусственный интеллект (ИИ), государственная стратегия, цифровизация логистики, барьеры внедрения, инфраструктура, Распоряжение Правительства РФ № 3744.

Современное состояние транспортно-дорожного комплекса России формирует устойчивый запрос на системное разрешение комплекса взаимосвязанных

проблем. К их числу относятся: обеспечение гарантий безопасности на транспорте, кардинальное повышение качественных характеристик инфраструктуры, рост про-

пускной и провозной способности магистралей, а также минимизация экологического ущерба от деятельности отрасли. Эффективное решение данных задач невозможно без научно обоснованных и технологически обеспеченных управленческих действий. В этой связи стратегически важным направлением видится глубокая модернизация транспортной инфраструктуры, движущей силой которой выступает её цифровая трансформация, конечной целью которой является формирование единого цифрового контура (информационной среды) транспортного комплекса.

Под цифровой трансформацией в контексте транспортной сферы понимается комплексное и системное внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Их применение направлено на достижение синергетического эффекта в виде повышения операционной эффективности, роста уровня безопасности и обеспечения долгосрочной устойчивости транспортных систем. Острая актуальность данного процесса для Российской Федерации подтверждается его прямым влиянием на конкурентоспособность и технологический суверенитет отрасли. Цифровые решения, такие как интеллектуальные транспортные системы (ИТС), позволяют оптимизировать использование существующих инфраструктурных мощностей, сокращать временные затраты на перевозки и логистику, снижая тем самым совокупные экономические издержки.

Ключевым инструментом такой трансформации выступают интеллектуальные транспортные системы (ИТС). Они интегрируют в себе технологии автоматизированного управления, непрерывного мониторинга и предиктивного анализа, что в совокупности ведёт к снижению аварийности и созданию более безопасной транспортной среды. Параллельно широкое внедрение онлайн-сервисов маршрутизации и мониторинга перемещений в режиме реального времени способствует рациональному распределению транспортных потоков, разгружая ключевые узлы инфраструктуры [1].

С технологической точки зрения, современные ИТС представляют собой результат конвергенции средств автоматизации, передовых ИТ-решений и спутниковых навигационных систем (ГЛОНАСС, GPS). Данные системы приходят на смену устаревшим, изолированным системам управления, предлагая интегрированные платформы для управления перевозочным процессом. Их основная задача — обеспечение бесперебойной мобильности, максимальной безопасности и высокой экономической эффективности всех видов транспорта.

Внедрение ИТС следует рассматривать как сложный, многомерный процесс, стержнем которого является целенаправленное инновационно-технологическое развитие транспортного сектора. Практическая реализация современных автоматизированных систем диспетчерского управления и контроля создаёт технологическую основу для эффективного регулирования дорожного движения. Это выражается в динамичном управлении потоками, позволяющем снижать уровень загруженности магистралей

и оптимизировать временные интервалы движения, что напрямую влияет на пропускную способность дорожной сети.

Важнейшим элементом технологического базиса ИТС выступает применение глобальных навигационных спутниковых систем (ГНСС), таких как ГЛОНАСС. Их использование обеспечивает высокоточное определение местоположения и параметров движения транспортных средств в реальном времени, формируя основу для точной навигации и скоординированного управления движением на макроуровне.

Ключевым, системообразующим направлением развития ИТС является глубокая интеграция информационно-коммуникационных технологий. Она нацелена на организацию бесперебойного и защищённого информационного обмена между всеми участниками транспортного процесса: между транспортными средствами (V2V), между транспортным средством и инфраструктурой (V2I), а также между инфраструктурой и центрами управления (I2C). Именно эта взаимосвязь создаёт основу для «интеллектуальности» системы в целом.

Повышение безопасности дорожного движения остаётся одной из приоритетных функций ИТС. Внедрение специализированных подсистем — таких, как системы предупреждения столкновений, мониторинга психофизиологического состояния водителя и технического состояния критически важных элементов инфраструктуры — позволяет перейти от реагирования на инциденты к их активному предупреждению, повышая общий уровень защищённости транспортного процесса.

Фундаментальным условием успешности цифровой трансформации транспорта выступает интеграция разнородных систем и источников данных в единую информационную среду. Это обеспечивает необходимые для эффективного управления свойства: согласованность данных от разных источников, их целостность и доступность для лиц, принимающих решения. Только на основе такой единой цифровой картины возможен переход к предиктивному и оптимальному управлению транспортным комплексом.

Указанная проблематика обуславливает повышенное внимание научного сообщества к комплексному исследованию процессов цифровой трансформации транспортной системы. В отечественной научной литературе сформировался ряд авторитетных подходов, представленных трудами таких исследователей, как М. Р. Нейжман, М. А. Евдокимова, А. Ф. Лысенко, В. А. Севостьянова, С. Д. Маханбетова, И. С. Заколюкин и других. Примечательно, что указанные авторы акцентируют внимание на различных, но взаимодополняющих аспектах цифровизации транспорта.

Так, в работах М. Р. Нейжмак [2], М. А. Евдокимовой [3], А. Ф. Лысенко [4], М. А. Севостьянова [5] и В. И. Охотникова [6] ИТС исследуются преимущественно с точки зрения их потенциала для оптимизации транспортных потоков. Авторы анализируют, как технологии ИТС позволяют повышать пропускную способность магистралей,

снижать задержки и рационализировать использование дорожной сети.

Другой ключевой аспект — обеспечение безопасности дорожного движения как одна из базовых функций ИТС — детально раскрыт в исследованиях М. А. Бажина [7] и Е. В. Будриной [8]. Н. А. Штырхунова развивает данный подход, конкретизируя инструментарий и выделяя практическую необходимость внедрения комплексов мониторинга дорожной обстановки в реальном времени, адаптивных («умных») светофорных объектов, а также интеллектуальных пешеходных переходов [9].

Ряд авторов, в том числе Закалюкина И. С. [10], Арифатджанова Н. З. [11] отмечают, что «главная задача ИТС значительно более широка, чем безопасность дорожного движения, она должна обеспечить формирование цифровой инфраструктуры, позволяющей улучшить взаимодействие пользователей транспортными средствами и провайдерами, масштабную автоматизацию, взаимодействие транспортной и логистической инфраструктуры» [12].

Чекалин В. С., Ермакова М. Ю. исследуют взаимосвязь цифровой трансформации и обеспечения энергоэффективности. Так, авторы отмечают, что «внедрение таких технологий, как «интеллектуальное шоссе» с использованием интерактивного освещения и системой подзарядки аккумуляторов электромобилей или гибридов позволяет, во-первых, повысить безопасность дорожного движения за счет освещения на всем протяжении шоссе, а во-вторых, обеспечить экономию на освещении значительных финансовых ресурсов» [13].

Проведенный анализ научных публикаций позволяет систематизировать основные приоритетные векторы цифровой трансформации в транспортной сфере:

- оперативное управление дорожным движением, включающее создание цифровых двойников транспортной обстановки и интеллектуальное построение оптимальных маршрутов;
- цифровизация системы пассажирских перевозок, в особенности общественного транспорта;
- управление грузовыми перевозками и логистической деятельностью
- на основе цифровых платформ;
- организация защищённого межведомственного и отраслевого электронного взаимодействия (обмен данными между участниками рынка, регуляторами и государством);
- развитие систем предиктивного моделирования и анализа транспортных потоков.

Таким образом, несмотря на различие исследовательских ракурсов, в научной среде существует консенсус относительно значимого позитивного эффекта от реализации цифровой трансформации.

Многообразие подходов к определению направлений цифровизации делает необходимым их упорядочивание на основе системной методологии.

В данном контексте интеллектуальную транспортную систему правомерно представить как взаимодействие трёх

ключевых элементов: 1) цифровой транспортной инфраструктуры, 2) подключенных транспортных средств и 3) субъектов управления (от операторов до конечных пользователей). Принципиально важно, что решения, принимаемые на основе данных ИТС в реальном времени, не должны быть прерогативой лишь профессиональных операторов. Их потенциал должен быть доступен всем пользователям транспортной системы для повышения личной мобильности и эффективности.

Каждый из этих макроэлементов включает набор специализированных подсистем. Например, подсистема «Умные дороги» объединяет автоматизированные пункты весового контроля, системы электронного взимания платы (ЭВП), комплексное управление городским транспортом, интеллектуальные парковки и системы информирования пассажиров. Подсистема «Электронная логистика» охватывает технологии отслеживания цепочек поставок, применения интернета вещей (IoT) на транспорте, элементы «цифровой таможни» и другие решения.

Развитие ИТС носит безусловно стратегический характер, учитывая критическую роль транспорта как инфраструктурного каркаса для торговли, промышленности и строительства. Повышение эффективности транспортного сектора благодаря ИТС имеет прямой мультипликативный эффект на продуктивность макроэкономической системы в целом, что объясняет пристальное внимание со стороны государства. В Российской Федерации цифровая трансформация транспорта возведена в ранг ключевой национальной цели, основные параметры которой утверждены Распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3744 «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» [14].

Практическая реализация направлений, закреплённых в Распоряжении Правительства РФ № 3744, предполагает широкое внедрение комплекса сквозных цифровых технологий, включая искусственный интеллект (ИИ), сбор и обработку больших данных, распределённые реестры (блокчейн) и информационное моделирование. Применение этих инструментов нацелено на решение конкретных задач: сквозную цифровизацию пассажирских и грузовых перевозок, создание цифровых моделей инфраструктуры и транспортных средств, технологическую модернизацию отрасли и снижение её углеродного следа.

Прогресс в достижении этих целей подлежит количественной оценке через систему ключевых индикаторов. К ним, в частности, относятся:

- Доля грузовых потоков, координация которых осуществляется с применением ИИ (целевой показатель к 2030 г. — 60 %).
- Доля региональных транспортных информационных систем, интегрированных с ситуационно-информационным центром Минтранса России (цель — 100 % к 2030 г.).
- Протяжённость инфраструктуры, адаптированной для движения автономного транспорта (план — 21,5 тыс. км к 2030 г.).

— Доля автомобильных дорог, оснащённых инфраструктурой для беспилотных транспортных средств (целевой показатель — 85 % к 2030 г.).

Стратегия, изложенная в Распоряжении, основана на комплексном подходе и реализуется через ряд ключевых проектов, таких как «Беспилотники для пассажиров и грузов», «Беспилотные логистические коридоры», «Бесшовная грузовая логистика» и «Цифровое управление транспортной системой Российской Федерации». Технологическим ядром этих инициатив выступают современные ИКТ, при этом, по оценке ряда исследователей, центральным цифровым инструментом трансформации является именно искусственный интеллект [15].

Развитие технологий ИИ имеет стратегическое значение для транспортной отрасли в мировом масштабе. Согласно прогнозам, объём мирового рынка ИИ в сфере транспорта, оценивавшийся в 2022 году в 3 млрд долл. США, достигнет около 12,42 млрд долл. США к 2028 году при среднегодовом темпе роста (CAGR) 22,7 %. Основные направления применения ИИ включают создание автономных транспортных средств (АТС), управление потоками, повышение безопасности и обеспечение экологической устойчивости. АТС, использующие алгоритмы машинного обучения, потенциально способны снизить аварийность, обусловленную человеческим фактором, и повысить эффективность дорожного движения. Интеллектуальные системы управления на основе ИИ анализируют данные в реальном времени для адаптивного регулирования светофоров, оптимизации потоков и минимизации времени в пути, а также для улучшения качества пассажирских перевозок.

Однако, несмотря на глобальные тренды и признаваемый потенциал, уровень внедрения ИИ в российском транспортном секторе остаётся ограниченным. Сравнительный анализ показывает, что наибольшее распространение в России получили облачные вычисления, но даже их проникновение отстаёт от показателей ряда европейских стран (например, на 6,1 п.п. от Германии). Технологии ИИ используются лишь 1,82 % организаций транспортного комплекса, что также существенно ниже европейских аналогов.

Данные российской статистики подтверждают фрагментарность внедрения. В 2022 году ИИ применяли лишь 10 организаций воздушного и космического транспорта и 217 организаций сухопутного и трубопроводного транспорта. Внутри последней группы использование сосредоточено в определённых сегментах, таких как автомобильные грузовые перевозки (74 организации в 2022 г.) и прочий пассажирский транспорт (79 организаций).

Основными факторами, сдерживающими внедрение ИИ и других цифровых технологий (интернет вещей, блокчейн), являются:

1) высокие капитальные затраты на начальном этапе, непосильные для многих предприятий с ограниченным бюджетом;

2) дефицит квалифицированных кадров, способных разрабатывать и внедрять сложные ИИ-решения;

3) технологическая неоднородность и фрагментированность существующей транспортной и ИКТ-инфраструктуры.

Помимо этих проблем, отрасль сталкивается с более фундаментальными системными вызовами:

— сложность транспортной сети: разветвлённость и масштаб сетей создают неопределённость, требуя качественных информационных потоков и цифрового документооборота;

— автоматизация: необходимость трансформации устаревших, часто рутинных бизнес-процессов (планирование, маршрутизация, отслеживание) для извлечения пользы из цифровых технологий;

— интеграция: множественность и несовместимость информационных систем у различных субъектов отрасли создают барьеры для коммуникации и обмена данными;

— низкий уровень цифровой зрелости инфраструктуры: сосуществование морально устаревших и новых технологий затрудняет интеграцию современных решений.

Критическим инфраструктурным ограничением является состояние телекоммуникационных сетей. Современные цифровые сервисы конвергируют с сетями подвижной связи, однако, по данным Росстата, только 64 % автомобильных дорог в 2023 году были обеспечены покрытием сетей LTE (стандарта 4G). Следовательно, успешная цифровая трансформация транспортной отрасли требует не просто внедрения технологий на предприятиях, но и масштабного параллельного развития как транспортной, так и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, включая смежные сектора экономики.

Цифровая трансформация утвердилась в качестве объективной и необратимой тенденции развития глобального и национального транспортного комплекса. Её продвижение сопряжено с глубокими структурными преобразованиями, драйвером которых выступает интеграция современных цифровых решений: интернета вещей (IoT), облачных платформ, распределённых реестров и, что особенно значимо, технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. Именно последние формируют технологическое ядро как интеллектуальных транспортных систем (ИТС) нового поколения, так и автономных транспортных средств. Вместе с тем, как демонстрирует анализ, практическое применение ИИ на российских транспортных предприятиях остаётся фрагментарным и ограниченным, не соответствуя его потенциальному вкладу в отраслевую модернизацию.

Проведённое исследование подтверждает, что процесс цифровизации носит всеобъемлющий характер, затрагивая ключевые аспекты функционирования отрасли: организацию и управление пассажирскими и грузовыми перевозками, обеспечение безопасности и эффективности дорожного движения, а также трансформацию механизмов взаимодействия между коммерческими субъектами рынка и государственными

институтами. Реализация этого потенциала сулит значительные экономические выгоды (рост производительности, снижение издержек) и позитивные социальные эффекты (повышение безопасности, экологичности, доступности услуг).

Однако достижение данных результатов наталкивается на комплекс существенных барьеров. К ним относятся: высокая капиталоемкость цифровых проектов, требующая масштабных инвестиций; необходимость одновременной модернизации физической транспортной

инфраструктуры; низкий уровень цифровой зрелости и технологическая неоднородность как в самой отрасли, так и в смежных секторах; дефицит квалифицированных кадров. Преодоление этих вызовов требует не разрозненных усилий отдельных предприятий, а скоординированной государственной политики, нацеленной на создание комплексных условий для технологического прорыва, включая развитие цифровой инфраструктуры, стимулирование инвестиций и подготовку кадрового потенциала.

Литература:

1. Крайнов, Г. Н. Современные проблемы цифровизации транспорта / Г. Н. Крайнов // Наука и образование в условиях глобальных вызовов: Сборник статей по итогам Пятого профессорского форума 2022, Москва, 22–24 ноября 2022 года. — Москва: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2023. — С. 94–98.
2. Нейжмак, М. Р. Внедрение информационных технологий в развитие интеллектуальных транспортных систем / М. Р. Нейжмак, А. И. Епихин // Эксплуатация морского транспорта. — 2021. — № 4(101). — С. 25–29.
3. Евдокимова, М. А. Внедрение интеллектуальных транспортных систем / М. А. Евдокимова, Л. С. Скорюпина // Химия. Экология. Урбанистика. -2020. — Т. 3. — С. 71–77.
4. Лысенко, А. Ф. Технология интеллектуальной транспортной системы / А. Ф. Лысенко // Вопросы науки и образования. — 2018. — № 6(18). — С. 23–25.
5. Севостьянов, М. А. Анализ показателей эффективности и оценка преимуществ интеллектуальной транспортной системы / М. А. Севостьянов // Перспективы развития технологий транспортных процессов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 01 марта 2022 года / Отв. редактор В. А. Зеликов. — Воронеж: Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова, 2022. — С. 24–30.
6. Охотников, В. И. Интеллектуальные транспортные системы в управлении движением транспортных средств / В. И. Охотников, М. Н. Лучихин, М. А. Маматалиев // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова. — 2022. — № 4(64). — С. 479–482.
7. Бажина М. А. Правовое регулирование безопасности дорожного движения в эпоху цифровизации / М. А. Бажина // Журнал «Безопасность дорожного движения». 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-v-epohu-tsifrovizatsii> (дата обращения: 03.11.2025).
8. Будрина Е. В. Классификация инноваций на городском пассажирском транспорте / Е. В. Будрина, К. А. Рубцова // Транспортное дело России. 2015. № 6. С. 3–7.
9. Штырхунова, Н. А. Возможности цифровизации на транспорте (на примере городского пассажирского транспорта) / Н. А. Штырхунова, К. В. Голубкина, С. К. Абрамян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-tsifrovizatsii-na-transporte-na-primere-gorodskogo-passazhirskogo-transporta> (дата обращения: 03.11.2025).
10. Заколюкина, Е. С. Цифровизация транспортной инфраструктуры региона. российский и зарубежный опыт / Е. С. Заколюкина // Экономические исследования. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-transportnoy-infrastruktury-regiona-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 03.11.2025).
11. Арифджанова, Н. З. Условия развития и совершенствования городских транспортно-логистических систем / Н. З. Арифджанова // Проблемы Науки. 2023. № 9 (186). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-razvitiya-i-sovershenstvovaniya-gorodskih-transportno-logisticheskikh-sistem> (дата обращения: 03.11.2025).
12. Махамбетова, С. Д. Сапарбаевна Цифровизация транспортной инфраструктуры / С. Д. Махамбетова, У. Р. Махамбетова, Г. Абдуалиева // Ceteris Paribus. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-transportnoy-infrastruktury> (дата обращения: 02.11.2025).
13. Чекалин, В. С. Повышение энергетической эффективности транспортной инфраструктуры России в условиях цифровизации / В. С. Чекалин, М. Ю. Ермакова, И. С. Ковальчук // ЭВ. 2020. № 2 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-energeticheskoy-effektivnosti-transportnoy-infrastruktury-rossii-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 03.11.2025).
14. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3744-р Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли РФ до 2030 г.
15. Сырцова, Е. А. Эффекты внедрения интеллектуальных транспортных систем в регионах России / Е. А. Сырцова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2023. — № 101. — С. 159–169.

Оценка цифровых доказательств в российском уголовном процессе

Овчинникова Елизавета Андреевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье исследуются теоретические аспекты оценки доказательств, полученных на основе цифровой информации, в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: цифровые доказательства, оценка доказательств, допустимость, достоверность, уголовный процесс.

В науке уголовного процесса отсутствует единообразие подходов к определению места цифровых доказательств в системе доказывания. Как отмечают С. В. Корнакова и Е. В. Чигрина, анализ положений ч. 2 ст. 74 УПК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель электронные носители информации не выделяет в отдельную разновидность доказательств [4, с. 45].

Ученые предлагают различные варианты решения этой проблемы. Например, информацию, содержащуюся на электронных носителях, можно относить «к письменным доказательствам, к вещественным». Некоторые исследователи полагают внести изменения УПК РФ и определить их в качестве самостоятельного вида доказательств [4, с. 45]. Ввиду того, что от указанных доказательств они отличаются механизмом своего изъятия и необходимостью использования дополнительных технических средств.

Как отмечает А. А. Количенко, особенностью электронной информации является возможность изменения сведений, находящихся на электронном носителе, без непосредственного воздействия на него (удаленно), а также невозможность восприятия, без помощи специальных устройств [4, с. 46].

Оценка доказательств, полученных на основе цифровой информации, представляет собой процесс, требующий учёта как традиционных критериев, закреплённых в ст. 88 УПК РФ (относимости, допустимости, достоверности и достаточности), так и специальных технологических требований, обусловленных природой цифровых данных. При этом, как обоснованно указывает Р. В. Костенко, классические критерии допустимости доказательств, сформированные в эпоху «бумажного» делопроизводства, сталкиваются с новыми вызовами при оценке цифровых данных [1, с. 31].

Под относимостью цифровых доказательств понимается объективно существующая связь между содержащейся в них цифровой информацией и обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), а также иными обстоятельствами, имеющими значение для законного и обоснованного разрешения дела. Специфика определения относимости цифровых доказательств обусловлена многоуровневой структурой цифровой информации. Помимо основного содержания (контента), относимостью могут обладать метаданные (данные о времени создания файла, геолокации, устройстве-источнике), а также системные артефакты, ко-

торые часто имеют самостоятельное доказательственное значение. Классические четыре критерия допустимости доказательств — надлежащий субъект получения, надлежащая форма, надлежащий способ получения и надлежащий порядок процессуального оформления сохраняют свое значение, но наполняются принципиально иным содержанием, обусловленным технологической природой цифровой информации [1, с. 31].

Рассмотрим относительно надлежащего субъекта и способа получения. Данные критерии приобретает особую значимость в связи с требованием ст. 164.1 УПК РФ об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе производства следственных действий. Участие специалиста необходимо в случаях, когда для обеспечения сохранности и целостности цифровой информации требуются специальные познания в области информационных технологий. Помимо этого, важнейшее значение имеет соблюдение процедуры изъятия и копирования информации, которое допускается при условии, что это не может воспрепятствовать расследованию, а также если для этого не требуется специальных знаний либо копирование не повлечёт утрату или изменение информации [3, с. 142].

А. П. Папикян отмечает, что электронные доказательства легко подвержены изменениям или уничтожению, что делает их своевременную и точную фиксацию крайне важной. Это обстоятельство определяет специальные требования к сбору электронных доказательств, среди которых: оперативность, участие квалифицированного специалиста, использование специальных устройств и программного обеспечения для сбора данных [2, с. 210].

Достоверность цифровых доказательств предполагает установление трёх взаимосвязанных компонентов: аутентичности (тождественности представленной информации той, которая была изначально получена), целостности (неизменности информации на всех этапах доказывания) и верифицируемости (возможности проверки достоверности независимыми субъектами). В протоколах следственных действий и сопроводительных документах должен детально фиксироваться каждый этап обращения с носителем: кто, когда, при каких обстоятельствах изъят, как упаковал, где и у кого хранился

Проверка достоверности цифровых доказательств на наш взгляд требует назначения судебной экспертизы. Судебная компьютерно-техническая экспертиза позволяет

решать следующие задачи: выявление признаков модификации данных; восстановление удалённой информации, анализ метаданных и установление времени создания/изменения файлов, идентификация устройств, использовавшихся для создания или редактирования информации.

Р. В. Костенко формулирует предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регламентации работы с цифровыми доказательствами [1, с. 35]. Представляется необходимым внесение изменений в УПК РФ, направленных на закрепление понятия и видов цифровых доказательств, а также регламентацию процедур их оценки.

С. В. Корнакова и Е. В. Чигрина приходят к выводу о необходимости обновления уголовно-процессуального закона путем определения электронных доказательств и закрепления порядка обращения с ними, для чего необ-

ходимо дополнить УПК нормами об электронных доказательствах, электронных носителях, компьютерной информации, правилах фиксации, описи, изъятия электронных носителей [4, с. 48].

В заключение отметим, что оценка доказательств, полученных на основе цифровой информации, представляет собой сложный многоаспектный процесс, требующий учёта как традиционных критериев, так и специальных технологических. Ключевыми элементами обеспечения допустимости цифровых доказательств выступают: соблюдение процессуального порядка собирания (ст. 164.1 УПК РФ), обеспечение аутентичности данных и точное документирование, путем привлечения специалистов. Достоверность цифровых доказательств предполагает установление трёх взаимосвязанных компонентов: аутентичности, целостности и верифицируемости.

Литература:

1. Костенко Р. В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов — Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 1. С 30–35.
2. Папикян А. П. Использование недопустимых доказательств в условиях цифровых технологий: правовые и этические аспекты — Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 210–213.
3. Туршин А. И. Электронные доказательства в уголовном процессе: опыт зарубежных стран и российские перспективы — Юридические исследования. 2025. № 9.
4. Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы — Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11. № 2. С. 44–50

Морской протест: утратил ли он юридическую силу в качестве доказательства в эпоху электронного документооборота

Потиха Виктория Алексеевна, студент

Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток)

Статья посвящена оценке современного правового статуса и доказательственной силы морского протеста в условиях внедрения электронного документооборота и цифровых технологий в морской отрасли. На основе анализа норм Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, международных документов Международной морской организации, а также современных научных публикаций рассматривается изменение роли морского протеста как инструмента обеспечения доказательств. Показано, что, хотя морской протест сохраняет юридическую силу и остаётся обязательной процедурой согласно национальному законодательству, его реальная доказательственная значимость существенно снижается в связи с широким применением объективных электронных систем фиксации данных VDR, электронных судовых журналов, AIS и других цифровых комплексов. Обосновывается необходимость модернизации российского законодательства с учётом международных стандартов ИМО и интеграции цифровых механизмов в процесс документирования морских происшествий.

Ключевые слова: морской протест, доказательства, электронный документооборот, ИМО, КТМ РФ, электронные судовые журналы.

Морской протест как традиционный институт морского права сформировался задолго до появления современных электронных технологий и всегда выполнял важную доказательственную функцию, фиксируя обстоятельства рейса и действия капитана в условиях чрез-

вычайных ситуаций. В российском праве морской протест сохраняет нормативное закрепление в ст. 394–399 Кодекса торгового мореплавания РФ (далее КТМ РФ) прямо указывают, что капитан, столкнувшись с происшествием, обязан обратиться с заявлением в компетентный

орган с целью обеспечения доказательств на случай возникновения имущественных претензий к судовладельцу. Однако развитие электронного документооборота, появление бортовых автоматизированных систем записи данных о рейсе и общее стремление к цифровизации морской отрасли поставили вопрос о том, не утратил ли данный институт свою доказательственную силу в условиях, когда объективные электронные данные могут предоставить значительно более точное и подробное описание событий, чем субъективное заявление капитана.

Несмотря на то, что международные конвенции, включая SOLAS и другие документы ИМО, не содержат прямого регулирования института морского протеста, они формируют современную доказательственную среду, в которой электронные данные приобретают ключевое значение. Руководство по расследованию морских происшествий, принятое резолюцией MSC.255(84), устанавливает стандарты сбора информации и подчёркивает, что данные автоматических систем, в том числе VDR, электронных судовых журналов и навигационных комплексов, должны рассматриваться как первичные доказательства при расследованиях. В результате традиционный протест капитана перестал быть основным или единственным способом подтверждения обстоятельств морского происшествия, уступив место техническим средствам фиксации, которые обеспечивают значительно более высокую степень достоверности.

Российская научная литература также указывает на изменение роли морского протеста в цифровую эпоху. В работе Т. А. Литвина подчёркивается, что, хотя КТМ РФ сохраняет протест как элемент обязательной процедуры фиксации обстоятельств происшествий, его доказательственная сила существенно зависит от наличия или отсутствия иных материалов дела [1]. Исследователь отмечает, что сам по себе протест не создаёт презумпции достоверности изложенных в нём сведений, особенно если имеются объективные электронные записи, позволяющие суду установить фактические обстоятельства произошедшего с гораздо большей точностью. Литвин также обращает внимание на то, что в зарубежной практике, особенно в странах с развитой системой морского страхования и морского арбитража, на первый план выходит именно электронная доказательственная база, а протест используется в основном как формальный акт, фиксирующий позицию капитана и судовладельца. Эти выводы подтверждаются современными исследованиями цифровизации доказательственного процесса. Внедрение электронных навигационных комплексов, систем VDR, AIS-трекинга и электронных журналов существенно трансформировало подход к оценке доказательств. Совет ЕЭК от 23.11.2020г. отмечает, что электронные данные обладают признаками объективности, целостности и невозможности корректировки задним числом, что делает их предпочтительным источником информации при разрешении споров, касающихся причин повреждения груза, столкновений судов или несоблюдения навигационной безопасности. В этих условиях морской протест постепенно теряет свою роль цен-

трального доказательства и становится вспомогательным документом, особенно если суд располагает полной электронной картиной событий.

Схожие выводы делает и Панамарева О. Н., анализируя тенденции цифровизации доказательственного оборота в сфере морских перевозок. В его исследовании подчёркивается, что современные судебные и арбитражные органы чаще всего основывают свои решения на данных объективных технических систем, а традиционные письменные заявления капитана рассматриваются как сведения, требующие дополнительной проверки и соотнесения с электронной информацией. Медведев отмечает, что цифровая трансформация в морском праве не только изменила порядок сбора данных, но и повысила требования к качеству доказательств, что существенно снизило относительную ценность субъективных устных и письменных свидетельств, включая протест капитана [2].

Несмотря на объективное уменьшение доказательственной силы морского протеста, он не утратил юридическую значимость полностью. Во-первых, он продолжает оставаться обязательной процедурой, предусмотренной национальным законодательством России, и его отсутствие может быть расценено как нарушение порядка фиксации обстоятельств рейса, что потенциально может ухудшить процессуальные позиции судовладельца в споре. Во-вторых, протест сохраняет значение в ситуациях, когда электронные системы повреждены, отключены, устарели или не подлежат сертификации для использования в качестве доказательств. В-третьих, протест фиксирует субъективную оценку капитана, что может иметь вспомогательное значение при анализе действий экипажа и соблюдения ими установленных инструкций и процедур. Морской протест в условиях электронного документооборота оказывается в двойственном положении. С одной стороны, он не утратил юридической силы как институт, поскольку его сохранение обусловлено нормами национального права и традиционной конструкцией морского оборота. С другой стороны, его доказательственная роль заметно снизилась, поскольку современные электронные технологии предоставляют более точные, проверяемые и объективные данные, которым суды доверяют больше. Эта тенденция требует адаптации российской правовой системы к международным стандартам и учёта растущего значения электронных доказательств.

С учётом вышеизложенного представляется целесообразным модернизировать нормы КТМ РФ, регламентирующие морской протест, включив туда возможность оформления документа в электронной форме с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, а также прямо указав на приоритетность объективных электронных данных перед субъективными письменными свидетельствами, если такие данные имеются. Подобная реформа позволила бы гармонизировать российское законодательство с современными международными стандартами и устранить дисбаланс между фактическими и формальными требованиями доказательственной процедуры.

Литература:

1. International Maritime Organization (IMO). Resolution MSC.255(84) — Code of the International Standards and Recommended Practices for a Safety Investigation into a Marine Casualty or Marine Incident.
2. [Электронный ресурс]. URL: [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.255\(84\).pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.255(84).pdf) (дата обращения: 12.12.2025).
3. Решение Совета ЕЭК от 23.11.2020 № 118 «О проекте решения Евразийского межправительственного совета «О Концепции развития электронного документооборота в морских пунктах пропуска государств — членов Евразийского экономического союза». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20sr0118/> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 12.12.2025). [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=501944> (дата обращения: 12.12.2025).
5. Литвин Т. А. Доказательственная сила морского протеста // Евразийский гуманитарный институт (ЕГИ). 2017. № 2(16).
6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokazatelstvennaya-sila-morskogo-protesta> (дата обращения: 12.12.2025).
7. Панамарева О. Н. Особенности цифровой трансформации транспортной отрасли и ее влияние на развитие портов России / О. Н. Панамарева // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. — 2022. — № 2. — С. 76–99. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49177170> (дата обращения 12.12.2025)

Особенности договора продажи недвижимости

Репин Олег Игоревич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются ключевые особенности договора продажи недвижимости, отличающие его от общих норм гражданского законодательства о купле-продаже. Особое внимание уделяется требованиям к форме договора, порядку его заключения, моменту перехода права собственности, а также специфике объекта договора (недвижимого имущества). Анализируются актуальные проблемы правоприменения и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: договор продажи недвижимости, купля-продажа, недвижимое имущество, государственная регистрация, форма договора, переход права собственности, права и обязанности сторон.

Введение

Договор продажи недвижимости как один из наиболее распространенных видов договоров, опосредующих оборотоспособность гражданских прав, занимает важное место в системе гражданско-правового регулирования. Особенности недвижимого имущества, обусловленные его природой (недвижимость неотделима от земли, обладает индивидуальными признаками, является объектом повышенного социального и экономического значения), определяют специфику правового режима договора его продажи. Нормативное регулирование данной сферы осуществляется Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], регулирующим общие положения о купле-продаже, а также положениями, посвященными непосредственно договору продажи недвижимости (параграф 7 главы 30 ГК РФ), и иными нормативно-правовыми актами, в частности, Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» [2].

Важность исследований, посвященных особенностям договора продажи недвижимости, обусловлена высокой долей сделок с недвижимостью в экономике, а также потребностью в единообразном и корректном применении норм права как со стороны участников гражданского оборота, так и со стороны государственных органов.

1. Понятие и правовое регулирование договора продажи недвижимости

По своей юридической природе договор продажи недвижимости является возмездным, двусторонним, консенсуальным договором. Его основное отличие от других видов договоров продажи заключается в предмете договора — недвижимом имуществе. Согласно пункту 1 статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации, к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр, а также все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного

ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и иные подлежащие государственной регистрации права на недвижимое имущество.

Особенностям договора продажи недвижимости посвящена статья 549 Гражданского кодекса РФ, которая дает его определение: «По договору продажи недвижимости продавец обязуется передать в собственность покупателя недвижимое имущество».

Правовое регулирование договора продажи недвижимости осуществляется на основании общих норм о купле-продаже, закрепленных в главе 30 ГК РФ, а также специальных правил, установленных параграфом 7 указанной главы. К таким специальным правилам относятся положения, касающиеся:

- формы договора;
- его существенных условий;
- порядка передачи недвижимости;
- момента перехода права собственности.

2. Требования к форме и заключению договора продажи недвижимости

В соответствии со статьей 550 Гражданского кодекса РФ, договор продажи недвижимости должен быть заключен в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. Несоблюдение данного требования влечет его ничтожность. Письменная форма договора продажи недвижимости предполагает не только составление единого документа, но и его подписание обеими сторонами.

Важнейшим условием для возникновения юридически значимых последствий по договору продажи недвижимости является его государственная регистрация. Право собственности на недвижимое имущество, а также все связанные с ним права (например, право аренды, залога) подлежат обязательной государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). Пункт 2 статьи 558 ГК РФ устанавливает, что переход права собственности на недвижимое имущество по договору продажи недвижимости подлежит государственной регистрации. Это означает, что договор считается заключенным, но право собственности покупателя на недвижимость возникает не с момента подписания договора, а с момента государственной регистрации перехода права.

3. Существенные условия договора продажи недвижимости

Существенными условиями договора являются условия о предмете договора. Для договора продажи недвижимости предметом является конкретное недвижимое имущество. Согласно статье 554 ГК РФ, в договоре продажи недвижимости должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить недвижимое имуще-

ство, подлежащее передаче по договору. При отсутствии этих данных в договоре условие о предмете считается не согласованным сторонами, а сам договор — незаключенным. К таким данным, как правило, относятся:

- вид недвижимого имущества (здание, земельный участок, квартира и т. д.);
- кадастровый номер;
- адрес (местоположение);
- площадь;
- иные индивидуализирующие признаки, указанные в правоустанавливающих документах.

Необходимо отметить, что в отношении недвижимости, являющейся составной частью единого объекта (например, доли в праве собственности на квартиру), существенным условием может быть также определение порядка пользования помещением, если это вытекает из характера сделки и интересов сторон.

4. Передача недвижимости и момент перехода права собственности

Передача недвижимости покупателю осуществляется по передаточному акту или иному документу о передаче, который подписывается обеими сторонами. Передаточный акт является неотъемлемой частью договора и подтверждает факт передачи недвижимости. В нем должны быть отражены сведения о состоянии недвижимости, а также все претензии сторон друг к другу на момент передачи.

Момент перехода права собственности на недвижимое имущество является одним из наиболее дискуссионных вопросов. Согласно общему правилу, закрепленному пунктом 2 статьи 223 ГК РФ, право собственности у приобретателя имущества по договору возникает с момента передачи имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. Однако, важно учитывать, что для объектов недвижимости, подлежащих государственной регистрации, право собственности возникает с момента такой регистрации. Таким образом, как уже отмечалось, государственная регистрация является правообразующим фактором для возникновения права собственности на недвижимость.

5. Отдельные виды договоров продажи недвижимости

Специфика объекта и целей сделки обуславливает существование ряда разновидностей договоров продажи недвижимости, обладающих своими особенностями:

- Договор продажи жилых помещений: К данному договору применяются общие правила о продаже недвижимости, но с учетом особенностей, установленных статьей 558 ГК РФ. Согласно этой статье, существенным условием договора продажи жилого помещения является перечень лиц, сохраняющих право пользования жилым помещением после его приобретения покупателем. Отсутствие такого перечня делает договор незаключенным.

– Договор продажи предприятия: По данному договору продается имущественный комплекс, используемый в предпринимательской деятельности. Особенности регулирования связаны с необходимостью определения состава предприятия, оценкой его стоимости, а также оформлением перехода прав и обязанностей, связанных с предприятием.

6. Актуальные проблемы и пути их решения

Несмотря на достаточно детальное правовое регулирование, в практике применения норм о договоре продажи недвижимости возникают определенные проблемы, такие как:

– Сложности с определением момента перехода рисков случайной гибели или повреждения имущества. Несмотря на то, что риск случайной гибели или повреждения имущества переходит к покупателю с момента передачи ему самого имущества (статья 459 ГК РФ), на практике могут возникать споры, если факт передачи не зафиксирован надлежащим образом. Решением может быть более тщательное составление передаточного акта, в котором детально фиксируется состояние объекта на момент передачи.

– Необходимость защиты прав добросовестных приобретателей. В случаях, когда продавец не имел права на отчуждение недвижимости (например, она была украдена или приобретена мошенническим путем), добросовестный

покупатель может быть лишен своего имущества. Развитие судебной практики и совершенствование механизмов государственной регистрации направлены на повышение защиты прав добросовестных участников оборота.

– Совершенствование законодательства в сфере государственной регистрации. Необходима постоянная работа по актуализации законодательства, регулирующего государственную регистрацию недвижимости, с учетом развития технологий и потребностей рынка.

Заключение

Договор продажи недвижимости обладает рядом существенных особенностей, отличающих его от общих положений о купле-продаже. Эти особенности обусловлены спецификой недвижимого имущества как объекта гражданских прав и его значимостью в экономическом обороте. Важнейшими аспектами являются требования к форме договора, наличие существенных условий, необходимость государственной регистрации и особенности перехода права собственности. Детальное изучение и правильное применение норм, регулирующих данный вид договора, способствуют стабильности гражданского оборота и защите прав его участников. Дальнейшее совершенствование законодательства и формирование единообразной судебной практики позволят минимизировать риски и повысить эффективность сделок с недвижимостью.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1996, N 5, ст. 410. [Редакция действует с 01.01.2024].
2. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ, 2015, N 29, ст. 4343. [Редакция действует с 01.01.2024].
3. Пугинский Б. И. Теория права: Учебник. — М.: Юрайт, [2022. — 345 с.]
4. Суханов Е. А. Гражданское право: Учебник. В 4 т. Т. 3: Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, [2014. — 912 с.]
5. Крашенинников П. В. Регистрация прав на недвижимое имущество: Научно-практическое пособие. — М.: Статут, [2021. — 256 с.]
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, N 147, 03.07.2015.

Барьеры мобильности: исследование удовлетворенности работой общественного транспорта у людей, использующих инвалидные коляски

Рыбалкин Владимир Сергеевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Статья посвящена анализу барьеров мобильности и уровня удовлетворенности общественным транспортом среди людей, использующих инвалидные коляски, в контексте российской действительности. Исследуется комплекс проблем, связанных с доступностью транспортной инфраструктуры, качеством предоставляемых услуг и социальной интеграцией маломобильных граждан. На основе анализа современных научных данных, статистических показателей и нор-

мативно-правовой базы выявляются ключевые препятствия в реализации права на свободное передвижение. Рассматриваются успешные практики адаптации транспортных систем и предлагаются направления совершенствования инфраструктуры для повышения качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья. Актуальность работы обусловлена необходимостью формирования инклюзивной городской среды и реализации положений Конвенции ООН о правах инвалидов.

Ключевые слова: доступная среда, маломобильные граждане, инвалидность, транспортная доступность, инклюзивная инфраструктура, социальная интеграция, барьеры мобильности.

Mobility barriers: a study of wheelchair users' satisfaction with public transportation

The article analyzes mobility barriers and the level of satisfaction with public transport among wheelchair users in the context of Russian reality. It examines a complex of problems related to the accessibility of transport infrastructure, the quality of services provided, and the social integration of citizens with limited mobility. Based on the analysis of contemporary scientific data, statistical indicators, and regulatory framework, key obstacles to the realization of the right to free movement are identified. Successful practices in adapting transport systems are reviewed, and directions for infrastructure improvement to enhance the quality of life for people with disabilities are proposed. The relevance of the work is determined by the need to create an inclusive urban environment and implement the provisions of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities.

Keywords: accessible environment, citizens with limited mobility, disability, transport accessibility, inclusive infrastructure, social integration, mobility barriers.

В России проживает более 11,8 млн людей с инвалидностью (около 8 % населения). Проблема доступности транспорта для граждан с нарушениями опорно-двигательного аппарата стоит особенно остро, так как напрямую влияет на реализацию их конституционных прав.

Исследования показывают критическую ситуацию: только 34 % колясочников регулярно пользуются общественным транспортом, тогда как 48 % полностью отказались от его использования из-за физических и психологических барьеров. Для сравнения, в Европе этот показатель достигает 70 %. Транспортная изоляция влечет за собой каскад социальных проблем: невозможность трудоустройства, ограничение доступа к образованию и медицине, социальная изоляция и ухудшение качества жизни [1].

Несмотря на действие Федерального закона № 419-ФЗ, обязывающего создавать безбарьерную среду, реализация норм тормозится из-за недостатка финансирования и устаревшего парка транспорта. Проблема требует системного подхода, так как доступность — это ключевой фактор социальной инклюзии [5].

Структура барьеров и факторы неудовлетворенности

Барьеры для колясочников делятся на физические, организационные, информационные и психологические.

1. Физическая недоступность. Это главное препятствие. Лишь 42 % муниципальных маршрутов в крупных городах обеспечены низкопольными автобусами. В малых городах этот показатель не превышает 15 %. Даже при наличии адаптированного транспорта, его техническое состояние часто неудовлетворительно: у 38 % машин неисправны подъемники, ширина проемов не подходит для современных кресел, отсутствуют системы крепления. Остановочные комплексы также не готовы: только 28 %

остановок соответствуют требованиям доступности из-за высоких бордюров и отсутствия тактильных указателей [2].

2. Организационные барьеры. Система работает неэффективно. Опросы показывают, что главные проблемы — нерегулярность движения адаптированного транспорта (53 % жалоб), отсутствие информации о доступных маршрутах и длительное ожидание. Фрагментарность подходов приводит к тому, что поездка превращается в сложный логистический квест.

3. Информационные и психологические барьеры. Отсутствие достоверной информации о доступности маршрутов вынуждает людей отказываться от поездок. Лишь в 12 городах РФ есть приложения с данными в режиме реального времени. Психологический дискомфорт усугубляется негативной реакцией пассажиров, неподготовленностью водителей и страхом перед поломкой оборудования.

Результат: Общий индекс удовлетворенности общественным транспортом среди колясочников составляет всего **2,8 балла из 10**. Наиболее низко оцениваются надежность оборудования (2,1) и комфорт поездки (2,4). Это демонстрирует необходимость системных, а не точечных изменений.

Пути преодоления барьеров и повышения качества транспортных услуг

Решение проблемы требует комплексного подхода, сочетающего модернизацию, изменение законов и общественного сознания.

1. Модернизация инфраструктуры. В рамках нацпроектов в 2023–2024 годах закуплено более 3200 низкопольных автобусов. Лидером является Москва, где доля адаптированного транспорта достигла 87 %. Ключевые

технологические решения включают установку автоматических пандусов, систем индикации свободных мест для кресел-колясок и датчиков наклона на остановках для безопасной посадки.

2. Цифровизация. Проекты вроде «Доступный транспорт» в Санкт-Петербурге и Казани показали, что мобильные приложения увеличивают частоту поездок колясочников на 34 %. Интеллектуальные транспортные системы позволяют в реальном времени отслеживать исправность подъемников и предупреждать пассажиров о задержках [3].

3. Совершенствование нормативной базы. В 2023 году вступили в силу обновленные строительные нормы (СП 59.13330.2020) с более строгими требованиями к транспортной инфраструктуре. Ужесточение административной ответственности стимулирует перевозчиков к обновлению парка.

4. Обучение персонала. Специализированные тренинги для водителей и кондукторов значительно повышают качество обслуживания: после их прохождения уровень удовлетворенности вырос с 3,2 до 6,8 балла.

5. Развитие альтернативных служб. Социальное такси действует в 78 регионах, обслуживая более 180 тыс. человек. Перспективным направлением является создание сервисов каршеринга для адаптированных автомобилей.

6. Инклюзивное проектирование. Эксперты подчеркивают важность участия самих колясочников в разработке транспортных систем. Принцип «ничего для нас без нас» позволяет избежать формального подхода и учитывать реальные потребности пользователей.

7. Финансирование. Для полной адаптации транспорта в крупных городах до 2030 года потребуется около

420 млрд рублей. Эффективным механизмом привлечения инвестиций становится государственно-частное партнерство.

Заключение

Проблема транспортной доступности для колясочников в России остается крайне острой, что подтверждается низким индексом удовлетворенности (2,8 балла). Основные барьеры — физические, организационные и психологические — продолжают исключать людей с инвалидностью из общественной жизни.

Тем не менее, наблюдается позитивная динамика: доля адаптированного транспорта в крупных городах выросла с 28 % в 2020 году до 42 % в 2024 году. Внедрение цифровых сервисов и реализация госпрограмм создают основу для дальнейших изменений [4].

Практические рекомендации:

1. Ускорить обновление парка низкопольным транспортом.
2. Создавать «бесшовную» среду, интегрируя транспорт с пешеходной инфраструктурой.
3. Развивать интеллектуальные системы информирования пассажиров.
4. Системно обучать персонал инклюзивному обслуживанию.
5. Вовлекать людей с инвалидностью в оценку доступности среды.

Создание доступной транспортной среды — это не просто исполнение закона, а необходимое условие для формирования инклюзивного общества, где каждый гражданин имеет равные возможности для самореализации.

Литература:

1. Гудкова Т. В. Современные пути интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в социальную жизнь // Вестник НГПУ. 2016. № 1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-puti-integratsii-lyudey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-i-invalidnostyu-v-sotsialnuyu-zhizn> (дата обращения: 13.03.2026).
2. Шуляка М. И. Исследование транспортной инфраструктуры для маломобильных групп населения // Вестник науки. 2019. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-transportnoy-infrastruktury-dlya-malomobilnyh-grupp-naseleniya> (дата обращения: 13.03.2026).
3. Шмелева И. А., Беяев В. А. Инклюзивная среда города в контексте культуры на примере Санкт-Петербурга // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnaya-sreda-goroda-v-kontekste-kultury-na-primere-sankt-peterburga> (дата обращения: 13.03.2026).
4. Статистический бюллетень Федеральной службы государственной статистики «Положение инвалидов в Российской Федерации». М.: Росстат, 2024. 156 с.
5. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 49 (часть VI). Ст. 6928.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с участием в специальной военной операции

Сафина Юлия Константиновна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Проблема правовой сущности и уголовно-процессуального регулирования освобождения от уголовной ответственности в связи с участием в специальной военной операции в данный момент привлекает внимание многих ученых и уголовных процессуалистов. Я, автор, пришла к выводу, что боевые действия создают особый правовой режим, где общественное благо перевешивает принцип равенства, ведь законодатель ставит в приоритет участников данных действий, а не людей, получивших травму после совершения преступления.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, уголовно-процессуальное право, участники специальной военной операции, прекращение уголовного дела.

Согласно п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» освобождение лица от уголовной ответственности, в том числе в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в таких случаях не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление.

Законодатель выбрал бланкетный способ изложения правовой нормы, то есть делается отсылка к другим нормативным правовым актам (далее — НПА). Сама норма в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ) не устанавливает конкретных правил, а указывает, где именно они изложены.

Согласно ч. 1 ст. 28.2 УПК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого производство по уголовному делу было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), при получении информации от уполномоченных органов о случаях, предусмотренных частью первой статьи 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Законодатель направляет нас в УК РФ, согласно которому в п. «а», «б» ч. 1 ст. 78.1 содержатся основания освобождения от уголовной ответственности, а именно:

а) Со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) Со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному пп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона (далее — ФЗ) от 28 марта 1998 года N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Но что понимается под увольнением для освобождения от уголовной ответственности? Обратимся к ФЗ, в котором сказано, что:

а) по возрасту — по достижении предельного возраста пребывания на военной службе;

в) по состоянию здоровья — в связи с признанием его военно-врачебной комиссией (далее — ВВК) не годным к военной службе, за исключением военнотрудового, проходящего военную службу по контракту, указанного в пункте 2.1 статьи 36 настоящего ФЗ, изъявившего желание продолжить военную службу на воинской должности, которая может замещаться указанным военно-служащим;

о) в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени — для граждан (иностранцев, граждан, лиц без гражданства), указанных в пункте 5.1 статьи 34 настоящего ФЗ, заключивших контракт.

Мое внимание привлек именно п. «в», то есть признание ВВК негодным к военной службе. Согласно п. 2.1 ст. 36 данного ФЗ ВВК может признать гражданина негодным вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных при исполнении обязанностей военной службы. Почему получение травмы в рамках специальной военной операции (далее — СВО) влечет освобождение от уголовной ответственности, а получение заболевания после преступления влечет только освобождение от уголовного наказания, а не от ответственности? Ведь человек, получивший заболевание после преступления, находится в той же юридической стези, что и человек, получивший травму на СВО.

Как ранее указывалось в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ освобождение лица от уголовной ответственности не влечет за собой реабилитацию лица. В отличие от иных нереабилитирующих оснований (ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ), где суд оценивает совокупность обстоятельств, при освобождении по травме закон не наделил суд правом оценки достаточности и соразмерности примененного основания. Юридически значимым признается лишь факт увольнения, а не его медицинская обоснованность.

Законодатель применил неправовой критерий разграничения — не характер деяния и не личность преступника, а социальную ситуацию, то есть участие в боевых

действиях. Либо законодатель должен ввести аналогичное освобождение для всех тяжелобольных после совершения преступления, либо признать, что СВО создает особый правовой режим, где общественное благо перевешивает принцип равенства, ведь именно этот принцип закреплен в ст. 244 УПК РФ.

В законодательстве нет разграничений степени тяжести травмы. При травмах абсолютно различной степени тяжести, например, контузия или ампутация конечностей, ВВК примет решение о негодности гражданина к прохождению военной службы, что повлечет за собой право на освобождение от уголовной ответственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
3. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 N 53-ФЗ, принят Государственной Думой 06.03.1998 г. // СПС «Консультант Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 11.02.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 8. — С. 40–58

Судья не оценивает, насколько тяжелая травма. Он лишь фиксирует факт увольнения по состоянию здоровья. Законодатель создал прецедент, когда травма на военной службе аннулирует саму возможность осуждения.

Заключение ВВК становится юридическим фактом, влекущим освобождение от уголовной ответственности, не затрагивая судебную стадию оценки доказательств.

Подводя итог исследованию, следует признать, что п. «б» ч. 1 ст. 78.1 УПК РФ в части освобождения от уголовной ответственности участников СВО, уволенных по состоянию здоровья, является нормой, не соответствующей природе уголовно-процессуальной деятельности.

Тенденции развития права социального обеспечения на современном этапе

Сафина Юлия Константиновна, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Традиционно право социального обеспечения рассматривалось как отдельная (самостоятельная) отрасль права, но в нынешних реалиях оно активно взаимодействует с трудовым правом. В данном взаимодействии в юридической литературе отмечается формирование социального права, которое претерпевает значительные изменения происходящие, например, из-за изменений форм занятости, последствий пандемии COVID-19, а также из-за трансформации трудовых отношений. Особую значимость тенденциям развития права социального обеспечения приобретает во взаимодействии с трудовым правом, потому что именно возникновение трудовых отношений порождает социальное обеспечение.

В своей научной литературе такие авторы, как Лушников А. М., Лушникова М. В., Тучкова Э. Г. выделяют следующие тенденции развития права социального обеспечения:

Во-первых, тенденция к адресности и разделению отдельных категорий граждан вместо универсальности — речь идет именно об отдельной категории граждан, то есть нуждающихся, предоставление им многих пособий и льгот;

Во-вторых, тенденция к комплексной охране здоровья на рабочем месте — некоторые авторы предлагают расши-

рение понятия профессиональных заболеваний, включая, психосоматические расстройства

В-третьих, тенденция расширения социальной защиты неформально занятых и самозанятых граждан — на данный момент законодательство Российской Федерации предлагает ограниченный доступ к социальным гарантиям данным категориям занятого населения, например, нет «автоматического» права на выплату больничных.

Представленный перечень очевидно неполный, и в юридической литературе выделяют и другие, однако, указанные по моему мнению наиболее ярко отражают текущее состояние данной науки.

В настоящее время в сфере трудовых отношений появились две негативные тенденции: рост нарушений трудовых прав работников (незаконные увольнения, невыплата заработной платы и т. д.) и ослабление их судебной защиты. Значительно возросло количество трудовых дел в судах. Появились новые очень сложные дела: о взыскании морального вреда, причиненного работнику незаконным увольнением, переводом на другую работу, невыплатой гарантированных законодательством выплат и льгот, отказом от заключения трудового договора

и другие. И в данной ситуации работник нуждается в защите своих трудовых прав.

В данном эссе будет подробно рассмотрена одна из ранее указанных тенденций — это адресность и разделение отдельных категорий граждан вместо универсальности.

В рамках данной тенденции законодатель не просто определяет кому положены социальные гарантии, а стимулирует граждан участвовать в программах занятости, повышать квалификацию, искать работу и прочее. Здесь социальные гарантии становятся неким включением граждан в трудовую деятельность, а не способом содержания граждан без стимулирования к труду.

Характерным примером тенденции адресности и разделения отдельных категорий граждан вместо универсальности является практика, реализуемая в Костромской области при оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта.

Согласно абзацу 7 статьи 1 Федерального закона «О государственной социальной помощи» социальным контрактом является соглашение, которое заключено между гражданином и органом социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания гражданина и в соответствии с которым орган социальной защиты населения обязуется оказать гражданину государственную социальную помощь, гражданин — реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации.

В Костромской области при оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта Департаментом экономического развития Костромской области проводится индивидуальная работа с семьями, которые помещают детей по заявлению в социальные стационары. До заключения социального контракта проводится лечение членов семьи от зависимостей, затем заключается социальный контракт на поиск работы, осуществляется патронаж семьи и проводятся

мероприятия по восстановлению детско-родительских отношений и возврату ребенка в семью.

В данном случае социальная поддержка не ограничивается предоставлением денежных выплат, а строится на индивидуальной работе с семьей, сталкивающейся с тяжёлыми жизненными обстоятельствами.

Важным элементом является то, что социальные службы вступают во взаимодействие с теми семьями, которые по собственному заявлению помещают детей в социальные стационары. Это означает, что семья признает свою неспособность временно обеспечить надлежащее воспитание и уход, что является одним из признаков социальной нуждаемости. При этом механизм помощи направлен не на простое «содержание» ребёнка в учреждении, а на устранение причин семейной дисфункции и восстановление условий для проживания в родной семье.

Как говорилось ранее, социальные гарантии не являются способом содержания граждан без стимулирования к труду. В данном случае семью мотивируют к трудовой активности, что на мой взгляд подчеркивает цель правового регулирования социального права. Помощь будет оказываться, но при условии готовности получателя изменить свою жизненную ситуацию.

Пример работы Костромской области демонстрирует переход от универсальных и формальных мер поддержки к индивидуализированным, комплексным и условным социальным вмешательствам, ориентированным на конкретные потребности семьи и достижение социального результата.

Таким образом, современное развитие социального права идёт по пути персонализации и технологизации, а также создание достойного уровня жизни путем предоставления социальных гарантий и стимулирования к труду. Эти процессы стирают акцент пассивного предоставления помощи к системе активной социальной политики, ориентированной на включение граждан в трудовую деятельность и помогающей им адаптироваться к условиям современного рынка труда.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года N 197-ФЗ, принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г. // СПС «Консультант ПЛЮС». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 07.12.2025).
2. Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17 июля 1999 года N 178-ФЗ, принят Государственной Думой 25 июня 1999 г. // СПС «Консультант ПЛЮС». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 07.12.2025).
3. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Лучшие практики субъектов российской федерации по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта. — М.: Минтруд России, 2025. — 48 с.
4. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-stanovlenii-i-sovremennom-sostoyanii-paradigm-rossiyskogo-trudovogo-prava-i-prava-sotsialnogo-obespecheniya> (дата обращения: 07.12.2025).
5. Токарчук Ю.М Материальная ответственность работника перед работодателем // Форум молодых ученых. 2017. № 12 (16). URL: <https://infourok.ru/nauchnaya-statya-studentki-tokarchuk-yum-na-temu-materialnaya-otvetstvennost-rabotnika-pered-rabotodatelem-2099157.html> (дата обращения: 07.12.2025).

Проблемы правового регулирования имущественных отношений супругов

Сидорова Аполлинаруя Михайловна, студент магистратуры
Научный руководитель: Кручинина Надежда Валентиновна, доктор юридических наук, профессор
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматриваются некоторые аспекты правоотношений собственности супругов, включая классификацию их имущества как общего или индивидуального, осуществление прав на собственность, процесс раздела совместно нажитого имущества, а также применение к этим отношениям гражданского и семейного законодательства. Эти вопросы подчеркивают особое значение имущественных отношений супругов. Проведен анализ законодательства и изучены особенности имущественных правоотношений; выявлены проблемы и предложены пути их решения.

Ключевые слова: общая собственность, имущество, правоотношения, брачный договор, долговые обязательства.

Problems of legal regulation of property relations of spouses

Sidorova Apollinaria Mikhailovna, master's student
Scientific advisor: Kruchinina Nadezhda Valentinovna, doctor of law, professor
Russian New University (Moscow)

This article examines certain aspects of spousal property relations, including the classification of their property as joint or separate, the exercise of property rights, the process of dividing jointly acquired property, as well as the application of civil and family legislation to these relations. These issues emphasize the particular significance of spousal property relations. An analysis of legislation has been conducted, and the features of property legal relations have been studied; problems have been identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: common property, property, legal relations, marriage contract, debt obligations.

Брак является фундаментом семьи, объединяющим супругов в совместной жизни, где они оказывают друг другу моральную поддержку и несут взаимную ответственность, основываясь на уважении и взаимопомощи. В рамках брака супруги ведут общее хозяйство, воспитывают детей, формируют единый бюджет и обеспечивают финансовую стабильность семьи. Этот союз порождает комплекс личных и имущественных прав и обязанностей. Имущественные права и обязательства возникают в отношении совместно нажитого имущества, а также включают взаимное финансовое содержание супругов. Несмотря на это, правоприменительная практика в сфере семейного права выявляет существенные пробелы и противоречия в регулировании имущественных отношений между супругами. Основные трудности включают: корректное определение личного и общего имущества, оспаривание сделок, раздел совместной собственности, а также выбор применимого права в случаях, когда присутствует иностранный элемент.

Взаимодействие семейного и гражданского права вызвало дискуссию о возможности изменения режима собственности супругов на практике. Основной вопрос заключается в том, можно ли достичь этого только через брачный договор (ст. 33 СК) или же иные гражданско-правовые договоры (ст. 256 ГК) также могут служить этой цели. Судебная практика не дает однозначного ответа. Ряд судов категорически отрицает такую возможность, в то время как другие считают допустимым изменение правового режима имущества как посредством брачного дого-

вора, так и через другие соглашения (например, договоры купли-продажи, долевого участия в строительстве, раздела имущества), даже если они не в полной мере соответствуют текущему законодательству. При этом распространено мнение, что режим совместной собственности может быть изменен исключительно на основании брачного договора, а любые другие сделки, заключенные супругами с этой целью, должны признаваться недействительными.

Отсутствие нотариально удостоверенного согласия одного из супругов на совершение сделки с совместно нажитым имуществом (когда такое согласие обязательно по закону для сделок, требующих государственной регистрации или нотариальной формы) является основанием для аннулирования такой сделки согласно пункту 3 статьи 35 СК РФ. При этом сам факт оспаривания сделки по этому основанию не считается нарушением добросовестности. Однако возникает противоречие: при оспаривании сделок, совершенных **бывшими** супругами, применяется норма ГК (статья 253) [1], которая предусматривает недействительность сделки лишь в случае недобросовестности контрагента. Эта разница в подходах порождает неопределенность и подрывает доверие к сделкам с недвижимостью, совершаемым супругами, что негативно сказывается на обороте недвижимости. Д. В. Новак отмечает, что в подобной ситуации было бы логично применять единый принцип, обеспечивающий защиту имущественных прав, во всех спорах, касающихся собственности супругов.

Положения Семейного кодекса РФ, регулирующие раздел имущества супругов, демонстрируют отсутствие

целостного правового механизма, способного обеспечить универсальный подход к регулированию имущественных отношений в браке. Сегодня, при разделе различных видов имущества, принадлежащего супругам, становится очевидной необходимость применения разнообразных методов защиты — будь то из области вещного, обязательственного или корпоративного права. «Оптимальное регулирование семейных отношений, включая имущественные, должно основываться на принципе пропорциональности, гарантирующем сбалансированную защиту всех заслуживающих того интересов» [2]. Раздел VII Семейного кодекса РФ требует дополнений, что обусловлено появлением новых форм брачно-семейных отношений и значительным усложнением имущественных связей между супругами. Кроме того, сфера применения коллизионной нормы, изложенной в пункте 2 статьи 161 СК РФ, явно ограничена, поскольку охватывает лишь брачный договор и соглашение об уплате алиментов. Отсутствие в российском законодательстве четко определенного соглашения о разделе семейного имущества делает перспективы квалификации иных договоров, касающихся установления семейного имущества, крайне непредсказуемыми, а выбор применимого права — случайным.

Одной из значительных проблем в семейных спорах является нечёткое определение состава общего имущества супругов. Согласно статье 34 Семейного кодекса РФ [7], к такому имуществу относится всё, что было приобретено в период брака, независимо от того, на чьё имя оно оформлено. Закон также разграничивает личную собственность каждого из супругов: это имущество, принадлежавшее ему до брака, а также полученное безвозмездно (по наследству или в дар) во время брака. Пленум Верховного Суда РФ [5] дополнительно разъясняет, что имущество, купленное на личные средства супруга, которыми он владел до брака, не является общей собственностью. Однако возникает вопрос: сохраняют ли средства, полученные от продажи такого личного имущества, свой личный статус, или они автоматически становятся совместной собственностью, подобно другим доходам, полученным в браке? Подобная неопределенность касается также имущества, приобретённого на подаренные одному из супругов в браке средства, и процентов, начисленных по банковским вкладам. Отдельного внимания заслуживает вопрос раздела супружеских долгов. Хотя статья 34 Семейного кодекса РФ [7] прямо не упоминает долги, буквальное толкование, исключающее их из совместно нажитого имущества, является ошибочным. Имущество, принадлежащее супругам в браке, включает в себя не только активы, но и пассивы. Эта позиция подтверждается разъяснениями Верховного Суда РФ о том, что «положения части 3 статьи 39 СК РФ [7] не препятствуют разделу общего долга между супругами, независимо от наличия между ними спора о разделе совместно нажитого имущества»... Таким образом, можно заключить, что долги супругов подлежат разделу и, соответственно, являются частью совместно приобретённого имущества.

Законодательство не предоставляет чётких критериев для разграничения общих долгов супругов и личных обязательств каждого из них. Согласно статье 45 Семейного кодекса РФ, взыскание по совместным обязательствам, а также по обязательствам одного из супругов (если полученные средства были использованы на нужды семьи), может быть обращено на общее имущество супругов. Однако на практике сложно определить, например, является ли потребительский кредит личным обязательством супруга или был взят на семейные нужды, и какие доказательства требуются для подтверждения целевого использования средств на семью. Это указывает на необходимость внедрения ясных критериев для совместного и личного долга в семейном праве. Впрочем, при наличии брачного договора супруги могут заранее урегулировать этот вопрос, чётко определив, какие долги относятся к общим, а какие — к личным [6]. Также необходимо уточнить состав денежных средств, относящихся к общему имуществу супругов. Пункт 2 статьи 34 СК РФ [7] включает в перечень совместно нажитых активов пенсии, пособия и другие нецелевые выплаты, такие как материальная помощь или компенсации за потерю трудоспособности вследствие травмы или вреда здоровью. Однако логично было бы рассмотреть вопрос о статусе возмещения морального вреда. Учитывая, что другие нецелевые выплаты признаются общими, следует уточнить, не должно ли возмещение морального вреда, а также компенсации, предназначенные для оплаты лечения, протезирования и ухода за пострадавшим супругом, рассматриваться как личная собственность, поскольку они призваны компенсировать индивидуальный ущерб или покрыть специфические личные расходы.

Сложности часто возникают при разделе общего имущества супругов, поскольку оно включает в себя не только традиционные активы, такие как недвижимость, но и более сложные элементы: акции, доли в капитале коммерческих организациях и т. д. Неопределённость касается того, может ли супруг претендовать на фактическую половину такой доли в бизнесе, или ему полагается лишь денежная компенсация. В связи с этим предлагается законодательно запретить физический раздел так называемых «бизнес-активов», предусмотрев вместо этого выплату другому супругу компенсации — единовременной или в виде регулярных платежей. Ещё один спорный аспект касается возможности раздела имущественных прав, таких как право требования или право аренды. Например, в одном из дел суды первой и апелляционной инстанций изначально пришли к выводу, что право аренды не подлежит разделу, поскольку является обязательственным правом и не включено в перечень общего имущества по Семейному кодексу. Однако Верховный Суд РФ отменил эти решения, указав, что право аренды является имущественным правом и, соответственно, должно учитываться при разделе общего имущества [4]. Во избежание подобных коллизий, необходимо чётко прописать в Кодексе, какие именно права подлежат разделу, что по-

зволит исключить противоречия в правоприменительной практике.

Брачный договор является ключевым инструментом для регулирования договорных имущественных отношений между супругами. Однако в России он не получил широкого распространения, поскольку воспринимается как необязательный и часто вызывает негативное отношение. Многие рассматривают брачный договор как проявление цинизма или признак «брака по расчёту», не понимая его истинного назначения. Кроме того, значительная часть молодых пар, не обладающих существенными активами, не видит смысла в планировании будущего раздела имущества. В результате, лишь 3–5 % [3] российских пар заключают брачные договоры. В основном это те, кто стремится упростить процесс развода, состоятельные граждане или бизнесмены, желающие защитить семейное имущество от потенциальных кредиторов. Таким образом, круг стимулов для заключения брачного договора довольно узок. Низкая популярность этого соглашения объясняется также рядом процедурных и системных причин:

1. Требование нотариального заверения: Это создаёт временные и финансовые барьеры для граждан.
2. Низкий уровень правовой грамотности и недоверие к закону: Население недостаточно информировано о преимуществах брачного договора и скептически относится к правовым инструментам.
3. Проблемы с документацией: Часто возникают сложности с предоставлением корректных или актуальных подтверждающих документов. Всё это подчёркивает необходимость теоретического пересмотра подходов

к брачному договору и совершенствования соответствующего законодательства.

Анализ проблем правового регулирования имущественных отношений супругов позволяет сформулировать ряд ключевых выводов и предложений:

1. Законодателю следует пересмотреть пункт 2 статьи 45 Семейного кодекса РФ, чётко дифференцировав общие и личные обязательства супругов. При этом необходимо однозначно закрепить, что общие долги являются самостоятельным объектом раздела и включаются в состав общего имущества.
2. Такие суммы, как возмещение морального вреда, затраты на лечение, протезирование и уход, целесообразно относить к личному имуществу супруга.
3. Предлагается законодательно запретить фактический раздел бизнес-активов при распределении имущества, вместо этого предусмотрев механизм выплаты супругу стоимости его доли в виде единовременной компенсации или периодических платежей.
4. Необходимо прямо закрепить в законодательстве возможность раздела таких прав, как право аренды и право требования, для устранения текущих правовых коллизий.
5. Учитывая низкую популярность брачных договоров в РФ, требуется усовершенствовать соответствующее законодательство, принимая во внимание успешный опыт и судебную практику зарубежных стран в этой сфере.

В заключение можно отметить, что российское законодательство в области имущественных отношений супругов находится в процессе динамичного развития и будет продолжать совершенствоваться, адаптируясь к новым общественным запросам и тенденциям.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Информационно-правовой портал Гарант.ру — Москва. — URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 17.02.2026). — Текст: электронный.
2. Шувалова М. Имущественные правоотношения супругов: проблемные положения Семейного кодекса РФ. // Информационно-правовой портал Гарант.ру — Москва. — URL: <https://www.garant.ru/article/1141966/> (дата обращения: 17.02.2026). — Текст: электронный.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 69-КГ13–3 // Информационно-правовой портал Гарант.ру. — Москва. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70403602/> (дата обращения: 17.02.2026). — Текст: электронный.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2017 г. № 60-КГ17–1// Информационно-правовой портал Гарант.ру — Москва. — URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042017-n60-kg17-1/> (дата обращения: 17.02.2026). — Текст: электронный.
5. Постановления Пленума ВС РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». — Москва. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 19.02.2026). — Текст: электронный.
6. Имущественные отношения в семье: судебная практика и законодательство // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 1. — С. 7–35.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». — Москва. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 27.02.2026). — Текст: электронный.

Роль цифрового пространства (социальные сети, закрытые чаты) в рекрутинге и обучении несовершеннолетних противоправным действиям

Тыщенко Мария Сергеевна, курсант

Научный руководитель: Кисс Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь)

Современные реалии указывают на факты замещения в подростково-молодежной среде ценностей традиционного социального мира информацией, получаемой в виртуальном социальном мире (онлайн). Если ранее вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений требовало физического контакта, территориальной близости и временной синхронизации действий вербовщика и объекта воздействия, то цифровая трансформация общественных отношений нивелировала данные ограничения. Социальные сети, закрытые чаты в мессенджерах, анонимные форумы и игровые платформы сформировали принципиально новую среду рекрутинга, функционирующую по законам сетевой архитектуры. Современные средства коммуникации позволяют инициировать и поддерживать контакт с неограниченным кругом лиц в любое время суток вне зависимости от их географического местоположения, при этом существенно снижая для вербовщика риски разоблачения благодаря техническим возможностям анонимизации и шифрования трафика [1, с. 5].

Использование сети «Интернет» позволяет вербовщикам действовать анонимно, использовать методы социальной инженерии, а также оперативно ликвидировать следы коммуникации при малейшем подозрении на выявление со стороны правоохранительных органов [2, с. 49]. Закрытые чаты в Telegram и иных мессенджерах формируют закрытую коммуникативную среду, изолированную от внешнего педагогического и родительского контроля, внутри которой конструируется альтернативная реальность с собственной системой ценностей, норм и санкций.

Не менее опасным для несовершеннолетних и лиц молодого возраста является наличие в сети Интернет сайтов, посвященных суицидам, способствующих вовлечению подростков и молодежи в «группы смерти».

Деструктивные интернет-сообщества, функционирующие в формате закрытых чатов и супергрупп, обладают высокой степенью сплоченности, иерархичностью, распределением ролей и системой поощрений за выполнение заданий, причем попадание подростка в такую группу, как правило, происходит через приглашение от уже вовлеченного сверстника, что создает иллюзию доверительности и безопасности [3, с. 31]. Технология «исчезающих сообщений», автоматическое удаление переписки, сквозное шифрование и возможность мгновенной ликвидации канала коммуникации создают режим максимальной латентности преступной деятельности на этапах, предшествующих совершению открытых противоправных действий.

Анализируя социально-психологический аспект, вербовщики в сети «Интернет» тщательно изучают особенности, увлечения и проблемы потенциальных жертв через их аккаунты в социальных сетях, после чего выстраивают индивидуализированную коммуникационную стратегию, в рамках которой противоправное действие презентуется как единственно возможный способ разрешения личностного кризиса либо как увлекательная игра с системой вознаграждений [4, с. 200]. Эффективность рекрутинга, во многом, обусловлена использованием механизмов психологического подражания: подросток, наблюдая за сверстниками, совершающими противоправные действия и получающими за это одобрение и материальное вознаграждение, утрачивает критическое восприятие противоправного характера деятельности [5, с. 39].

Исследователи подчеркивают, что «использование игровых практик (баллы, уровни, достижения, рейтинги) в процессе вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, позволяет снизить у подростков чувство ответственности за содеянное, поскольку противоправные действия воспринимаются ими как продолжение виртуальной игры» [6, с. 111].

Содержательный анализ методов обучения несовершеннолетних противоправным действиям в цифровом пространстве позволяет выделить несколько устойчивых моделей. В сети «Интернет» функционирует разветвленная система деструктивных сообществ, специализирующихся на распространении инструкций по изготовлению взрывных устройств, отравляющих веществ, методам конспирации, способам совершения диверсий на объектах транспорта и энергетики [7, с. 39]. При этом, обучение может осуществляться как в асинхронном режиме (через публикацию соответствующих материалов в открытом или закрытом доступе), так и в синхронном формате (посредством персонального кураторства, когда за несовершеннолетним закрепляется наставник, координирующий каждый его шаг). Еще одна модель — имитационно-тренировочная — реализуется преимущественно в многопользовательских онлайн-играх и на специализированных платформах. Современные компьютерные игры с высокой степенью реалистичности позволяют моделировать сценарии террористических актов, диверсий, убийств, формируя у несовершеннолетних соответствующие поведенческие паттерны и снижая эмоциональный барьер перед совершением реального преступления.

Особую тревогу вызывает адаптация вербовочных алгоритмов к возрастной динамике несовершеннолетних.

Эмпирические исследования демонстрируют, что основная масса вовлеченных приходится на возрастную группу 14–17 лет — период активного поиска идентичности, максимальной внушаемости и пика цифровой активности при сохраняющейся несформированности прогностических функций психики.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что цифровое пространство сформировало автономную экосистему рекрутинга и обучения несовершеннолетних противоправным действиям, функционирующую на принципиально иных основаниях, нежели традиционные вербовочные практики. Высокая латентность, трансграничность, адаптивность к возрастным особенностям, игрофикация противоправной деятельности и возможность мгновенного масштабирования превращают данную экосистему в один из наиболее опасных вызовов современной криминологической безопасности. Эффективное противодействие цифровому рекрутингу несовершеннолетних возможно исключительно на пути синтеза уголовно-правовых запретов, технологических решений по де-

анонимизации и блокировке деструктивного контента, а также масштабной социально-педагогической работы, направленной на формирование у подростков критического мышления и устойчивого иммунитета к манипулятивным воздействиям в цифровой среде.

Приоритетным направлением государственной политики по противодействию подростково-молодежной преступности считаем общесоциальные меры предупреждения преступности несовершеннолетних, которые должны обеспечить успешную социализацию объектов превентивной деятельности, реализацию их прав и законных интересов, коррекцию негативных процессов в семье, образовательных учреждениях, трудовых коллективах, различных формах досуга, то есть в основных сферах формирования личности подростка. Если подросток стал жертвой вербовщиков, рекомендуется сообщить о любых предложениях и подозрительных новых знакомых взрослым, сделать скриншоты переписки, записать аудио и незамедлительно обратиться в правоохранительные органы.

Литература:

1. Клочкова А. В. Пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации (криминологический аспект) / А. В. Клочкова // Культура: управление, экономика, право. 2006. № 4. С. 7.
2. Дамаскин О. В. Криминологическая характеристика механизма вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность / О. В. Дамаскин, В. В. Красинский // Государство и право. 2020. № 8. С. 49.
3. Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации: методические рекомендации. СПб.: ООО «Издательство «РУСЬ», 2016. С. 31.
4. Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты / под общей редакцией А. Н. Савенкова. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2019. С. 200.
5. Бабаева Ю. Д. Интернет: воздействие на личность / Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский, О. В. Смылова. // Гуманитарные исследования в Интернете / под редакцией А. Е. Войскунского. Москва. «Можайск-Терра». 2000. С. 39.
6. Общение в интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп / А. Б. Холмогорова, Т. В. Авакян, Е. Н. Клименкова, Д. А. Малюкова // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 4(88). С. 111.
7. Пьянкова Н. Г. Влияние глобальной сети Интернет на психику подростков / Н. Г. Пьянкова, В. М. Матвиюк // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № S30. С. 39.

Дробление закупок как нарушение публичного порядка в сфере государственных (муниципальных) закупок

Фахрутдинов Азат Адгатович, студент магистратуры

Научный руководитель: Медведев Вадим Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Государственные (муниципальные) заказчики наделены правом заключения «прямых» контрактов с единственными поставщиками (подрядчиками, исполнителями) в соответствии со статьей 93 Закона о контрактной системе. В частности, статья 93 Закона о контрактной системе закрепляет ряд оснований для заключения договора с единственным поставщиком, подрядчиком, исполнителем, среди которых есть основание, ограниченное только суммой закупки, а не условиями рынка и особой потребностью заказчика. Речь идет о норме, закрепленной в пункте 4 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе, позволяющей заказчику заключить контракт на сумму, не превышающую 600 тысяч рублей, без каких-либо обоснований. На практике заказчики нередко злоупотребляют таким правом, ограничивая тем самым конкуренцию. Целью исследования является выявление границ, в пределах которых заказчики вправе воспользоваться правом заключения прямого договора по пункту 4 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе.

Ключевые слова: дробление закупок, государственный контракт, контрактная система, закупки.

Право заключения «прямого» договора закреплено в пункте 4 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе). Однако, как показывает практика, заказчики нередко злоупотребляют таким правом, что в доктрине получило название как «дробление закупок».

Дробление закупок в контрактной системе не является новым явлением для юридической науки. Ранее различными авторами рассматривались вопросы заключения нескольких государственных (муниципальных) контрактов с целью ухода от проведения конкурентных закупочных процедур [3].

Данная тема вызвала научный интерес в связи со вступлением в силу с 01 января 2026 года нормы [2], которая фактически допускает дробление закупок. Так, в частности статья 93 Закона о контрактной системе дополнена частью 15, согласно которой заказчиком может быть заключено несколько контрактов в отношении однородных либо идентичных товаров, работ и (или) услуг в пределах ограничений годового объема закупок и цены контракта, установленных пунктами 4, 5 и 28 части 1, частью 12 статьи 93. Безусловно, возникают вопросы о возможном дроблении закупок на законном уровне. В первую очередь, здесь необходимо упомянуть такой принцип контрактной системы как принцип обеспечения конкуренции, закрепленный в статье 8 Закона о контрактной системе. В частности, в части 1 указанной статьи отмечается, что любое заинтересованное лицо имеет возможность в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем). Заключение прямых договоров лишает возможности «любого» поставщика (подрядчика, исполнителя) стать исполнителем в рамках такой ограниченной закупки. необходимо отметить, то право на ведение предпринимательской деятельности является конституционным правом, и ограничение конкуренции фактически свидетельствует о нарушении конституционных норм.

Отреагировало на новую норму закона и антимонопольное ведомство. Так, ФАС России в своем письме от 10 февраля 2026 г. № ГР/9863/26 отметило, что «действия заказчиков, направленные на искусственное «дробление» единой закупки в рамках реализации антиконкурентного соглашения с хозяйствующим субъектом для целей фор-

мального соблюдения ограничений, указанных в п. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, приводят или могут привести к ограничению конкуренции, в связи с чем подлежат оценке антимонопольным органом на предмет соблюдения запретов, установленных ст. 16 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [4]. При этом ведомством приведены примеры такого искусственного дробления — закупки различных товаров для создания единого технологического комплекса (детской площадки).

Следует отметить, что и ранее контрольными органами высказывались позиции о том, что дробление ограничено лишь годовым объемом проводимых по пункту 4 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе закупок.

Обратимся к непосредственно к Закону о контрактной системе. Так, в статье 2 Закона указано, что законодательство Российской Федерации о контрактной системе основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации и других нормативно-правовых актах. Согласно статье 10 Гражданского кодекса РФ не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции.

Для решения обозначенной проблемы выработать критерии добросовестности в действиях заказчика представляется затруднительным. Однако, в каждой ситуации необходимо рассматривать поведение заказчика следует исходя из конечного результата, а именно, такое дробление вызвано необходимостью, либо уходом от проведения конкурентной закупки. В первом случае, доказательством добросовестного поведения будет считаться приобретение товаров (работ, услуг), количество которых на стадии заключения первого прямого контракта было достаточным, но впоследствии возникла необходимость увеличения объема (например, более чем на 10 % от начальной цены контракта), что вызвало необходимость заключения второго прямого договора. Во втором случае доказательством недобросовестного поведения заказчика будет свидетельствовать заключение более двух контрактов в течение одного календарного года с одним участником закупки, либо с несколькими, взаимосвязанными между собой участниками на приобретение тождественных товаров (работ, услуг).

Таким образом, в процессе закупочной деятельности заказчики обязаны преимущественно применять конкурентные способы закупок с целью выявления поставщика (подрядчика, исполнителя), и только в исключительных ситуациях допускать заключение прямых контрактов на приобретение идентичных товаров (работ, услуг).

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 484-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и статьи 5 и 8 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Аминев, Ф. Г. О «дроблении» закупок в контрактной системе / Ф. Г. Аминев, Е. Б. Балякина // Юрист-Правоведъ. — 2019. — № 2(89). — С. 67–71.
4. Письмо ФАС России от 10 февраля 2026 г. № ГР/9863/26 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации

Хадай Ксения Юрьевна, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье автор рассматривает современное состояние системы нормативно-правового регулирования деятельности органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации. Анализируется многоуровневая структура правовой базы: от федеральных конституционных и федеральных законов до региональных и подзаконных актов. Особое внимание уделяется проблемам единства законодательства и перспективам совершенствования правового регулирования в условиях формирования единой системы публичной власти.

Ключевые слова: исполнительная власть, право, закон, подзаконный акт.

Реформирование системы публичной власти в России, закрепленное поправками к Конституции 2020 года и принятием Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», актуализировало вопросы правового обеспечения деятельности региональных исполнительных органов. Эффективность государственного управления зависит от того, насколько полно, непротиворечиво и системно урегулирован правовой статус, компетенция и порядок функционирования этих органов. Целью данной работы является анализ структуры и содержания нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Для того, чтобы максимально достичь как экономической и политической стабильности в стране, усилить систему законодательства и правового поля на базе федеративного устройства, необходимо повысить взаимодействие исполнительных органов власти. От эффективности юридических инструментов, средств зависит результативность преобразований в Российской Федерации. Правовые модели должны гарантировать устойчивость и сохранность функционирования правовой системы. Поэтому требуется определить ключевую роль и место и органов исполнительной власти в благосостоянии общества социально-экономического характера, а также необходимо оценить результат выполненной работы для того, чтобы исследовать эффективность труда отдельных органов исполнительной власти в структуре государственных органов.

«Дальнейшее совершенствование современной системы и структуры органов исполнительной власти Российской Федерации должно идти по пути четкого формулирования компетенции федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с одновременным обеспечением единства исполнительной власти России» [4].

Нормативно-правовое обеспечение представляет собой совокупность юридических норм, образующих целостную систему и направленных на регламентацию организации и функционирования исполнительной власти на региональном уровне. Его структура имеет иерархический характер: на федеральном уровне Конституция Российской Федерации, определяющая единство системы исполнительной власти, федеральные конституционные законы и федеральные законы, уровень субъекта Российской Федерации: Конституции и уставы субъектов Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации, учреждающие систему органов власти, и подзаконные акты, а также локальные акты, например регламенты работы органов власти, административные регламенты предоставления государственных услуг.

«Органы исполнительной власти федерального и регионального уровня осуществляют свою деятельность во исполнение единых функций и целей государства, но при этом, обладая своей спецификой. Так, цели деятельности данных государственных органов, а также их функции очень обширны, их можно встретить во многих нормативных правовых актов. Они состоят в конечном итоге, ре-

зультатах, которые должен достичь орган в процессе осуществляемой деятельности в порученной ему области» [5].

«Исполнительная власть — это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти, которую отличает всеобъемлющий, предметный и организованный характер, полная структурированность в единую систему органов, обеспечивающих исполнения абсолютно всех нормативно-правовых актов, в установленном порядке и методами в пределах их полномочий» [7].

Роль в формировании системы и структуры федеральных органов исполнительной власти принадлежит Президенту Российской Федерации руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, устанавливает структуру и вносит в нее изменения, что закреплено в 83 статье Конституции Российской Федерации [1].

Ключевым актом современного этапа является Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ [2]. Он устанавливает: единые принципы формирования высших исполнительных органов, правовой статус высшего должностного лица, перечень полномочий региональных правительств, механизмы взаимодействия с федеральными органами власти. Особое значение имеет институт «переданных полномочий». Значительный объем функций (например, в сферах охраны здоровья, занятости, ветеринарии и другие) выполняется регионами за счет федеральных субвенций, что требует четкого правового регулирования на стыке двух уровней власти.

Субъекты Российской Федерации обладают значительной свободой в детализации федеральных норм. Анализ региональных уставов и законов показывает вариативность в наименовании органов (Правительство, Администрация, Кабинет Министров), структуре исполнительной власти (наличие отраслевых министерств, департаментов, комитетов), процедурных вопросах принятия решений. Однако, как показывает практика, данная свобода порождает проблему избыточного нормотворчества, когда регионы дублируют федеральные акты, или, напротив, правовых пробелов в вопросах, требующих оперативного регулирования. Федеральный закон № 184-ФЗ [3] разграничивает полномочия исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях.

В ходе исследования выявлены следующие проблемные аспекты:

— неопределенность в системе «федеральные — региональные органы»: сохраняются противоречия в разграничении полномочий между территориальными органами федеральных министерств и региональными министерствами в смежных сферах;

— юридическая техника: некоторые региональные законы содержат отсылочные нормы, что снижает эффективность правоприменения и затрудняет деятельность органов власти;

— сроки приведения в соответствие: запаздывание региональных законодателей в приведении своих актов в соответствии с изменяющимся федеральным законодательством создает временные правовые вакуумы;

— проблема совпадения полномочий: зачастую одни и те же вопросы (например, в сфере экологии или сельского хозяйства) могут регулироваться как федеральным органом, так и региональным министерством.

Это порождает административные барьеры и конфликты:

— делегирование без финансирования: несмотря на законодательное требование о субвенциях, на практике возникает проблема так называемых «необеспеченных мандатов», когда объем переданных полномочий превышает объем переданных финансовых средств;

— избыточная централизация: современная тенденция к унификации законодательства, хотя и способствует единству правового пространства, иногда вступает в противоречие с правом региона на самостоятельное определение своей компетенции в рамках ст. 73 Конституции Российской Федерации.

Основные направления развития нормативно-правовой базы включают: цифровизацию правового пространства, например разработка региональных законов федеральным центром для унификации правового регулирования, совершенствование механизмов ответственности, а именно четкая регламентация дисциплинарной и конституционно-правовой ответственности должностных лиц за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Также стоит обратить внимание на устранение дублирования, а именно проведение инвентаризации полномочий с целью исключения их параллельного выполнения разными уровнями власти, о совершенствовании договорных механизмов разграничения полномочий, предусмотренных ст. 78 Конституции, но редко применяемых на практике.

«В силу сложившейся геополитической обстановки государственный аппарат особенно остро нуждается в устойчивой системе органов исполнительной власти, а также в качественной правовой базе, только при успешном сочетании этих факторов можно принимать быстрые и эффективные управленческие решения» [6].

«Наблюдается тенденция к расширению полномочий федерального центра, в том числе за счёт создания межтерриториальных управлений федеральных органов (например, Роспотребнадзора, Росприроднадзора), которые дублируют или подменяют функции региональных органов. В сферах совместного ведения зачастую сложно определить, какой именно уровень власти несёт ответственность за неудачи. Например, при низком качестве школьного образования сложно разграничить вину между федеральным министерством, устанавливающим стандарты, и региональным министерством, отвечающим за условия их реализации. Действующая система оценки эффективности деятельности органов власти субъектов Российской Федерации, инициированная федеральным центром, стала мощным инструментом влияния на региональную политику, фактически формируя единые стандарты управления» [8].

В условиях реформирования системы организации государственной власти в субъектах Российской Федерации, закрепления принципа единства публичной власти, во-

просы четкого определения компетенции региональных исполнительных органов приобретают особую значимость. От того, насколько научно обоснованно и законодательно определено содержание компетенции, зависит эффективность реализации государственных функций, качество оказания государственных услуг и, в конечном счете, уровень жизни населения.

Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Фе-

дерации представляет собой сложный, многоуровневый комплекс. Проведенный анализ позволяет утверждать, что современный этап характеризуется переходом к большей унификации на базе ФЗ-414, но при сохранении региональной специфики. Для повышения эффективности государственного управления требуется дальнейшая работа по гармонизации федерального и регионального законодательства, устранению коллизий и внедрению современных правовых стандартов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ)
2. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»
4. Двойменный И. А. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в механизме реализации функций государства // РСЭУ. 2023. № 1 (60).
5. Климовская, М. К. Правотворческая компетенция органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / М. К. Климовская // Проблемы науки. — 2018. — № 3 (27).
6. Черных Д. А. Федеральные министерства в системе органов исполнительной власти Российской Федерации // Инновационная наука. 2022. № 3–2.
7. Шматов А. С. Исполнительная власть в Российской Федерации: понятие, функции, признаки, принципы и тенденции к развитию // Экономика и социум. 2020. № 6–2.
8. Некрасов С. И. Исполнительная власть в Российской Федерации: конституционно-правовые проблемы организации и деятельности: монография. — М.: Проспект, 2020.

Административно-правовая основа изъятия земельных участков

Чикова Виктория Олеговна, студент
Оренбургский государственный университет

Статья посвящена административноправовой основе изъятия земельных участков в РФ. В работе анализируются ключевые нормативные акты: Конституция РФ, Земельный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ.

Рассмотрены основные принципы изъятия: приоритет публичного интереса, исчерпывающий перечень оснований, предварительное равноценное возмещение, судебный порядок принудительного отчуждения. Описана процедура — от вынесения постановления и оценки компенсации до судебного разбирательства (при необходимости) и регистрации перехода права собственности в ЕГРН.

Акцент сделан на гарантиях защиты прав собственников: праве на апелляцию, прозрачности информации, защите жилищных прав и предотвращении неправомерного изъятия. Подчеркивается, что система обеспечивает баланс между общественными интересами и конституционными правами граждан при строгом соблюдении законодательных норм.

Ключевые слова: изъятие земельных участков, административноправовая основа, государственные нужды, муниципальные нужды, Конституция РФ, Земельный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, предварительное равноценное возмещение, гарантии защиты прав собственников.

Administrative and legal basis for the withdrawal of land plots

Chikova Viktoriya Olegovna, student
Orenburg State University

The article examines the administrative and legal framework for land seizure in the Russian Federation. It analyzes key regulations: the Constitution of the RF, the Land Code of the RF, and the Civil Code of the RF.

The paper outlines the main principles of seizure: public interest priority, exhaustive grounds, prior equivalent compensation, and judicial forced expropriation. The procedure — from resolution issuance and compensation assessment to potential litigation and registration in the Unified State Register of Real Estate (EGRN) — is briefly described.

Emphasis is placed on property rights safeguards: the right to appeal, information transparency, housing rights protection, and prevention of misuse. The system ensures a balance between public interests and citizens' constitutional rights under strict compliance with legislation.

Keywords: *land seizure, administrative and legal framework, state needs, municipal needs, Constitution of the Russian Federation, Land Code of the RF, Civil Code of the RF, prior equivalent compensation, guarantees of property rights protection.*

Изъятие земельных участков — это одна из самых значительных мер вмешательства государственной власти в права частных собственников. В Российской Федерации административно-правовая основа этого процесса представляет собой сложный и многоуровневый механизм, который должен обеспечивать баланс между общественными интересами и защитой конституционных прав граждан. Этот механизм в основном прописан в Земельном кодексе РФ [2], а также в Гражданском кодексе РФ [3] и других нормативных актах.

Основой для любого изъятия является часть 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации [1], которая разрешает принудительное отчуждение имущества для государственных нужд, но только при условии предварительного и равноценного возмещения. Данное положение более подробно раскрывается в статье Гражданского кодекса Российской Федерации и главе 7.1 Земельного кодекса Российской Федерации, устанавливая ключевые принципы:

1. Приоритет публичного интереса: Изъятие возможно только для достижения значимых для общества целей.

2. Исчерпывающий характер оснований: Цели изъятия строго определены законом (например, выполнение международных обязательств, размещение объектов федерального или местного значения при отсутствии других вариантов, иные случаи, установленные федеральными законами). [9]

3. Обязательность предварительного и равноценного возмещения: Никакое изъятие не может быть произведено без обеспечения собственнику компенсации, покрывающей все его убытки, включая упущенную выгоду. [11]

4. Судебный характер принудительного изъятия: Если соглашение с собственником не достигнуто, решение об изъятии принимает только суд. [12]

Процедура ареста представляет собой последовательность административных действий, приводящих к исполнению властного решения.

Этап 1. Вынесение постановления об отчуждении. Данный управленческий акт является ключевым и издаётся правомочным органом исполнительной власти (федерального или регионального уровня) либо органом местного самоуправления. Постановление должно иметь убедительное обоснование, содержать однозначное указание на цель отчуждения и необходимые данные земельного участка. Предварительно проводится планирование и резервирование земель. Опубликование постанов-

ления является обязательным, и с этого момента начинаются важные юридические последствия: вводятся определенные ограничения на действия с участком, способные снизить его ценность. [9]

Этап 2. Информирование владельца и попытка достижения договоренности. Государственный орган обязан в установленный срок направить владельцу предложение об отчуждении с приложением соответствующего постановления. Главным содержанием данного этапа является заключение административного договора (соглашения) об отчуждении. В этом документе детально прописывается размер компенсации, сроки освобождения участка и другие существенные условия. Здесь административно-правовое регулирование сочетается с гражданско-правовым, предоставляя сторонам возможность для обсуждения условий. [10]

Этап 3. Оценка стоимости и определение размера компенсации. Сумма возмещения определяется в соответствии с нормами законодательства об оценочной деятельности и включает в себя [5]:

— Рыночную стоимость участка и расположенных на нем объектов недвижимости.

— Все убытки, понесенные владельцем (включая упущенную выгоду).

— Компенсацию затрат на переезд, оформление прав на новую землю и прочее. Это является гарантией соблюдения конституционного принципа эквивалентности.

Этап 4. Принудительное отчуждение через судебный процесс. В случае, если соглашение не было достигнуто в установленный срок, орган, инициирующий отчуждение, обязан обратиться в судебные органы с иском о принудительном изъятии. Владелец также имеет право обжаловать в суде как само постановление об отчуждении, так и размер предложенной компенсации. Суд производит проверку законности решения, его обоснованности и соответствия принципу пропорциональности. [9]

Этап 5. Регистрация перехода прав собственности. После выполнения решения суда или положений соглашения (после выплаты компенсации) информация о переходе права собственности к Российской Федерации, субъекту РФ или муниципальному образованию вносится в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) на основании представленных документов. [4]

Весь процесс экспроприации пронизан комплексом гарантий, которые существенно ограничивают свободу действий государственной власти в этой сфере.

Во-первых, предусмотрено право на апелляцию: каждое решение или бездействие государственных органов на любом этапе процедуры может быть оспорено как в вышестоящей инстанции, так и в судебном порядке. [6]

Во-вторых, обеспечивается прозрачность и доступность информации: владелец имеет неотъемлемое право на получение исчерпывающих сведений о мотивах, условиях отчуждения и методологии оценки компенсации.

В-третьих, жилищные права защищены: в случае конфискации земельного участка с расположенным на нем жилым домом, который является единственным пригодным для проживания, собственнику обязаны предоставить альтернативное, благоустроенное жилое помещение. [11]

В-четвертых, установлена защита от неправомерных действий: недопустимо изъятие земли под предлогом государственных нужд с последующей ее передачей

частным компаниям в отсутствие явного общественного интереса. [10]

В заключение, административно-правовое регулирование процедуры изъятия земли представляет собой не просто одностороннее властное распоряжение, а многоступенчатый, детализированный и обеспеченный судебным контролем процесс. В его основе лежит баланс между общественными интересами и частными правами, где административные процедуры выступают средством реализации первых, но в строгом соответствии с судебным надзором и системой гарантий имущественных прав, направленных на защиту вторых. Эффективность и справедливость данной системы зависят от строгого соблюдения всех этапов и принципов, закрепленных в законодательстве, в том числе в положениях Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [7] и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 04.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 41. — Ст. 6933.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 № 136ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32, ч. 1. — Ст. 3301.
4. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 № 218ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29, ч. I. — Ст. 4344.
5. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 29.07.1998 № 135ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3813.
6. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 02.05.2006 № 59ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 19. — Ст. 2060.
7. О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 № 137ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 44. — Ст. 4148.
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
9. Боголюбов, С. А. Земельное право: учебник для вузов / С. А. Боголюбов. — 6е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2023. — 456 с.
10. Крассов, О. И. Земельное право: учебник / О. И. Крассов. — 5е изд., перераб. и доп. — М.: ИнфраМ, 2023. — 560 с.
11. Липски, С. А. Правовые аспекты изъятия земельных участков для публичных нужд: монография / С. А. Липски. — М.: Гос. унт по землеустройству, 2021. — 168 с.
12. Жариков, Ю. Г. Изъятие земельных участков: правовые основы и судебная практика / Ю. Г. Жариков. — М.: Норма, 2022. — 184 с.

Роль органов прокуратуры Российской Федерации в увековечивании памяти о Великой Отечественной войне

Швец Данила Евгеньевич, студент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуется эволюция и современное состояние надзорной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в сфере увековечения памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Автор, опираясь на практический опыт, анализирует историческую роль военной прокуратуры в годы войны и проводит параллели с современными

функциями надзорного ведомства. Особое внимание уделяется реализации прокурорскими работниками полномочий в рамках проекта «Без срока давности», включая механизмы сбора доказательств и инициирования судебных процессов о признании действий нацистов геноцидом советского народа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, деятельность органов прокуратуры, Без срока давности, историческая память.

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) оставила глубокий след в истории России и всего мира. Увековечение памяти о подвиге народа, о тех, кто сражался на фронте и трудился в тылу, является важнейшей задачей для современного общества. В этом контексте органы прокуратуры Российской Федерации, включая органы военной прокуратуры, играют ключевую роль в обеспечении соблюдения законодательства, направленного на защиту исторического наследия.

Одним из основных нормативных правовых актов, регулирующих эту сферу общественных отношений, является Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (далее — Закон № 80-ФЗ). Этот закон устанавливает правовые основы для организации мероприятий, направленных на сохранение памяти о героях войны, а также определяет ответственность за действия, которые могут подорвать эту память [1].

Органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. Надзорный орган не только контролирует строгое соблюдение положений Закона № 80-ФЗ, но и выполняет свою обязанность по увековечиванию памяти, возложенную Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в феврале 2019 г. Прокуратура Российской Федерации также контролирует состояние памятников, мемориалов и других объектов, связанных с историей войны. В случае выявления нарушений должностные лица прокуратуры вправе принимать все меры прокурорского реагирования, установленные Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

Во время Великой Отечественной войны военная прокуратура играла важную роль как на фронте, так и в тылу. Она обеспечивала соблюдение законности, контролировала своевременность поставок и качество военной продукции, расследовала преступления среди военнослужащих и защищала права солдат.

На фронте военная прокуратура осуществляла надзор за соблюдением воинских уставов, расследовала случаи предательства и измены, что было особенно важно в условиях войны, когда каждая утрата боеспособности могла

стоить жизни многим солдатам. Например, в 1942 году военная прокуратура Западного фронта провела расследование по делу о массовом дезертирстве, что позволило выявить причины и принять меры для улучшения морального состояния войск.

В тылу органы военной прокуратуры надзирали за выполнением государственных заказов на производство военной техники и боеприпасов, осуществляли расследование случаев хищений и злоупотреблений, связанных с поставками для фронта. Например, в 1943 году сотрудниками надзорного ведомства выявлены факты хищения материалов на заводах, производивших танки и самолеты.

Важнейшим направлением деятельности органов прокуратуры в годы Великой Отечественной войны являлась защита прав военнослужащих РККА, обеспечение их законных интересов в военное время. Они принимали участие в рассмотрении жалоб на нарушения прав военнослужащих, включая случаи неправомерного наказания и злоупотребления полномочиями со стороны командования [3].

Одной из наиболее значимых современных инициатив, связанных с увековечиванием памяти о Великой Отечественной войне, является федеральный проект «Без срока давности», запущенный в 2019 году.

Проект «Без срока давности» имеет несколько ключевых целей:

1. Восстановление исторической справедливости, выявление и расследование преступлений, совершенных против солдат РККА, военнопленных и мирного населения, пострадавших от нацистского режима.
2. Сбор, систематизация и анализ архивных документов, свидетельств ветеранов, а также материалов, предоставленных правозащитными организациями.
3. Признание факта геноцида на территории субъектов Российской Федерации, пострадавших от действий фашистских преступников в годы Великой Отечественной войны.
4. Общественное просвещение.

Память о жертвах нацизма играет ключевую роль в формировании общественного сознания и национальной идентичности, особенно в условиях современных конфликтов, таких как специальная военная операция на Украине. Уважение к памяти жертв нацизма не только способствует осознанию исторических уроков, но и служит предупреждением против повторения трагических событий прошлого. Важно, чтобы органы прокуратуры активно участвовали в защите этой памяти, предотвращая попытки реабилитации нацистских идеологий и символики.

В условиях специальной военной операции на Украине, где происходят споры об исторической памяти и интер-

претации событий Второй мировой войны, прокуратура не только обеспечивает соблюдение законодательства, направленного на защиту памяти о жертвах нацизма, но и активно участвует в образовательных инициативах, мероприятиях, направленных на информирование общества о последствиях нацизма и важности сохранения исторической правды.

По поручению Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова прокурором Херсонской области 5 февраля 2025 г. направлено в суд заявление о признании военными преступлениями и преступлениями против человечности, геноцидом советского народа установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками на территории Николаевской и Запорожской областей Украинской ССР (в настоящее время — Херсонская область) в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

В ходе подготовки заявления прокуратурой обеспечено взаимодействие с органами власти и правоохранительными ведомствами, архивными, научными учреждениями и образовательными организациями, региональными общественными движениями и волонтерами.

Установлено, что оккупация территории области началась в августе 1941 года и закончилась 13 марта 1944 года освобождением советскими войсками Херсона. Пребывание фашистских войск сопровождалось бесчисленными злодеяниями — насилием, истязаниями, убийствами советских военнопленных и мирного населения. Люди подвергались уничтожению в сети лагерей путем расстрелов, сожжения и иными способами. Всего за эти годы убиты, замучены, погибли от голода или инфекционных болезней свыше 70 тысяч человек.

Фашистские захватчики преднамеренно уничтожали социальную, промышленную и сельскохозяйственную инфраструктуру региона, учебные заведения, музеи, исторические памятники. Целенаправленно разграблялось и вывозилось промышленное оборудование фабрик и заводов. Общая сумма причиненного ущерба в переводе на текущий курс рубля превысила 8 триллионов рублей.

В подтверждение изложенных фактов представлена значительная доказательственная база, в том числе ар-

хивные документы, экспертные заключения и свидетельские показания.

Заявление подано в Херсонский областной суд в целях защиты национальных интересов Российской Федерации, законных прав и интересов неопределенного круга лиц (родственников погибших), а также последующего доведения до мировой общественности информации о жертвах захватчиков в годы Великой Отечественной войны, восстановления исторической справедливости.

Органы прокуратуры Российской Федерации, включая военную прокуратуру, играют ключевую роль в увековечивании памяти о Великой Отечественной войне и защите исторической правды. Их деятельность охватывает широкий спектр задач, в том числе контроль за исполнением законодательства, направленный на сохранение памяти о героях войны, активное участие в проектах, например, проекте «Без срока давности», направленном на расследование и привлечение к ответственности за военные преступления. По промежуточным итогам реализации проекта в 28 регионах злодеяния, совершенные палачами из нацистской Германии и стран-союзников, признаны военными преступлениями против человечности и геноцидом.

Важность работы прокуратуры в этой сфере невозможно переоценить, особенно в условиях современных вызовов, связанных с попытками реабилитации нацистских идеологий и искажением исторической правды. Надзорное ведомство не только защищает права граждан, но и способствует формированию общественного сознания, основанного на уважении к памяти жертв нацизма и осознании исторических уроков, выполняется и проактивная роль органов прокуратуры, нацеленная на профилактику правонарушений в этой сфере.

Таким образом, деятельность органов прокуратуры Российской Федерации в контексте увековечения памяти о Великой Отечественной войне является важным элементом правозащитной работы, способствующей укреплению национального единства и патриотизма, а также предотвращению повторения трагических событий прошлого. Важно продолжать эту работу, обеспечивая защиту исторической памяти и прав граждан в условиях современных реалий.

Литература:

1. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 24.02.2026)
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 06.03.2025)
3. Колыхалов, Д. В. Прокуратура СССР в период Великой Отечественной войны / Д. В. Колыхалов // Государство и право в период вооруженных конфликтов и в мирное время: сборник материалов Межвузовской научной студенческой конференции, Москва, 21 апреля 2015 г. / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — Москва: Акад. ГП РФ, 2015. — С. 123–131.

Актуальные проблемы компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов

Янушкевич Эмма Виталиевна, студент

Научный руководитель: Семькин Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Донецкий государственный университет

В статье анализируются актуальные проблемы компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, в контексте реализации конституционных гарантий защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Рассматривается правовая природа данных правоотношений, их место в системе обязательственного права, соотношение с деликтными обязательствами и мерами гражданско-правовой ответственности. Исследуются проблемы законодательного регулирования, включая отсутствие единообразного подхода к определению оснований и порядка компенсации, а также фрагментарность ведомственного регулирования, создающая неравные условия для потерпевших. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, направленные на унификацию правового регулирования и обеспечение принципа полного возмещения вреда независимо от законности действий государственных органов.

Ключевые слова: компенсация ущерба, правомерные действия, государственные органы, ответственность государства, возмещение вреда, правоохранительные органы, защита прав граждан, статья 16.1 ГК РФ.

Актуальность исследования. Институт компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, занимает особое место в системе гарантий прав и законных интересов граждан и юридических лиц. В отличие от ответственности за вред, причиненный незаконными действиями, где механизмы возмещения достаточно детально проработаны, вопросы компенсации ущерба от правомерной деятельности публичной власти остаются наименее урегулированной сферой законодательства.

Цель исследования — комплексный теоретико-правовой анализ актуальных проблем компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов.

Правовая сущность возмещения убытков, возникших в результате законных действий государственных органов и органов местного самоуправления, до сих пор не получила однозначного толкования в гражданско-правовой науке, что приводит к значительным затруднениям в практической правоприменительной деятельности. Рузакова О. А., анализируя данную проблему, обращает внимание на то, что одни исследователи рассматривают отношения из причинения вреда правомерными действиями как разновидность деликтных обязательств, другие разграничивают деликтные правоотношения и публично-правовые механизмы защиты прав потерпевших, указывая на принципиальные различия в источниках и порядке возмещения [4, с. 75]. Взыскание из государственных средств, в отличие от компенсации за счёт имущества конкретного виновника, порождает особые правовые последствия, проявляющиеся в необходимости соблюдения баланса между частными интересами пострадавшего и публичными интересами, связанными с целевым назначением бюджетных ассигнований. Государственные выплаты пострадавшим финансируются за счёт средств, специально выделенных в бюджете, тогда как взыскание в порядке ответственности происходит за счёт любых средств бюджета, независимо от их целевого назначения, что принципиально различает указ правовые конструкции.

Статья 16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], введённая Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 302ФЗ [2], предоставила физическим и юридическим лицам реальную возможность возмещения убытков, причинённых законными действиями государственных органов, однако только в случаях, явно предусмотренных законом.

Существенной проблемой реализации статьи 16.1 ГК РФ является отсутствие единообразного подхода к определению места данных правоотношений в системе обязательственного права.

Н. А. Малышева констатирует, что одни исследователи относят данные правоотношения к разновидностям деликтных обязательств, другие — к числу внедоговорных обязательств, не являющихся разновидностью деликтных, и в теории гражданского права нет единого подхода к определению их места в ряду гражданских правоотношений [3, с. 53]. Анализ показывает, что рассматриваемые отношения обладают чёткой односторонней направленностью и относятся к способу защиты гражданских прав, а не к мерам ответственности, что принципиально отличает их от деликтных обязательств.

Возмещение убытков не обладает признаком меры ответственности, поскольку отсутствует противоправность деяния и вина виновника, а значит не может рассматриваться в рамках института гражданско-правовой ответственности, что требует отдельного осмысления и законодательного закрепления специфики данных отношений.

В качестве иллюстрации проблем правоприменения О. С. Черепанова приводит ситуацию, произошедшую в ночь с 22 на 23 октября 2014 года на 56 километре МКАД, когда в результате массового дорожно-транспортного происшествия были повреждены восемь автомобилей, находившихся в искусственно созданной сотрудниками ГИБДД «пробке» с целью задержания нарушителя [6, с. 125]. Действия сотрудников ГИБДД со стороны общественности были оценены как незаконные, однако приказ МВД России предусматривает возможность

принудительной остановки транспортного средства посредством временного ограничения движения с использованием сигналов регулировщика и технических средств организации дорожного движения.

При признании действий сотрудников законными вопрос о возмещении убытков остаётся открытым, поскольку закон не содержит прямого положения о компенсации вреда, нанесённого имуществу граждан в результате размещения их транспортных средств на проезжей части с целью принудительной остановки правонарушителя, что демонстрирует существенный пробел в нормативном регулировании.

Законодательство о возмещении убытков, причинённых законными действиями государственных органов, характеризуется значительными различиями в правовом регулировании в зависимости от ведомства, что нарушает принцип правовой определённости и создаёт неравные условия для граждан. А. Н. Станкин обращает внимание на то, что сотрудники Федеральной службы безопасности, полиции и таможенных органов наделены схожим правом использовать в случаях, не терпящих отлагательств, транспортные средства, принадлежащие гражданам и организациям, однако порядок возмещения ущерба различается [5, с.113]. Если органы ФСБ и МВД возмещают по требованию владельцев транспортных средств расходы либо причинённый вред в установленном законом порядке, то таможенные органы компенсируют имущественный ущерб владельцам транспортных средств по их требованию за счёт средств федерального бюджета в порядке, определяемом Правительством РФ. Такая ситуация создаёт серьёзные трудности при обращении заинтересованных лиц за возмещением убытков, а в случае совместных операций сотрудников разных ведомств порядок компенсации для владельцев транспортных средств оказывается разным, что нелогично и несправедливо.

Для повышения эффективности механизма возмещения убытков, возникших в результате законных дей-

ствий государственных органов, требуется унификация законодательства в части порядка компенсации собственникам и владельцам имущества независимо от ведомственной принадлежности виновных.

Необходимо предложить разработку единого закона, регулирующего порядок возмещения убытков в случаях законных действий сотрудников правоохранительных органов, который должен предусматривать компенсацию не только материального, но и морального вреда. В идеальном варианте такой нормативный акт будет фиксировать ответственность органов публичной власти и базироваться на принципе полного возмещения вреда независимо от законности или незаконности действий государственных органов.

Таким образом, основной проблемой компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, является отсутствие единообразного подхода к определению правовой природы данных правоотношений в цивилистической науке, что порождает неопределенность в правоприменительной практике при разграничении компенсационных выплат и мер деликтной ответственности, а также фрагментарность законодательного регулирования, выражающаяся в существенных различиях порядка возмещения ущерба для разных ведомств при схожих обстоятельствах причинения вреда.

Для решения указанных проблем предлагается разработать и принять единый федеральный закон, регламентирующий порядок возмещения ущерба при правомерных действиях сотрудников правоохранительных органов, который должен основываться на принципе полного возмещения вреда независимо от законности действий, предусматривать компенсацию материального и морального вреда за счет средств федерального бюджета, а также закрепить исчерпывающий перечень случаев, при которых допускается такая компенсация, с обязательным включением ситуаций использования транспортных средств граждан для задержания правонарушителей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301.
2. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 31.12.2012. — № 53 (часть I). — ст. 7627.
3. Малышева, Н. А. Современное состояние правоотношений по возмещению ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов / Н. А. Малышева // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 4. — С. 50–54.
4. Рузакова, О. А. Проблемы компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления / О. А. Рузакова, А. Б. Рузаков // Сибирский торгово-экономический журнал. — 2016. — № 1 (22). — С. 74–78.
5. Станкин, А. Н. К вопросу о возмещении ущерба, причиненного правомерными действиями сотрудников правоохранительных органов / А. Н. Станкин // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2023. — № 4 (88). — С. 111–114.
6. Черепанова, О. С. Возмещение и компенсация вреда, причиненного правомерными действиями правоохранительных органов / О. С. Черепанова // Алтайский юридический вестник. — 2016. — № 1 (13). — С. 122–126.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 11 (614) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 25.03.2026. Дата выхода в свет: 01.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.